

T5
C89

5747 КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИЖИ +

Инд. Т5 С89 Инв. № 1803681

Автор Сушков Н.Ф.

Название Из украинской
Старинки

Место, год издания Харьков, 1905

Кол-во стр. 4, 162с.

- " - стр. листов 1

- " - иллюстраций 6 л. ил.

- " - карт

- " - схем

Том Часть вып.

Коллекция

Примечание: Полеги карендашом
12.08.90z Мольд -

Принадлежит
Киевской Городской Народ-
ной бесплатной читальни
имени Н. В. ГОГОЛЯ
и продана быть не может.

КИЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ БЕСПЛАТНАЯ
ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ Н. В. ГОГОЛЯ

КИЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ БЕСПЛАТНАЯ
ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ Н. В. ГОГОЛЯ

6 8442A

75553

~~Привлечь
Киевской Городской Народ-
ной бесплатной читальни
имени Н. В. ГОГОЛЯ
и должна быть не может.~~

ИЗЪ

УКРАИНСКОЙ

СТАРИНЫ.

1803681
РР

ПРОФЕССОРА

Н. О. Сумцова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія «Печатное Дѣло» кн. К. Н. Гагарина, Клочковская, № 5.

1905.

Т 52 (23 = Ук.)
+ Ш 5 (2 = Ук.) 1

Отдельные оттиски из Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества т. XVI.
Печатать разрешается на основании § 37 Устава Историко-Филологического Общества
Председатель Проф. *Н. Сумцов.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Страницы</i>
Предисловіе	2
1) Къ исторіи украинской иконописи	3—13
2) Бытовая сторона „Энеиды“ И П. Котляревскаго	14—35
3) Просвѣдительная дѣятельность А. А. Палицына	36—53
4) Г. Θ. Квитка-Основьяненко, какъ этнографъ	54—81
5) Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка	82—96
6) „Сонце заходить“ Т. Г. Шевченка	97—105
7) Рисунки и картины Т. Г. Шевченка	106—113
8) И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ	114—137
9) „Субботы св. Дмитра“ Я. И. Щоголева	138—142
10) Современное изученіе кобзарства	143—147
11) Духовныя сочиненія Н. Флавицкаго	148—152
12) „Бесѣды“ неизвѣстнаго священника 1823 года	153—162
Рисунки: а) „Снятіе со креста“ XVIII ст.	11
б) „Мадонна“ коп. Мурильо XVIII в.	11
в) Акаѣстная икона Богородицы	12
г) Портретъ А. А. Палицына	36
д) Видъ дома А. А. Палицына	36
е) Портретъ Г. Θ. Квитки	54
ж) Видъ дома Г. Θ. Квитки	54
з) Портретъ Я. И. Щоголева	139
и) Портретъ Т. М. Пархоменко	143

Принял(а) на себя
Киевской городской Народной
бесплатной читальни
имени А. В. ГОГОЛЯ
и продана быть не можетъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Не будемъ напрасно лишать себя всякой поэзіи. Мы, дѣти суроваго и часто очень прозаическаго времени, мы все же хотимъ оставить за собою право вызывать въ нашей старости вновь тѣ картины, которыя наполняли нашу юношескую фантазію“.

Рудольфъ Вирховъ.

Въ 1902 г. къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ мной изданъ былъ небольшой сборникъ статей подъ заглавіемъ «Очерки народнаго быта», заключающій въ себѣ мои наблюденія во время этнографической экскурсіи 1901 г. въ Ахтырскомъ и Лебединскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи. Нынѣ къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ издается настоящій сборникъ «Изъ украинской старины» въ составѣ 12 статей, сгруппированныхъ преимущественно съ цѣлью опредѣленія бытовой старины Малороссіи, по свидѣтельству украинскихъ писателей. Четыре статьи (№№ 1, 2, 11, 12) появляются впервые, а остальные восемь (№№ 3—10) перепечатаны изъ прежнихъ изданій въ переработкѣ или съ дополненіями. Нѣкоторыя статьи мѣстнаго харьковскаго интереса снабжены рисунками.

Къ исторіи украинской иконописи.

Въ то время, когда сѣвернорусскіе иконописные приемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полного вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда ¹⁾, южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ «маткѣ своей Малой Россіи» ²⁾ онъ въ свои иконописные попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія,

¹⁾ *Аристовъ*, Промысл. др. Руск. 185.

²⁾ *Сам. Величко*, Львѣп. 1, 98, 36.

Принадлежитъ
 Киевской Городской Библиотеке
 ной бесплатной читальни
 имени Г. В. ГОГОЛЯ
 и продана быть не можетъ.

украшили свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышуть воль и осель. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успеніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся донынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, «рисунокъ сильный и правильный; композиціи смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ»¹⁾.

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Аленискій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большою похвалою отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы²⁾.

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ 1649 г., находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти и посуда взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка.³⁾ Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Бого-

¹⁾ *Зоря*, 1885, № 21.

²⁾ *Сборн. матер. по ист. топогр. Кіева*, 60.

³⁾ *Зоря*, 1885, № 21.

мать, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся казацкая арматура. Отъ казака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видъ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». Нѣсколько выше этой надписи слѣлана другая: «Избавлю и покрыву люди моя». По преданію, эта икона изображаетъ кошевого П. П. Калнишевскаго съ товариществомъ¹⁾. Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ — запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы²⁾.

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель съ высокой тиарой на головѣ, въ пурпурной мантии на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и дѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казака, повѣшеннаго на трепожникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая казацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ³⁾. Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный О. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала XVIII вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько казаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери, на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ

1) *Эварнишкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы.

2) *Ib.* II, 193, съ рисункомъ,

3) *Ibid.* I, 87.

малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича ¹⁾).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кievской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною $3\frac{3}{4}$ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкаскаго уѣзда кievской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошель съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ павояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣндивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ, исполняетъ роль кучера и четвертый—лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготавливала зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стеклянкою; колдунья заламывающая жито; воръ, кравшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, «та що дѣти тратила»: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—«пчолы краде»: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на телѣжкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровский, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей

¹⁾ *Новое Время*, 1882, № 2445.

задачѣ, стремленія замѣнить условную схему жизни образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ въ некоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ»¹⁾.

По свидѣтельству О. Г. Лебедева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдыя, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ пачоканкѣ, дугомъ — на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома, или поссессора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью *chos do piekla, ale z fajka*, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссессора и даже столоначальника духовнаго правленія²⁾.

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями стала весьма распространенной среди любочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики «Де найшовъ — де загубивъ» отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая любочная картина въ крестьянской избѣ: «На здоровому лысту намалеваний змій... Повився той змій високо, високо, а по ему йдуть души праведни до Господа мылосерднаго на вичну радисть, который у рай трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелького змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти пылае вельке поломья, а въ тимъ поломья сыдыть самъ батько всихъ грихивъ сатана, а у ёго на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и привытае тихъ, що йдуть ў те полумья превелькымъ ланцюгомъ зацеплени души гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купци, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелькою ломакою намыряется буцимъ быты по потылицы, щобъ не зупынялысь»³⁾.

¹⁾ *Покровскій*, Труды одес. археол. съезда, III, 327.

²⁾ *Лебед.*, въ *Кіев. Стар.* 1883, I, 4.

³⁾ *Основа* 1862, IV, 80.

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархій преосв. Θεодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархій, видно, что въ с. Водяномъ Зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ Харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселенцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ¹⁾.

У частныхъ лицъ, полагаю, еще хранится немало старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa XVII столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ со сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангель и съ лѣвой—ангель; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ Грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготавливаемые здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію. Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «наилучши богомазы, иконописци и усяки малары». Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣвернорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству²⁾. Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣш-

¹⁾ *Багалій*, Археол. замѣтки о Харьк. губ. 13.

²⁾ *Добротв.*, Куст. пром. Курск. губ.

ное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ Воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Экономическаго общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ Воронежск. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ, слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ.

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: «малороссъ.... привержень ко всему священному и церковному; въ частности въ церквахъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится».

Большимъ шагомъ впередъ къ дѣлѣ собиранія и изученія стариннаго церковнаго южнорусскаго искусства былъ XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Отдѣлъ церковныхъ древностей на археологической выставкѣ былъ великъ и разнообразенъ. Онъ составилъ почти исключительно изъ памятниковъ, поступившихъ изъ церквей Харьковской епархіи. Проф. Е. К. Рѣдинъ, совершившій въ 1900 и 1901 г., по порученію московскаго археологическаго общества, нѣсколько ученыхъ экскурсій по харьковской губерніи, съ цѣлью изученія церковныхъ древностей, собралъ большой матеріалъ, сгруппировалъ его на выставкѣ и далъ ему подробное описаніе въ видѣ каталога въ 174 стр.; здѣсь описано 686 предметовъ—иконы, царскія врата, кресты и статуи, дарохранительницы, вѣнцы, чаши, плащаницы, воздухи, облаченія. Лучшій памятникъ живописи—иконостасъ изъ ц. свв. Бориса и Глѣба с. Водянаго змievского у.; иконостасъ этотъ перенесень сюда въ 1818—1822 годахъ изъ бывшей церкви упраздненнаго около 1784 г. древняго казачьяго Николаевскаго монастыря близъ с. Гомольши змievского у. Каталогъ снабженъ подробными указателями иконографическимъ и мѣстнымъ. Кромѣ

686 предметовъ на выставкѣ было еще 660 фотографій съ церковныхъ древностей харьковской губ.

Подъ вліяніемъ XII археологическаго съѣзда, его церковно-археологической выставки и связанныхъ съ ней трудовъ проф. Е. К. Рѣдина, усилился интересъ къ южнорусской церковной старицѣ. Какъ видно изъ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца и Трудовъ подольскаго церков. истор.-археол. общества за послѣдніе годы, въ направленіи работъ проф. Рѣдина, въ полтавской губ. трудился г. Левицкій, въ Кіевской губ. проф. Павлуцкій, г. Доманицкій, въ Подольской губ. свящ. Сѣцинскій. Собирались свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ церквахъ (см. 10 вып. Труд. Под. И. А. Общ. 1904 г.), иконахъ, антиминсахъ и др. церковныхъ древностяхъ.

На основаніи богатаго матеріала, собраннаго пр. Е. К. Рѣдинымъ, и главнымъ образомъ его каталога построено изслѣдованіе г. Нарбекова «Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в.» (Казань 1903 г.). Рецензія г. Шестакова на это сочиненіе напечатана въ Ж. М. Н. П. 1904 г. № 9.

Проф. Е. К. Рѣдинъ говоритъ въ предисловіи къ каталогу, что поступившіе на выставку церковные предметы далеко еще не представляютъ всего того наиболѣе характернаго и драгоцѣннаго для исторіи религіознаго искусства, что хранится въ многочисленныхъ церквахъ епархіи, и, дѣйствительно, даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ былъ пр. Рѣдинъ, не все было представлено ему на осмотръ. Примѣромъ можетъ служить большая слобода Боромля Ахтырскаго уѣзда. Изъ 4 храмовъ этого села въ одномъ Воздвиженскомъ священникъ (нынѣ покойный) отказался наотрѣзъ открыть церковь для осмотра. Въ другомъ—главномъ храмѣ—имени Рождества Богородицы—наиболѣе старинныя иконы, находившіяся въ кладовой подъ замкомъ, не могли быть осмотрѣны, по случаю временнаго отсутствія церковнаго старосты.

Слобода Боромля возникла въ началѣ XVII ст., и около 1650 г. въ ней уже была церковь во имя Рождества Богородицы. Считалась она главной, соборной, и понынѣ удерживаетъ за собой такое значеніе. Въ 1725 г. въ прошеніи о дозволеніи перестроить храмъ писали: «этому мѣстѣ съ 80 и болѣе въ этомъ городѣ Боромлѣ построена оная соборная церковь». Въ 1803 г. начали строить каменный Рождественскій храмъ. Въ 1811 г., когда постройка этого храма еще не была совсѣмъ окончена, деревянный храмъ сгорѣлъ съ его утварью и церковными бумагами. При постройкѣ храма пособіе оказывалъ мѣстный помѣщикъ поручикъ Николай Ивановичъ Карповъ, одинъ изъ потомковъ полтавскаго старосты Степ. Карпова ¹⁾.

¹⁾ *Архієпископъ Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III, 123.

Принадлежит
Киевской Городской Народ-
ной бесплатной читальне
имени Н. В. ГОГОЛЯ
и продана быть не может

Библиотека № 101
Киев

„Снятіє со Креста“ и „Мадонна“

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромль, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Лѣтомъ 1904 г., по случаю церковнаго ремонта, всѣ старинныя иконы, числомъ около 20, были перенесены изъ кладовой и размѣщены въ притворѣ. Интересны два большихъ холста съ изображеніями религіознаго содержания: «Мадонна» и «Снятіе со креста». Первая картина, выш. 2 арш. и шир. въ 1 арш. 6 вершк., представляетъ копію «Мадонны» Мурильо. Изображеніе извѣстное, и недостаетъ только Бога Отца оригинала. Копіистъ ограничился изображеніемъ сверху парящаго голубя. Другая картина (2¹/₄ и 1¹/₂ арш.) изображаетъ въ краскахъ снятіе со креста, въ духѣ Рембрандта, но съ другимъ расположеніемъ фигуръ и безъ внесенія національныхъ костюмовъ. Картины пожертвованы, какъ видно изъ надписи на «Мадоннѣ» Платономъ Николаевичемъ Карповымъ въ 1777 г., съ помѣткой, что жертвователю родился въ Боромлѣ. Характерно, что произведенія Мурильо въ слободской Украинѣ въ XVIII ст. пользовались большимъ почетомъ и распространеніемъ.

Изъ другихъ иконъ выдѣляется икона Дубовицкой Божіей Матери, небольшая, на деревѣ, и въ особенности иконописное изображеніе пр. Дѣвы и ея символовъ, упоминаемыхъ въ акаѳистѣ, повидимому конца XVIII или начала XIX ст.

Въ иллюстрированномъ акаѳистѣ Богородицы въ русскомъ подлинникѣ XVII в. и въ приблизительно того же времени аѳонскихъ фрескахъ Ватопеда ¹⁾ иллюстраціи по выбору текста и расположенію рисунка существенно отличаются отъ боромлянской иконы. Въ этихъ болѣе старыхъ образцахъ вокругъ иконописнаго изображенія Богоматери Одигитріи (съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и безъ наклона головы), по всѣмъ четыремъ краямъ рамки, идутъ маленькія четырехугольныя иконки—иллюстраціи къ акаѳисту Богородицы. Тутъ идутъ рисунки на темы «Слышати пастыріе ангеловъ», «Боготечную звѣзду узрѣйте волсви», «О, всепѣтая Мати» и др. Таковы напр. Б. М. съ Акаѳистомъ въ церкви Евстафія Плакиды на Аѳонѣ. Тутъ находятся по сторонамъ рисунки Благовѣщенія, Встрѣчи Марій и Елизаветы и др. Въ миниатюрахъ варианты; напр., на икосѣ «Разумъ не разумены» Марія протягиваетъ къ ангелу руки съ выраженіемъ недоумѣнія, «новую показа тварь»—Христось на тронѣ передъ іерархами. Аѳонскія сочиненія этого рода, по оцѣнкѣ проф. Кондакова, «отличаются слащавымъ выраженіемъ, дѣтскимъ реализмомъ, убогою картишностью и сложностью».

Боромльская икона представляетъ композицію совершенно свободную, исключительно предметную, безъ лицъ, лишь съ символами, безъ

¹⁾ Кондаковъ, Памяти. христ. иск. на Аѳонѣ 97—99.

рамочныхъ дѣлений. Икона писана на деревѣ сочными масляными красками. Величина доски въ ширину 1 арш. 1 верш. и выс. 9 вершковъ. Характеръ рисунка поздній. Въ средней части Богоматерь съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, съ золотой коронкою на головѣ западнаго образца въ синемъ хитонѣ. Бѣлое покрывало спадаетъ съ головы на плечи. Въ правой рукѣ скипетръ. Это образъ Царицы Небесной. Стоитъ она на полумѣсяцѣ. У младенца правая рука протянута и приподнята для благословенія; въ лѣвой держава (шаръ).

Живописныя изображенія безъ внѣшнихъ разграниченій идутъ въ два ряда, сверху и снизу иконы, огибая кругомъ Пр. Дѣву. Всѣ верхнія изображенія идутъ легкимъ оваломъ въ бѣловатыхъ облакахъ.

Налѣво отъ Богородицы скрижаль и на ней процвѣтшій жезлъ Аарона, правѣе одно за другимъ идутъ кадило, круглое зеркало на подножкѣ, сѣдалище въ видѣ глубокаго золотого кресла, обитаго краснымъ сукномъ на двухъ ступеняхъ и на самомъ краю маленькая золотая звѣзда.

Справа отъ Богородицы идутъ подсвѣчникъ (горящая свѣча въ паникадилѣ), золотой сосудъ, зеленый цвѣтокъ съ бѣлыми цвѣтами и красными пестиками, лѣвѣе и выше золотыя царскія врата съ амвономъ и на самомъ краю горящая купина съ равностороннимъ треугольникомъ въ серединѣ—символомъ св. Троицы.

Внизу подъ Богоматерью огороженное рѣшеткой четырехугольное мѣсто съ вратами впереди, съ двумя деревьями внутри двери и двумя деревьями по бокамъ. Отъ этой постройки идутъ бѣлый камень, зеленое дерево и еще лѣвѣе въ углу большой круглый колодезь съ воротомъ. Надъ колодеземъ (подъ звѣздой) большое солнце, восходящее изъ-за горы.

Вправо отъ постройки идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ дерево въ родѣ пальмы, стоящая лѣстница и падающій изъ темной скалы ручей.

Всѣхъ изображеній—19, считая въ томъ числѣ и Богоматерь.

Въ иконѣ ярко проведено начало параллелизма. Предметамъ съ правой стороны соотвѣтствуютъ предметы на лѣвой сторонѣ: сѣдалищу правой стороны царскія врата лѣвой, кадилу—сосудъ, жезлу Аарона свѣча; то же и въ нижнемъ ряду: ручью—колодезь, дерево—дереву и т. д.

Рисунки объясняются икосами акаѳиста и канона пр. Богородицѣ, какъ то, словами:

въ 1 икосѣ Акаѳиста:

Радуйся, яко еси царева сѣдалище,

Радуйся, яко посети носящи вся.

Радуйся, (звѣзда) являющая солнце.

Въ связи съ этимъ подъ звѣздой помѣщено восходящее солнце.

Принадлежит
Киевской Городской Народ-
ной бесплатной читальне
имени Н. В. ГОГОЛЯ
и продана быть не может

Акаѳистная икона пр. Богородицы
въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромла, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 12 стр.

Въ ико́сѣ 2:

Радуйся, лѣствице небесная, ея же спиде Богъ.

Въ ико́сѣ 3:

Радуйся, пріятное молитвы кадило.

Радуйся, отрасли неувядаемое розго.

Въ ико́сѣ 4:

Радуйся, дворе словесныхъ овецъ.

Радуйся, райскихъ дверей отверзене.

Въ ико́сѣ 6:

Радуйся, каменю, напоившая жаждущія жизни.

Въ ико́сѣ 7:

Радуйся, древо свѣтлоплодовитое,

Радуйся, древо благосѣннолиственное.

Въ ико́сѣ 11:

Радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта,

Радуйся, яко многотекущую истощаеши рѣку.

Въ Акаѳистѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости:

VII. Радуйся, чаше, ея же радость и спасене воспріемлемъ,

Радуйся, животворной воды неистощимый источнице.

Радуйся, чистоты и цѣломудрія сосуде избранный.

VIII. Радуйся, купино неопалимая.

Радуйся, живоносный источнице,

Радуйся, цвѣте неувядаемый...

XII. Радуйся, двери райскія...

Въ капонѣ, въ 1 пѣснѣ:

Радуйся, благоуханный крыне.

Радуйся, свѣшнице и стамно мапно носящая и услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Данный въ боромлянской иконѣ образецъ иллюстраціи акаѳиста Богородицы представляетъ одну изъ любопытныхъ формъ художественнаго осмысленія пестраго и мѣстами недостаточно вразумительнаго содержанія акаѳистнаго текста. При взглядѣ на икону молящійся могъ припомнить и осмыслить обращенія къ Богородицѣ. Художественная форма закрѣпляла и комментировала литературныя черты памятника.

Бытовая старина въ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго.

Существуетъ мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго былъ П. А. Кулишъ, что Котляревскій въ перелицеванной «Энеидѣ» смѣялся надъ украинцами. Кулишъ находилъ, что «уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку». Вопреки этому крайне одностороннему мнѣнію Н. И. Костомаровъ съ похвалой отзывается объ «Энеидѣ» и усматриваетъ въ ней «вѣрную картину малорусской жизни». Историкъ украинской литературы проф. Н. И. Петровъ, во многомъ оправдывая Котляревскаго литературными традиціями и условіями семинарскаго образованія, всетаки находитъ, что Котляревскій «пародировалъ малорусскую народную жизнь». Вообще, и въ похвалахъ, и въ порицаніяхъ сквозитъ бытовая точка зрѣнія. Котляревскій отлично зналъ быть, нравы и языкъ малороссовъ, и потому у него часто прорываются мѣткія наблюденія. Нужно быть благодарнымъ памяти поэта за эти оброненныя имъ мимоходомъ этнографическія богатства, и нельзя осуждать его за отсутствіе стройныхъ и цѣльныхъ описаній малорусской природы и малорусскаго народнаго быта. Будь въ то время такъ поднятъ интересъ къ народности и къ этнографическимъ изученіямъ, какъ это было уже много лѣтъ позднѣе, въ 40 и 50-е годы, то, можно думать, и Котляревскій нашелъ бы другіе литературные способы для примѣненія своего богатаго природнаго дарованія и своихъ обширныхъ этнографическихъ познаній. Время выхода «Энеиды», т. е. конецъ XVIII ст. было временемъ лишь элементарнаго, зачаточнаго изученія народной жизни.

Среди значительнаго числа отзывовъ объ «Энеидѣ» Котляревскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ, содержательные и хорошо обставленные въ научномъ отношеніи отзывы проф. Н. П. Дашкевича въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г. и П. И. Житецкаго въ «Кіевск. Старинѣ» 1899 и 1900 г. Въ статьѣ «Малорусская и другія бурлескныя (шутливья) Энеиды» проф. Дашкевичъ разсматриваетъ произведеніе Котляревскаго на широкомъ

полѣ сравнительно изученія. «Энеида» Вергилия — произведение, пользовавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ большимъ литературнымъ авторитетомъ, издавна стала предметомъ пародіи и шутки. Еще въ XVII ст. французскій писатель Скарронъ выпустилъ «La Virgile travesti» — шутливую передѣлку «Энеиды», гдѣ классическіе боги и богини раздѣланы подь орѣхъ, со многими веселыми картинками, мѣстами съ такой фривольностью, передъ которой Котляревскій оказывается очень скромнымъ. Въ Германіи въ XVIII ст. «Энеиду» пародировали Михаэлисъ и Блумауеръ, въ Россіи незадолго до Котляревскаго — Осиповъ. Котляревскій, какъ человекъ образованный, былъ знакомъ съ нѣкоторыми предыдущими передѣлками и, въ частности, кое въ чемъ подражалъ Скаррону. Чѣмъ объясняется выдающееся положеніе «Энеиды» Котляревскаго? Вотъ тутъ то и оказываются цѣнными безпристрастные научные выводы профессора Дашкевича. «Украинская «Энеида», говоритъ проф. Дашкевичъ, представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ глубокими мыслями, между прочимъ, съ просвѣщеннымъ вниканіемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ». Въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскусственности комизма Котляревскій не уступаетъ Скаррону и превосходитъ его по тонкости отдѣлки и обилію бытовыхъ подробностей. Проф. Дашкевичъ называетъ поэму Котляревскаго «обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска». Забавный тонъ въ Энеидѣ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, своего рода философское міросозерцаніе. Наряду съ веселыми шутками проскальзываютъ печальные мотивы, наприимѣръ:

Бида не по деревьямъ ходить,
И хто-жь їи не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родить,
Бида для насъ — судьбы уставъ!

Заслуживаютъ вниманія тѣ мѣста, гдѣ авторъ высказываетъ свои личныя нравственныя воззрѣнія.

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангѣлы, такіе жъ люде,
Болюсь намъ треба всемъ пропасть.

Та же філософія житейской мудрости слышится въ словахъ:

Колы чого въ рукахъ не маешь,
То не хвалыся, що твое.
Що буде, ты того не знаешь,
Утратышь, може, и свое.
Не розглядивши, кажуть, броду.
Не суйсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмышивъ людей.

Въ томъ же родѣ:

Не идь въ дорогу безъ запасу,
Бо хвисть отъ голоду надмешъ.

На тему, что пугливая ворона и куста боится:

Зъ людьми на свити такъ буває,
Колы кого михъ полякае,
То послѣ торба спать не дасть.

Къ тому же разряду моральныхъ сентенцій можно отнести послѣдніе стихи поэмы:

Живе хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно.
А бильшь колы и совисть жметъ.

Здѣсь затронуто начало совѣсти, тѣ ея мученія, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Когтистый звѣрь, скребящій сердце...

Котляревскій, однако, болѣе склоняетъ читателя къ радостному настроенію:

Чимъ бильшь журытыся—все гирше,
Заплутаешься въ лиси бильше,
Покинь лишь горе и заплую...

Проф. Дашкевичъ находить, что «сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли; онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ «Похвалы глупости» Эразма Роттердамскаго, къ проницескому изображенію міра у Аріосто и, вообще, къ концепціи великихъ сатириковъ».

При такой высокой оцѣнкѣ Котляревскаго, съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія и настроенія, заслуживаетъ еще вниманія масса разбросанныхъ въ «Энеидѣ» любопытныхъ замѣчаній по археологич. малорусскаго быта и замѣчаній на живыя темы современныхъ автору общественныхъ отношений. Такъ, заслуживаетъ вниманія сочувственное отношеніе къ крестьянамъ, безъ вражды къ дворянамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ авторъ.

«Бувають всякіі паны»,
говорить Котляревскій, и потому у него есть паны и въ аду, и въ
раю. Въ раю

Бувають війскові, значкові,
И сотники, и бунчукові,
Яки правдыву жизнь вели;

но любопытно, что въ адъ паны попали за дурное обращеніе съ
крестьянами.

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарили зо всіхъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставили ихъ за скотивъ.
За те вони дрова возылы,
Въ болотахъ очереть косылы.

Интересно еще замѣчаніе Котляревскаго, что

Мужича правда есть колюча.
А панська на вси боки гнуча.

8081
Кое-гдѣ проскальзываютъ замѣчанія о чиновникахъ, между прочимъ,
о главной язвѣ тогдашняго чиновничьяго быта—взяточничествѣ.

У насъ хоть трохи кто тямущый...
То той хоть зъ батька та здере.

Достается не мало

«чепщямъ, попамъ и крутопопамъ»

за то, что

Мырянъ щобъ знали научать,
Щобъ не гонялись за гривнями,
Щобъ не возылись зъ попадами,
Та знали церковь щобъ одну,

особенно ксеензамъ, «до бабъ щобъ не йиржалы».

Не лишено интереса описаніе рекрутчины, близкое къ народному
пониманію.

Пишли, розвывши короговку,
И слезы молодежь лила,
Кто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У инчыхъ мылая була.

Въ другомъ мѣстѣ приводится мысль, что для войны нужны деньги
и запасы хлѣба:

Війско треба харчуваты
И воинъ безъ вина хомякъ,

1803681

Безъ битои голои копійки,
Безъ сій прелестницы злодійки,
Неможна воювать ніякъ.

Чуткая отзывчивость на современные общественные интересы со-
здавала Котляревскому прочное положеніе въ потомствѣ. Насколько это
положеніе прочно, можно судить по сравненію Котляревскаго съ Нико-
лаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Котляревскій и Гнѣдичъ вмѣстѣ учились
въ полтавской семинаріи, были пріятелями и похоронены рядомъ на
городскомъ полтавскомъ кладбищѣ. Гнѣдичъ получилъ широкую извѣст-
ность среди современниковъ переводомъ «Иліады», Котляревскій—паро-
діей на «Энеиду». Любопытная, игра судьбы—осмѣяніе классической
старины со стороны Котляревскаго сыграло гораздо большую роль и
оставило по себѣ неизмѣримо большія литературныя послѣдствія, чѣмъ
прославленіе классической древности со стороны Гнѣдича. Котляревскому
воздвигаются памятники; Гнѣдичъ почти забытъ, а, между тѣмъ, и Гнѣ-
дичъ обладалъ талантомъ, быть можетъ, не меньшимъ, чѣмъ талантъ
Котляревскаго. Извѣстно, какъ въ 1830 г. Пушкинъ сочувственно встрѣ-
тилъ переводъ «Иліады»:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обладая тонкимъ поэтическимъ слухомъ, Пушкинъ въ тяжелыхъ
гекзаметрахъ Гнѣдича слышалъ умолкнувшіе звуки божественной эллип-
ской рѣчи; но для широкихъ слоевъ образованнаго общества здѣсь было
только тяжелое бряцаніе громкихъ словесъ. Гнѣдичъ и въ оригинальныхъ
своихъ поэтическихъ произведеніяхъ пробовалъ выдержать высокопарный
стиль, причемъ такъ далеко ушелъ отъ родины, отъ жизни, отъ бытовой
дѣйствительности, что читающая публика увидѣла въ немъ незнакомца
и совершенно забыла и его, и всѣ его произведенія, переводныя и
оригинальныя.

Котляревскій пошелъ навстрѣчу живымъ запросамъ общества; онъ
сталъ разрабатывать на малорусскомъ языкѣ такіе мотивы, которые еле
были затронуты въ семинарскихъ литературныхъ продуктахъ стараго
времени и привлекали къ себѣ вниманіе, вызывали веселый смѣхъ, по-
рождали анекдоты и шутки. Онъ пошелъ навстрѣчу мѣстнымъ сцени-
ческимъ потребностямъ и такимъ путемъ не только отвѣтилъ на запросы
средняго общества, но и людямъ высокаго общественнаго положенія онъ
доставилъ большое удовольствіе; таковъ, былъ, наир., малороссійскій ге-
нералъ-губернаторъ князь Я. Н. Лобановъ—Ростовскій, любившій изящ-
ныя искусства и содѣйствовавшій устройству въ Полтавѣ театра лю-

бителей; таковъ былъ, напр., малороссійскій военный губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ, который содѣйствовалъ постановкѣ «Наталки Полтавки» на полтавской сценѣ въ 1819 г.; таковъ былъ, наконецъ, Императоръ Николай Павловичъ, читавшій въ молодости «Энеиду» Котляревскаго. Кулишъ глубоко ошибался, когда въ 60-хъ годахъ писалъ, что «Энеида» Котляревскаго правилась армейскимъ офицерамъ-товарищамъ поэта да ихъ лакеямъ; будто простолюдины не смѣялись: имъ было не до «Энеиды». Въ дѣйствительности, смѣялись все, до кого только доходила «Энеида»: и князья, и простолюдины, — и въ этомъ смѣхѣ были плодотворные культурные зародыши, зарождались новыя литературныя стремленія, крѣпла наклонность къ литературному воспроизведенію бытовой дѣйствительности, къ проповѣди братскихъ и гуманныхъ сословныхъ отношеній. Для конца восемнадцатаго столѣтія это были зародыши большой важности и большого значенія, особенно въ этнографическихъ предѣлахъ Малороссіи.

Историческое значеніе И. П. Котляревскаго отчетливо выражено въ адресѣ Харьковскаго университета полтавскому городскому управленію 30 августа 1903 г. по случаю открытія памятника славному украинскому поэту. Адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приносить полтавскому городскому общественному управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣпляетъ вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная «Энеида», почти столѣтіе протекло, какъ вышли въ свѣтъ «Наталка Полтавка» и «Москаль Чарившкь», и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности: она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполне удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка — почтенные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сблизившихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное

значеніе для археологій стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсней. Но не въ однихъ заслугахъ для археологій состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служить, съ одной стороны, нагляднымъ свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго, какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній, повымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!».

Историческое значеніе перелицованной „Энеиды“ Котляревскаго обусловлено большимъ ея вліяніемъ на послѣдующее развитіе украинской литературы, ея связью съ предшествовавшими литературными пародіями на Энеиду Виргилія и значительнымъ количествомъ присутствующихъ въ ней историко-бытовыхъ потребностей. У Котляревскаго не мало такого, что уже въ его время было старо и шло къ вымиранію, что вышло затѣмъ изъ житейскаго обихода или сохранялось въ сельской глуши въ значеніи культурнаго пережитка.

При опредѣленіи тѣхъ сторонъ въ Энеидѣ Котляревскаго, которыя нынѣ представляютъ интересъ лишь для археологій, прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой степени Котляревскій былъ самостоятеленъ въ ихъ изображеніи, нѣтъ ли у него тутъ прямыхъ заимствованій—изъ тѣхъ литературныхъ источниковъ, которымъ онъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражалъ. Отвѣтъ на это сомнѣніе былъ уже данъ въ наукѣ, напр., въ статьѣ г. П. Житецкаго во 2 кн. «Кіевск. Стар.» 1900 г. и въ статьѣ г. Н. Минскаго о двухъ перелицованныхъ Энеидахъ; отвѣтъ вышелъ благопріятный для украинскаго писателя. Избравъ пародію Осипова 1791 г. образцомъ для своей работы, Котляревскій, не довольствуясь изложеціемъ вѣкъ пространства и времени, перенесъ все дѣйствіе поэмы въ современную ему Украину, къ изученію которой приступилъ съ большимъ рвеніемъ. Живя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, почти въ центрѣ Малороссіи, Котляревскій присматривался къ языку народа, изучалъ его нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія, участвовалъ въ играхъ, записывалъ характерныя народныя слова и пѣсни. Приступивъ сначала повидимому съ

цѣлью лишь посмѣшить читателя. Котляревскій увлекся работой, и, по мѣрѣ того какъ онъ изучалъ народную жизнь, отношеніе его къ народу становилось болѣе серьезнымъ и сознательнымъ, что обнаружилось въ послѣднихъ пѣсняхъ Энеиды и въ драматическихъ произведеніяхъ.

Почти всѣ главные малорусскіе писатели—Котляревскій, Квитка, Шевченко, Манжура, Франко, Гринченко въ то же время этнографы, съ той разницей, что у писателей новаго времени этнографическія собранія и изслѣдованія идутъ большею частью отдѣльно, въ видѣ сборниковъ и журнальныхъ статей, а у писателей раннихъ, въ особенности у Котляревскаго и Шевченка этнографическія изученія введены въ литературныя произведенія и разлиты по нимъ повсемѣстно и въ такомъ обиліи, что поэтъ сливается съ этнографомъ.

По словамъ г. Мисскаго, Энеидѣ Котляревскаго особенную прелесть придаетъ живыя наблюденія изъ быта малорусскаго простолюдина, правда и талантливость изображеній. Описывается ли попойка, сраженіе, буря— все блещетъ своеобразными украинскими красками, на всемъ печать живой правды. Для подтвержденія своихъ словъ, г. Мисскій сравниваетъ описаніе обѣда, устроеннаго Дидоной Троянцамъ, въ поэмахъ Блумауера, Осипова и Котляревскаго. Вотъ какъ этотъ обѣдъ описываетъ Блумауеръ: «То былъ обѣдъ! Съ тѣхъ поръ, какъ ѣдятъ, подобнаго не давалъ ни одинъ государственный прелать, посящій архіерейскую шапку. Нарочными эстафетами были доставлены изъ Парижа зелень, рагу и соусы, равно какъ и карлики, заключенные въ паштетахъ, изъ Венгріи мясо, изъ Америки птицы, изъ Лапландіи мороженое. Тутъ были морскіе раки, карпы и длинная форель. Въмѣсто жаркаго былъ поданъ цѣлый быкъ; спаржа была толщиною въ руку, устрицы громадныя, какъ тарелка». Далѣе описывается нирогъ, представлявшій пожаръ Трои, съ Энеемъ, сдѣланнымъ изъ тѣста на верху, и вина токайское, капское, мальвазія, шампанское и др. Намѣреніе Блумауера ясно—осмѣять прожество католическаго духовенства. Осиповъ, оставивъ въ сторонѣ духовенство и позаимствовавъ только паштеты и вина, приправилъ свое описаніе кабацкими словечками:

Различны яства тамъ заморски,
По почтѣ все привезено,
Дурного не было ни горсти,
Все на подрядъ припасено.
Пудъ въ десять окорокъ вестфальскій,
Съ большую башню сыръ голандскій,
Жаркаго часть былъ цѣлый быкъ,

На пирогѣ же или паштетѣ
Катайся цугомъ хотъ въ каретѣ,
И съ свињю былъ у нихъ куличъ...
Випомъ шампанскимъ хотъ облейся...

Котляревскій придалъ колоритъ чисто малорусскій.

Выйшли въ свитлицю, та й на пиль;
Пылы на радощахъ сивуху,
И илы симьяну макуху,
Покы клыкнуды ихъ за стилъ.
Тутъ илы разныя potravы
И все зъ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гаріи приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ.
Свыпячу голову до хрину
И локшипу на перемину,
Потимъ зъ пидлевою индыкъ,
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зѣбци, пугрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ,
И кубкамы пылы выпивку,
Медъ, пиво, брагу, сыривецъ,
Горылку просту и тернывку.

Вообще, у Котляревскаго часто говорится о кушаньяхъ и напиткахъ. Такъ, въ гостяхъ у Ацеста.

И заразъ попросивъ у хату,
Горилкою почастувавъ,
На закуску паклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлеба повне решето,
Тройнцамъ всимъ дали тетерю...
И въ кахляхъ понесли пашкеты
И кнесплю имъ до сыты,
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку
Гречаныхъ съ часныкомъ пампучъ

Въ другомъ мѣстѣ:

Поклалы шелевки сосновы,
Кругомъ наставылы мысокъ....
Лемишку и кулишъ глыталы

И брагу кухлыкомъ тяглы
Та и горылочку хлесталы.
Зевесъ кружавъ тоди сывуху
И оселедцемъ заздавъ ¹⁾).

Прямо съ натуры списана картина, какъ во время пира:

Въ присинкахъ вси паны сидилы,
На двори жь кругомъ стоявъ народъ
У викна де-яки глядилы,
А иншій бувъ наверхъ воротъ (26)..
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пъялы (61).

Въ раю:

Тамъ лакощны разни илы,
Буханчики пшенични били,
Кислицы, ягоды, коржи,
И всяки разни вытребеньки...
Люльки курылы полягавши,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не инну,
А третёпробну перегинну,
Настоянную на бодянь,
Пидь челюстями запикину
И зъ ганусомъ и до колгану,
Въ пій бувъ и перець, и шапранъ
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржикки, стовщи,
Вареныкы, пшенични, били
Пухки съ кавьяромъ бухащи,
Чесныкъ, рогизъ, паслинъ, кыслицы,
Козельци, терпъ, глidy, полуныши,
Крутыи яйця зъ сыривцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусъ нимецьку, не тутешню,
А запывали все пивцемъ (62)

Въ гостяхъ у латинскаго царя:

Вродылось реньске съ курдымономъ
И пиво чорнее зъ лимономъ. (74)...

¹⁾ Всѣ выписи сдѣланы по изд. редакціи Кіевской Старины.

Пыригъ завдовжки изъ аршинъ (75)...
И или бублики, кавьярь,
Бувъ борщъ до шпундрывъ зъ буряками,
А въ ющи потрухъ зъ галушками,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибки баба шарпанына,
Печена съ часныкомъ свынына,
Брохмаль—якій йидять паны...
Пылы сикизку, деренивку
И крымску вкусную дулилку—
Що то айвовкою зовуть (77)...

Неоднократно упоминаются колбасы, особенно нѣжинскія (80, 116), мандрыки (80), ахтырскій медъ (99), съ стрючкомъ горилга (117).

Въ другомъ мѣстѣ угощеніе состоитъ въ:

Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка зъ хлякамы, зъ кишкамы,
Телячій лызень тутъ лыжавъ,
Ягны и до софорку куры (94)...

Сохраняя смѣхотворный тонъ при описаніи угощеній, Котляревскій, однако, стоитъ на реальной почвѣ и даетъ рядъ бытовыхъ подробностей.

Многія кушанья, упоминаемая въ Энеидѣ, и въ настоящее время въ ходу въ Малоросіи, кулишъ, локшина, лемишка, зубци, гречневые пампушки съ чеснокомъ, вареники, другія стоятъ на пути къ исчезновенію или совсѣмъ вышли изъ употребленія, напр., ганусовыя горѣлки, разные сластены. Очень небольшое пошло со стороны, было заимствовано, напр., «пашкеты»; но самыя заимствованія не противорѣчатъ бытовой дѣйствительности.

Еще болѣе архаичности въ описаніи одежды. Довольно часто упоминаются разныя части женскаго костюма. Такъ, Юнона

Сховала пидъ кибалку мычку (8).

Венера, отправляясь къ Зевсу,

Взяла очипокъ грезетовый

И кунтушь съ усамы люстровый

Пишла къ Зевесу на ралець (10).

Дивчата пляшуть

въ дробушкахъ, въ чобиткахъ, въ свыткахъ (14).

(Сестра Дидоны) Ганна

Въ червоній—юпочци баевій,

Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стѣнжкахъ, намисти и ковткахъ (15).

Царица Дидона, отправляясь на пиръ,
Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и корсетъ шовковый
И поцепыла ланционжокъ,
Червони чоботы обула,
Та и запаски не забула,
А въ руки зъ вибійки платокъ.

Эней въ аду, идя за Сивиллой, въ страхъ
Хватавсь за дергу и тульвсь,
Мовъ отъ kota въ комори мышъ (48).

Если исключить дергу и свитку, бытующія еще въ селахъ, то все остальное уже вышло изъ употребленія; цвѣтная обувь, кораблики, кунтуши, платки изъ выбойки—все это уже старина. «Очипки грезетовые», «кунтуши съ усами» сохраняются лишь немногими старухами, какъ память о прошломъ.

Сивилла, получивши отъ Энея деньги, спрятала «грошыкы въ калытку, пиднявши пелену и свытку» (68). Такъ и теперь мѣстами женщины хранять деньги.

Мужской костюмъ описывается рѣже, чѣмъ женскій.

Дидона подарила Энею:

Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ (15).

Укладываясь, послѣ выпивки спать, «Эней въ керею замотався (99).

Убитаго въ сраженіи Палланта «комлыцькой буркою прикрылы (125).

Подданные латинскаго царя «носылы подрани галанци» (70).

Мужской костюмъ, по своей простотѣ, оказался болѣе устойчивымъ; но штаны «галанци» забыты,—галанци отъ названія привознаго голландскаго сукна *fein holländisch*.

Мелкая, но характерная черта—упоминаніе платка, при описаніи мужскаго и женскаго костюма. Платокъ, хустка игралъ въ старое время у народа такую видную роль, что вошелъ въ повѣрья и обряды.

Палка, занимающая видное мѣсто въ украинскомъ фольклорѣ, для счета, какъ знакъ власти и пр., нашла себѣ мѣсто въ Энеидѣ:

Одынь зъ троянскои громады,
Насупывшись все мовчавъ,

И дослухавшись до порады,
Цинкомъ все землю колупавъ (33).

Описаніе панскаго кучера машталира:

На ему била була свята
Изъ шаповальскаго сукна,
Тясемкою кругомъ обшита....
На бакирь шапочка стремила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ (35)...

Весьма интересно съ археологической точки зрѣнія перечисленіе лубочныхъ картинъ стараго времени во дворцѣ латинскаго царя:

Отъ привезлы и мальованне,
Работы первійшихъ мастривъ,
Царя Гороха панованье,
Патреты всихъ богатыривъ:
Якъ Александръ цареви Нору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору,
Черпець Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе,
Якъ Переяславъ боронывъ
Бова съ Полканомъ якъ водывся,
Одынъ другога якъ выхривъ;
Якъ Соловій харцызь жєпывся,
Якъ въ Польци Желизнякъ ходывъ,
Патреть бувъ француза Картуша,
Протывъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
Всякихъ всячинъ накупылы,
Вси стины нмы облипылы (74).

Это весьма цѣнныя странички изъ исторіи украинскаго лубочнаго искусства XVIII ст. Здѣсь, очевидно, цѣлый каталогъ картинъ, украшавшихъ стѣны въ старинныхъ украинскихъ помѣщичьихъ домахъ. Къ сожалѣнію, украинское искусство стараго времени мало изучено, и даже капитальный трудъ Ровинскаго о лубочныхъ картинахъ не даетъ возможности описать всю данную Котляревскимъ коллекцію. Такъ, первая картина «царя Гороха пануванье» у Ровинскаго не отмѣчена. «Портреты всихъ богатыривъ» были такъ распространены въ старину, что въ Оста-

шковѣ лубочныя картины получили общее названіе «богатыри»¹⁾. Какъ значительно было въ Полтавщинѣ распространеніе картинъ на былинныя сюжеты, видно изъ упоминаемыхъ Котляревскимъ Ильи Муромца и Соловья. Въ Малороссіи обращались картины, какъ «Муромецъ гуляе», каковыя отмѣчены Ровинскимъ въ значительномъ числѣ, и картины, «якъ Соловій харцызь женывся» — картина неизвѣстнаго содержанія. Въ былинахъ упоминаются жена и дѣти Соловья, безъ указанія на его женитьбу.

Картина «якъ Александръ цареви Пору дававъ изъ вѣйскомъ добру хлеру» была распространена. Быть можетъ тутъ имѣется въ виду тотъ рисунокъ, гдѣ Александръ обманомъ заставляетъ Пору оглянуться назадъ и въ это время поражаетъ его копьемъ, мотивъ, часто приписываемый въ былинахъ Алешѣ Поповичу.

Бой Ильи съ Варягомъ и защита Переяслава, картинка о Желѣзнякѣ и Гаркушѣ исторически безслѣдно исчезли. У Ровинскаго описаны картины о Бовѣ, Картушѣ и Ванькѣ Каинѣ. Картины боя Бовы съ Полканомъ отличались большимъ распространеніемъ, по распространности самой сказки, о которой упоминаютъ Кантемиръ, Сумароковъ, которую любилъ Пушкинъ. Картушъ и Ванька Каинъ — знаменитые разбойники, воры и грабители первой половины XVIII ст. — слыли молодцами; рассказы о нихъ отразились въ лубочной литературѣ и въ пародныхъ картинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ Энеиды находится краткое упоминаніе о понидилкованіи, т. е. соблюденіи поста по понедѣльникамъ, что и нынѣ мѣстами практикуется старыми женщинами, съ личнымъ пріуроченіемъ стараго обычая къ Святому Понидилку. Кое гдѣ разбросаны живыя черты нынѣ почти совсѣмъ прекратившагося чумачества. Такъ, Дидона, спрашиваетъ троянцевъ: «чы рыбу зъ Дону везете?» (13). Въ другомъ мѣстѣ старикъ знахарь

Не разъ ходывъ за силою въ Крымъ,

Тарани торгувавъ возами...

Винъ такъ здавався и никчемный,

Та бувъ разумный якъ пысьменный... (33).

Весьма мѣтко еще замѣчаніе, что море такъ троянцамъ надоѣло,

Якъ чумакамъ дощъ въ осени. (35).

Въ одномъ мѣстѣ находится описаніе стараго обычая водить медвѣдя.

Эней ведмедивъ привести звеливъ,

Литва на трубы засурмила,

Ведмедивъ заразъ зупыныла,

¹⁾ Ровинскій, Рус. народ. карт. V, 349.

Заставылы ихъ танцювать,
Сердешный звирь перекидався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать (20).

Глубоко архаическимъ характеромъ отличается замѣчаніе, что послѣ смерти Палланта:

Жинки покійныка обмылы,
Нове убрання паложылы,
Запхнулы за шокую пятакъ (129).

Есть двѣ черты стариннаго панскаго быта, нынѣ исчезнувшія, первая о томъ, что въ комнатахъ

Курывсь для духу яловець (13),
и вторая болѣе характерная, о томъ что прислуга Плутона
Была пидъ двиромъ въ клепало—
Якъ въ панськихъ водытся дворахъ (61).

Клепало—(позднѣйшій помѣщичій бытъ не даетъ объясненія), должно быть, предупредительный звонокъ.

Хліорки, т. е. проститутки стоятъ въ аду нагими
Зъ острыженными головами,
Зъ пидризапными пеленами (47),
очевидно, согласно съ народнымъ обычаемъ наказанія за развратъ.

Сельская тревога, бывающая преимущественно во время пожара, вѣрно выражена въ стихѣ: «на гвалть у звоны зазвонылы, по улицамъ въ трететки били» (31).

Въ «Энеидѣ» разбросано много указаній на малорусскія пѣсни, сказки, народные обычаи и повѣрья, игры, танцы, гаданія.

Что касается пѣсенъ, то:

Про Сагайдачного спывалы,
Лыбонь спывалы и про Сичъ,
Якъ въ пыкынеры пабыралы,
Якъ мандрувавъ козакъ всю ничъ,
Палтавську славылы шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора проводыла въ походъ
Якъ пидъ Бендерью воювалы.
Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь якъ бувъ голодный годъ (36).

Тутъ, очевидно, имѣется цѣлый рядъ историческихъ пѣсенъ, вполнѣ ствии забытыхъ. Въ концѣ XVIII ст. народное дѣятельство было еще богато и свѣжо, и самъ Котляревскій почерпалъ въ немъ силу.

Неменѣе интересны намеки на популярныя въ началѣ XIX ст. народныя сказки о кобылячьей головѣ (34), о золотыхъ деревьяхъ (42), ковръ-самолетѣ, скатерти-самобранкѣ и сапогахъ скороходахъ (75—76). Въ одномъ мѣстѣ (98) упоминается цѣлый рядъ популярныхъ сказочныхъ героевъ:

Катыгорохъ, Иванъ Царевичъ,
Кухарчикъ, Сучичъ и Налетычъ (?),
Услужливый Кузьма—Демьянъ,
Коцій съ прескверною Ягою,
И дурень съ ступою повою,
И славный рыцарь Марцыпанъ (?).

Что это за рыцарь Марцыпанъ? не подобіе ли пѣсенного олицетворенія хлѣба Журила.

Народные обычаи—приготовленіе рушниковъ къ свадьбѣ (26), пѣніе виршей школярами подь окнами (26), и пѣкот. др. отмѣчены мимоходомъ.

Также случайны упоминанія о народныхъ повѣрьяхъ, напр., о вырѣѣ (Юнона махнула въ вырїи навпростецъ, 128).

Гораздо чаще упоминаются игры, танцы и гаданія. Изъ нихъ упоминаются «въ свинки» (11), «у папаса», «въ журавля» (15), «въ хрещики», «въ горюдуба», «въ джгута», «въ хлюста», «въ пары», «въ визка», «въ дамки» (16), «въ носка», «у лавы», «въ памфыля», «въ кепа» «въ симъ листивъ» (38), «у воропа», «въ тисной бабы», «въ джерегели» (65), въ пали (97), «въ китьки крашанками» (70), холяндры (цыганскій танецъ, 26).

Иногда одно мимолетное сравненіе пріоткрываетъ существованіе сказки. Такъ, когда Энтелль говоритъ Даресу: Зитру, зомну—морозъ якъ бабу (27), то тутъ мы, очевидно, имѣемъ указаніе на весьма интересную сказку о бабѣ доки (т. е. Евдоки) или на сказаніе о займѣ дней¹).

Довольно подробно и часто упоминаются вѣдьмы, знахари и упыри. Отъ недуга «отшептываютъ бабы» (35). Знахарь

Всімъ видьмамъ бувъ родычъ кривный,
Умивъ и тряскою отшептаты,
И кровь хрестьянску заговляты,
И добре знавъ гребли гатыть (33).

¹) См. мою ст. въ III кн. Русск. Филол. Вѣстн. 1891 г.

Знахарька Сивилда говорить:

Я имъ на звиздахъ ворожу,
Кажу чи трясцю одигнаты,
Отъ заушницы чи пошептаты,
Або и волосъ изигнать,
Щещу, уроки прогоняю,
Перенолохи выливаю,
Гадюкъ умію замовлять (40).

Вѣдмъ и шептухъ мучають въ аду,
На прыпичкахъ, щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы на упыряхъ
И щобъ дощу не продавалы,
Въ почи людей щобъ не лякалы
Не ворожилы бъ на бобахъ (56).

Мѣстами отмѣчены плясовыя пѣсни и танцы, отмѣчены горлицы, зубъ, сапжаривка, трепакъ, гацакъ, гайдукъ (Эней «садывъ крутенько гайдука»). Изъ этого перечня съ теченіемъ времени кое-что уже забыто и вышло изъ употребленія.

Въ другомъ мѣстѣ (65) стр.) дано краткое перечисленіе гаданій, въ-родѣ болѣе поздняго предисловія Жуковского къ «Свѣтланѣ»: Дѣвушки —

Въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ викопъ пидслухалы,
Ходили въ пивничъ по пусткамъ,
До свички ложечки палылы,
Щетыну изъ свиньи смалылы,
Або жмурылись по куткамъ (65).

Картина гаданій яркая; но о нѣкоторыхъ упоминаемыхъ Котляревскимъ фактахъ гаданія пынѣ уже трудно составить представленіе, по отсутствію аналогичныхъ явленій въ современной жизни. Одни и пынѣ еще хранятся—вызываніе въ трубу, выливаніе воска, подслушваніе у оконъ; другія, повидимому, вышли изъ обихода. Такъ, неясно, въ чемъ состояли гаданія съ паленіемъ щетины и со жмурками.

Яркая картина чародѣйства на водѣ и травахъ обнаруживается въ описаніи того, какъ знахарка

И заразы въ горщичекъ наклала,
Видѣмскихъ разныхъ, всякихъ травъ,
Яки на Константина рвала,
И то гпиздо, що ремезъ клавъ,

Васильки, папороть, шевлію,
Петривъ батигъ и копвалію,
Любыстокъ, просырень, чебрець,
И все то палыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавши скількось и словецъ (66).

Въ «Энеидѣ», какъ въ пародіи, встрѣчаются бранныя слова, чаще всего излюбленныя малороссами проклятія:

Щобъ доброи не знали доли (20).

Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ (110).

Щобъ вашижъ диты васъ побылы (110).

Какъ бранное выраженіе встрѣчается—«Келебердянська верства». Упоминается въ одномъ мѣстѣ выраженіе. «По сербски величали виру» (113). Здѣсь имѣется въ виду крайне грубое сербское ругательство, далеко превосходящее всѣ русскія трехъ-этажныя ругательства. Вообще, герои Котляревскаго часто

И ридъ весь свой зъ потрухомъ кленуть (119)...

Въ этомъ пристрастіи малороссы къ проклятіямъ ярко отмѣчена одна изъ его своеобразныхъ національныхъ особенностей.

Описаніе медицины ироническое съ проблесками бытовой дѣйствительности. Хотя врачи и мучаются въ аду наряду съ другими грѣшниками, но на горестной землѣ все таки къ нимъ обращаются. Такъ, когда съ нянькой латинскаго царя сдѣлалось дурно (порвалы маточки припадки, истерика и лихорадка), то

Иди нись ии клалы ассафету

И теплюю на пунь сервету

И ще клистырь зъ ромну далы (81).

Раненнаго Энея лѣчили не только заговорами, но «Гарлемскими» каплями (139), очевидно, бывшими въ ходу во время составленія пародіи.

Въ аду

Ликарь скрызъ ходывъ зъ лапцетомъ,

Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ

И чванывсь, якъ людей морывъ (58).

Вообще, медицина въ Энеидѣ плохо аттестованна. Во время Котляревскаго народъ еще недовѣрчиво относился къ недоступной для него медицинской наукѣ, и лишь впоследствии земская медицина привлекла къ себѣ его расположеніе.

Принадлежитъ
Кіевской Городской Народ-
ной бесплатной читальнѣ
имени Н. В. Гоголя
и продана быть не можетъ.

Странное впечатлѣніе производятъ неоднократно вылазки Котляревскаго противъ науки. Въ аду на самомъ днѣ кипятъ «мудри звиздъ щобъ не знималы» (53). Далѣе въ аду

Мудрець же фызыку проводывъ,
И товковавъ якихсь монадивъ,
И думавъ, выдкиль взявся свить (57).

Видно, что Котляревскій относился враждебно къ духу научной пытливости и не любилъ, какъ онъ выражался, «мудрованья».

Позднѣе въ такомъ же отрицательномъ духѣ высказался и Шевченко. Малорусскіе писатели, дорожившіе свободой слова, упустили изъ виду необходимость свободы въ изложеніи научной истины.

Въ Энеидѣ, не смотря на ея псевдоклассическую основу, ярко обнаружилась мѣстная полтавскія симпатіи автора. Котляревскій съ умиленіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ въ старое время.

... Славны полки казацки,
Лубенскій, Гадацкій, Полтавскій,
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвѣтуть,
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть (85).

Муза Котляревскаго училась въ полтавской школѣ:

Ты, Музо, кажутъ всѣ, письменна,
Въ полтавскій школи наученна (120).

Нѣсколько разъ упоминается «шведчина», преданія о которой были, повидимому, еще свѣжи въ концѣ XVIII ст., упоминается шведская могила (80, 89, 119).

Кое-гдѣ мелькаютъ ближайшія къ Полтавѣ села, Ивашки, Мыльци, Пушкаривка, Будыще, Горбатовка, гдѣ дивчатъ «хоть гать гаты» (137).

Женщина обрисована въ Энеидѣ большей частью симпатично. Яркія краски разсыпаны при описаніи дѣвичьей красоты (71); много теплаго чувства вложено въ изображеніе матери. Силачъ Эвріаль, прощаясь съ матерью, прослезился. Онъ проситъ Энея, въ случаѣ смерти, позаботиться о его матери—«не дайте пань-матци вмерты видъ нужды... и заступайте видъ вражды» (105).

Имѣя въ виду, что женщина въ Малороссіи всегда пользовалась большимъ вліяніемъ, нѣкоторое значеніе получаетъ то мѣсто въ Энеидѣ, гдѣ говорится, какъ женщина

Колы чога просыты мае
То добрый отгадае часъ,
И къ чоловику пригныздыся
Прытулыся, прыголубыся,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И вси суставы растурбуе
И мизкомъ такъ завередуе,
Що сей для жинкы все творыть (96).

Встрѣчаются, однако, мѣстами фривольныя выраженія, большей частью какъ дань бытовымъ вкусамъ времени (напр. на стр. 47, 95 и въ особенности на стр. 82).

Бытовая старина обнаруживается въ самомъ языкѣ Котляревскаго. Какъ человѣкъ сильнаго дарованія, Котляревскій мимоходомъ давалъ яркія характеристики, смѣлые художественные образы, изъ которыхъ многіе сохраняютъ еще жизненность.

Такъ, встрѣчаются яркіе образы изъ внѣшней природы:

Не хмара сонце заслоняла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галиць чорне поле вкрыла,
Не витерь буйный се шумыть—
Се війско йде всима шляхамы... (89), или
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала (91), или
Уже Волосажарь пиднявся,
Визъ на неби внызь повертався,
И де хто спаты укладався (121)...
Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пятакъ,
Або пшенишня варяныця,
И небо рдлося, мовъ макъ (128)...

Частью подъ вліяніемъ семинарскихъ литературныхъ традицій, частью въ сознаниі своей силы въ знаніи малорусскаго языка, Котляревскій допускалъ разные смѣлые лингвистическіе фокусы, какъ мастеръ своего рода жонглировалъ словами, что оправдывается самимъ характеромъ перелицованной Энеиды, какъ литературной пародіи. Такъ, въ началѣ четвертой главы онъ, подражая Осипову, существительныя обращаетъ въ глаголы и, обратно, изъ глагольныхъ формъ и нарѣчій выкраиваетъ существительныя;

Та абыщо ты верзляломъ,
Не казку кормомъ соловьять,

Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
По радости заденежать и пр. 67.

Въ другомъ мѣстѣ Котляревскій пускается въ макаронизмы:

Энеусъ, постеръ магнусъ панусъ
И славный троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексъ, приславъ нункъ нась,
Рогамусъ, домыне Латыне,
Нехай нашъ капуть не загыне и т. д. (75).

Но играя языкомъ, Котляревскій самъ указываетъ на шутку,

Мене за сю не лайте мову,
Не я иі скомпанувавъ,
Сывылку лайте безтолкову... (68).

«Энеида» насыщена пословицами, поговорками, мѣткими выраже-
ніями, частью взятыми прямо изъ устъ народа, частью въ авторской пе-
редѣлкѣ, частью созданныхъ авторомъ въ духѣ народной рѣчи:

...Набрались вси сто—лихъ (9).
Хиба якъ здохне чортъ въ рови (10).
...Въ три—вырви выгналы (12).
Охлялы, шобы въ дощъ щеня (13).
...Голы, якъ пень (16).
Эней пиджавъ хвистъ, мовъ собака (18).
Зъ двора въ собачу рысть побигъ (20).
...Якъ муха въ зиму слизь (24).
...Облызня піймавши (28).
Тоби тамъ буде не до чмыгы,
Якъ пиднесуть изъ оцтомъ фыгы,
То заразь вхопыть тебе лунь (42, 82).
Якъ прыйде узломъ до чогось (68).
Пропалы, якъ Сирко въ базари (69).
На ловця и звирь наскакавъ (74).
Де йистся смачно, тамъ и пьется (94)
На ласее кутокъ найдется (ів.).
Фортуна не въ его кишени (ів.).
...Охъ, моя ты плитко, (65).
Не втне, бачъ, Панько Орышкы (99).
На злее всякій ма охоту (100).
Росту, якъ при шляху горохъ (104).
...Сентябремъ дывывсь (119).

Вамъ бильше рясту не топтать (125).

И теревени — вени правышь (127).

Якъ на завійныцю крычалы (129).

...Дадуть намъ кисия (102).

Твоимы медъ устамы пыты (134).

Ты въ руку не піймавъ сыныцю (144).

Пидустыть москаля (37).

Ледащо сынъ--то батькивъ грихъ (96).

Якъ кажуть, хотъ выпосъ святыхъ (111).

Встрѣчаются изрѣдка устарѣвшія слова, которыя самъ авторъ считалъ нужнымъ объяснить, напр., карвасаръ (словесный судъ на ярмаркахъ 116) и слова сочиненныя или съ измѣненнымъ значеніемъ, напр., лыгомынци (52) въ значеніи волокиты (вм. значенія сласти отъ legumes—овощи). Выраженіе «вичну память заквилы» (131) также, повидимому, представляетъ расширеніе понятія «квилить», встрѣчающагося въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи печальнаго птичьяго, преимущественно соколиваго крика.

Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына.

Основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ: «Емѹ (т. е. А. А. Палицыну) обязаны мы большей частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». Кто же былъ этотъ просвѣтитель? Это былъ мелкопомѣстный дворянинъ сумскаго уѣзда Харьковской губ. майоръ Александръ Александровичъ Палицынъ, для своего времени человекъ высокаго образованія и большого просвѣтительнаго усердія и доброжелательства.

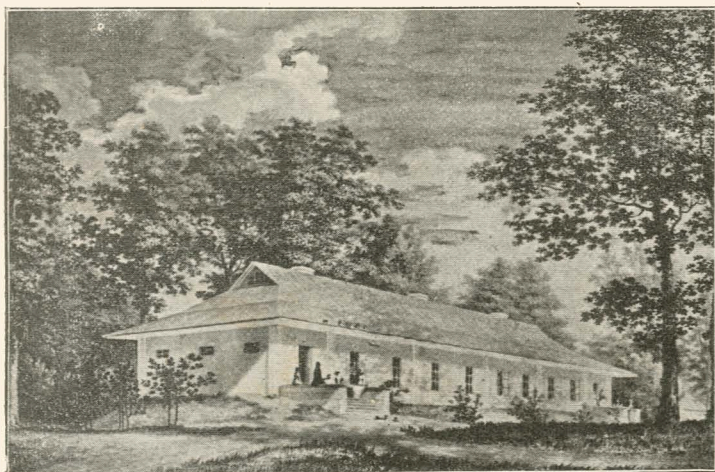
Послѣ службы въ Петербургѣ, Палицынъ поселился въ сумскомъ уѣздѣ, въ с. Поповкѣ, и вокругъ него сгруппировался кружокъ образованныхъ людей, принявшій шутовое названіе «Поповской Академіи». По предположенію проф. Д. И. Багалѣя, Палицынъ былъ недавнимъ поселенцомъ Слободской Украины, такъ какъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Палицыны не упоминаются. Поповка была населена сумскимъ протопопомъ Ан. Словенскимъ, и въ 1767 г. ея владѣлъ ахтырскій полковникъ обозный Савиновъ ¹⁾.

Членъ Стат. Комитета протоіерей Ѳ. Лащенковъ представилъ любопытные для исторіи Харьковщины матеріалы, и часть ихъ, именно автобіографія В. И. Ярославскаго, была напечатана въ 1887 году въ «Кіев. Старинѣ» и 1 вып. «Харьковскаго Сборника». Остаются неизданными сочиненія Ярославскаго по исторіи и архитектурѣ и адресованныя къ нему письма А. А. Палицына. Письма эти, положенныя въ основаніе настоящей статьи, представляютъ значительный интересъ для историка русской литературы и нравственнаго состоянія русскаго образованнаго общества начала XIX столѣтія. Изъ писемъ Палицына видно, что въ первые годы XIX вѣка въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи въ селѣ Поповкѣ группировалось около просвѣщенной личности Палицына нѣ-

¹⁾ Пр. Багалѣй. Опытъ Ист. Харьк. Унив. I. 38.

А. А. Палицынъ.

„Видъ моей пустыни“
домъ А. А. Палицына въ с. Поповкѣ.
Рис. Алферова.

Къ 36 стр.

БУКВА
ДЕДУЛИНСЬКА
БІБЛІОТЕКА УРСР
І. КІРС

сколько талантливых писателей и художников и этот литературно-художественный кружок, съ Палицынымъ во главѣ, именуется въ его письмахъ Поповской Академіей. Правда, самъ Палицынъ называетъ ее неоднократно кукольной, очевидно, ради шутки и краснаго слова. Тѣмъ не менѣе, онъ такъ дорожилъ этой академіей, такъ высоко цѣнилъ ея образовательное, культурное вліяніе въ околоткѣ, что желалъ появленія другихъ подобныхъ центровъ мѣстнаго просвѣщенія.

Ярославскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ довольно подробную характеристику свѣтлой личности Палицына. *Александръ Александровичъ Палицынъ* служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ, и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотою мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юности. Описывая свое пребываніе у Палицына въ 1804 году, Ярославскій говоритъ: «Мы по обыкновенію гуляли по лѣсу; подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, приученными имъ для корму къ окнамъ; бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ рассказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная; грудь крѣпкая, голосъ громкій; краснорѣчіе необыкновенное, большое искусство разнообразить предметы разговора, чтобы не утомлять слушателя». Этими свойствами нужно объяснить то обстоятельство, что Палицынъ, будучи мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ, привлекалъ къ себѣ не только писателей и художниковъ, но и крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ, различной степени образованія и начитанности. «Бывало, говоритъ Ярославскій, если пріѣдетъ къ нему сосѣдь помѣщикъ, занимающійся винокурениемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ вести съ нимъ ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ». Характеристика Палицына, данная Ярославскимъ, находитъ полное подтвержденіе въ письмахъ самого Палицына. Мы имѣемъ передъ собою 17 писемъ Палицына къ Ярославскому; самое раннее изъ нихъ помѣчено числомъ 12 января 1802 года; послѣднее—24 марта 1811 года. Всѣ письма написаны во время пребыванія Палицына въ Поповкѣ. Село Поповка находится верстахъ въ 20 отъ г. Сумъ, вблизи села Верхней-Сыроватки.

Отъ Палицына село это перешло въ собственность его друга и ученика Николая Алферова.

Уже первое письмо Палицына вводитъ насъ въ кругъ главныхъ его умственныхъ интересовъ и нравственныхъ стремлений. «Что касается до меня, писалъ Палицынъ Ярославскому 12 января 1802 года, то я почти уже не приношу никакой жертвы архитектурѣ. Литература занимаетъ меня всего, и все мое время. Я поправлялъ вдругъ пять частей «Элоизы» для пяти моихъ секретарей, кои ихъ переписываютъ, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать. Никогда еще у меня столько не было письма, и никогда я такъ долго не оставлялъ циркуля и кисти, какъ нынѣ». Секретарями Палицына были его дочь и тѣ молодые люди, которые, по свидѣтельству Ярославскаго, «обязаны ему были своимъ образованіемъ» ¹⁾. Ярославскій говоритъ, что такихъ лично обязанныхъ Палицыну помощниковъ проживало у него въ первые годы XIX столѣтія по два и по три, а изъ письма Палицына отъ 12 января 1802 г. видно, что временемъ ихъ было и болѣе. Въ пространномъ письмѣ отъ 9 іюля 1804 г. Палицынъ снова и подробно говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ: «Объ Элоизѣ» моей я не знаю ничего. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ только, что напечатано ея два тома, и объявлена цѣна для подписки на нее; изъ чего видно, что хваленый этотъ издатель Сопиковъ ²⁾ только лишь купчишка, шарлатанъ, которому нечѣмъ издавать, который ищетъ денегъ на что бы печатать подаренныя ему авторомъ книги... «Делилевы Сады» я кончилъ. Третья, а особливо четвертая пѣснь сей поэмы у него прекрасны. Но теперь трудно издавать хорошія книги. Читатели наши до нихъ не охотники. Они любятъ какіе нибудь Жанлисовы или Радклифовы сказки, или пустые журналы, а издатели купчишки всегда жадничаютъ денегъ; слѣдственно и печатаютъ только подобные вздоры. Я думалъ найти болѣе толку и вкусу въ Бекетовѣ ³⁾; почему и послалъ къ нему напечатать для опыта Делилевъ «Диоирамбъ» на безсмертіе души. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ, онъ расхвалилъ его, взялся тотчасъ напечатать, обѣщавъ прислать на подарки тридцать экземпляровъ, просилъ убѣдительно прислать въ типографію мои переводы, съ увѣреніемъ, что я тѣмъ и его и публику одолжу чувствительно и съ обнадеживаніемъ, что все отъ меня присылаемое будетъ

¹⁾ Харьковск. сборн., I. 43.

²⁾ Сопиковъ—извѣстный бібліографъ.

³⁾ Плат. Петр. Бекетовъ (род. 1761, † 1836) былъ ревностный собиратель русскихъ рукописей и издатель книгъ. Онъ основалъ въ Москвѣ въ 1801 г. типографію, въ которой между прочими книгами напечаталъ сочиненія Радщцева и Богдановича. «Диоирамбъ» не былъ оконченъ печатаніемъ по случаю закрытія типографіи Бекетова въ 1804 г.

напечатано у него со всѣмъ тщаніемъ. Что же потомъ? Въ три мѣсяца онъ не напечаталъ еще этой первой тетради, въ которой нѣтъ и двадцати страницъ въ осьмушку. Чему могутъ вѣрится? Въ письмѣ отъ 30 января 1805 г. Палицынъ еще подробно говоритъ о неудачномъ изданіи сдѣланнаго имъ перевода «Новой Элоизы» и даетъ объясненіе самому этому произведенію: «Всѣ, кромѣ невѣжъ или ледяныхъ сердца, согласны, что «Новая Элоиза» столько выше всѣхъ въ своемъ родѣ романовъ, какъ небо отъ земли; почти всѣ ею восхищаются и ее желаютъ». Это восхищеніе Палицына романомъ Руссо «Julie ou la nouvelle Héloïse» раздѣлялъ съ нимъ весь тогдашній образованный западно-европейскій міръ, что было вызвано замѣчательными красотами въ описаніи швейцарской природы, Женевского озера, простой жизни поселянъ и страстной любви Сень-Пре и Юліи.

Неудачное изданіе «Новой Элоизы» Руссо и «Дипирамба» Делиля побудило Палицына обратиться къ старымъ его друзьямъ, циркулю и кисти. Изъ воспоминаній Ярославскаго, напечатанныхъ въ I вып. «Харьк. Сборника», видно, что въ первые годы XIX столѣтія, по планамъ Палицына, построены каменный домъ въ с. Басахъ подь Сумами, пяти купольная круглая церковь въ с. Штеповкѣ, церковь въ с. Каменкѣ и нѣсколько другихъ сооружений. Болѣе подробныя извѣстія объ архитектурныхъ работахъ Палицына находятся въ его письмахъ къ Ярославскому. Такъ, въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ Ярославскому, что весной ему надлежитъ сдѣлать архитектурные планы на девятнадцать строеній, по большей части каменныхъ, и кромѣ того, наблюдать за живописцами, пишущими иконостасъ въ одной ближней церкви. Въ августѣ того же 1806 г. Палицынъ жаловался Ярославскому: «Штеповская церковь лучшее здѣсь можетъ быть мое строенье, на которое ты съ такимъ раченіемъ дѣлалъ рисунки, достроена уже и испорчена: внутреннія арки заглушены; въ алтарѣ вмѣсто нашихъ круглыхъ оконъ вверху высѣчены нижнія, ненужныя, обширныя и безобразныя; такъ и крыльца сдѣланы вмѣсто чугунныхъ или плитныхъ деревянныя изъ сыраго лѣса; хорошо еще, что сводъ сомкнуть умѣли: ты помнишь, что онъ 20 аршинъ въ поперечникѣ. Немудренна также для тебя новость, что надняхъ станутъ святить церковь славгородскую, въ которой изъ 32 кривыхъ столбовъ всякій на свой ладъ искривленъ, гдѣ колокольня вмѣсто круглаго купола покрыта на четыре угла шапкой и гдѣ въ три года четыре щекатурки облупились почти со всѣхъ стѣнъ». Архіеп. Филаретъ о штеповской церкви св. Іоанна Предтечи говоритъ слѣдующее: «Построеніе этой церкви продолжалось 9 лѣтъ, подь распоряженіемъ архи-

тектора Палицына... Зданіе это стоило 35,000 руб. сер.; по огромности своей это одна изъ первыхъ церквей въ западной части Харьковской епархіи: фасадъ ея представляетъ огромную цилиндрическую фигуру съ величественными съ трехъ сторонъ портиками, украшенными колонадю, надъ коими возвышается обширный куполь съ четырьмя по угламъ башнями. Будучи устроена на возвышенномъ мѣстѣ, она видна со всѣхъ сторонъ на далекомъ разстояніи. Храмъ этотъ освященъ въ 1811 г.»¹⁾ Въ томъ же письмѣ Палицынъ замѣчаетъ, что «новая сироватская церковь съ своей колокольней становится видна» (изъ усадьбы Палицына) и строящійся по его плану домъ И. А. Ковдратьева также виденъ изъ усадьбы и служить ея виѣшнимъ украшеніемъ.

Литературныя и архитектурныя занятія Палицына шли почти рядомъ, одновременно, и его любовь къ нимъ, съ годами, все болѣе и болѣе возрастала. «Всякая страсть ровно и у стариковъ ожесточается съ препятствіями, писалъ Палицынъ въ октябрѣ 1808 г. на седьмомъ десяткѣ жизни; такъ и прежняя страсть моя къ музамъ, безъ силъ, иногда становятся мнѣ лишь мукой, и тѣмъ еще болѣе, что другія страсти уже не занимають». Составляя архитектурные проекты для построенія домовъ и церквей Палицынъ въ же время переводилъ сочиненія Дешиля, Ламберта и писалъ стихотворенія.

Какъ въ литературномъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ Палицынъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсю романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ давалъ однимъ зданіямъ симметрическую форму, другимъ несимметрическую, и лично предпочиталъ послѣднюю, какъ болѣе близкую къ виѣшной природѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ устройство своего дома въ Поповкѣ въ письмѣ къ Ярославскому 1808 г.: «Отъ течи домъ долженъ былъ накрытъя соломой. Подъ сельскую соломенную кровлю подставлены сохи, и сдѣланы придверія поповскаго зодчества, а стѣны обложены наростами съ деревь и покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ; около оконъ поставлены также самородные притолки въ видѣ арокъ, что все, разрушивъ симметрію, даетъ строенію видъ странный, дикій и живописный».

В. Н. Каразинъ въ статьѣ своей «Взглядъ на Украинскую старину» говоритъ, что «Палицынъ имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и множество сель зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему распо-

¹⁾ *Арх. Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III 601.

доженію домовъ, украшенію ихъ приличной мебелью, къ заведенію библиотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ» ¹⁾). Письма Палицына показываютъ, что на ряду съ Шидловскимъ и Надаржинскимъ съ Палицынымъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ многіе другіе крупные землевладѣльцы того времени, въ особенности Кондратьевы и Комбурлей.

Возникшій въ 1805 г. Харьковскій университетъ въ 1810 году заявилъ о своемъ существованіи весьма характернымъ и свѣтлымъ фактомъ, избравъ Палицына почетнымъ членомъ. Просвѣтительная и культурная дѣятельность скромнаго «поповскаго пустынника», какъ называлъ себя Палицынъ, была такимъ образомъ признана и почтена мѣстнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, — фактъ почтенный и для университета, съумѣвшего оцѣнить заслуги Палицына, и для Палицына, удостоеннаго высокою честью почетнаго члена высшаго мѣстнаго ученаго и учебнаго учрежденія, созданнаго соединенными усиліями лучшихъ людей края. 1 марта 1810 года Палицынъ писалъ Ярославскому: «Надняхъ университетъ нашъ извѣщаетъ меня чрезъ ректора, что выбралъ мощи мои въ почетные свои члены, что получилъ на то одобреніе высшаго начальства и скоро доставитъ мнѣ дипломъ на сіе званіе; но, увы! онъ не доставитъ уже мнѣ силъ, чѣмъ бы я могъ оправдать его выборъ. Это самое достопамятное и внезапное происшествіе въ Поповской пустынѣ и въ запискахъ запустѣвшей пынѣ Академіи».

Оказанная университетомъ почесть очень порадовала Палицына, и фактъ этотъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что въ 1810 году Палицынъ уже чувствовалъ старческую слабость и упадокъ силъ. Еще въ 1808 г. онъ жаловался на свою хворость; «горько примѣчать, писалъ онъ, свое уничтоженіе или, такъ сказать, въ бытіи еще чувствовать уже небытіе». «Я сталъ очень хворъ, замѣчаетъ онъ въ 1810 г. Часто въ тѣ дни, когда хочу писать, отказываютъ мнѣ силы. Я отлагаю до лучшихъ дней, и эти лучшіе дни иногда очень долго не приходятъ». Палицынъ оканчивалъ свою трудовую и добрую жизнь съ вѣрой въ свѣтлое будущее. Недовольный современными ему людьми, въ которыхъ онъ усматривалъ слишкомъ много грубаго самолюбія, онъ писалъ Ярославскому въ 1810 году: «Настанетъ когда-нибудь опять умный вѣкъ; онъ перемѣнитъ нелѣпости глупаго; возвратитъ здравый смыслъ, возстановитъ нравы, усилитъ союзы; правда одолѣетъ лжеумствованія и предрасудки, и увѣритъ опять, что лучшее наше самолюбіе (состоитъ) въ любви къ нашимъ ближнимъ»..

¹⁾ Данилевскій, „Укр. Стар.“ 129.

Съ этой вѣрой въ будущее и скончался Палицынъ. Въ 1819 г. Ярославскій писалъ: «Наставникъ мой А. А. Палицынъ давно уже умеръ»¹⁾.

Палицыну принадлежитъ «Посланіе Привѣтъ», переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», стихотворные переводы «Садовъ» Делиля и «Время года» Сень-Ламберта» (1814 г.), «Посланіе» Вернету (въ Харьков. Демократъ 1816 г.), «Независимость писателя» перев. изъ Мильвуа.

Въ фундаментальной библіотекѣ Харьковскаго университета находится два сочиненія А. А. Палицына: «Посланіе къ Привѣтъ» и «Игорь, героическая пѣснь» (стихотворный переводъ Слова о Полку Игоревѣ). Оба эти произведенія напечатаны въ Харьковѣ въ 1807 г. въ университетской типографіи.

«Посланіе къ Привѣтъ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени» представляетъ небольшую книжку, въ 70 стр. въ 16 л. л. Все это произведеніе изложено стихами, довольно, плавными и бойкими, по сравненію съ другими стихотворными произведеніями того времени, и въ особенности при преклонныхъ лѣтахъ автора. Палицынъ задался въ «Посланіи къ Привѣтъ» похвальной цѣлью прославить русскій языкъ и писателей 18 вѣка. Онъ заранѣе, на 15 страницѣ, увѣдомляетъ читателя, что «порядка нѣтъ въ его стихахъ, ни въ именахъ (писателей)» и что онъ руководствуется не правилами, а своимъ чувствомъ. «Какъ сердце мнѣ о комъ напомнить, такъ пишу». Опредѣляя цѣль своего труда, Палицынъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Я больше бы не пожелалъ,
Когда бы мое воспоминанье,
Гдѣ нѣтъ ни критикъ, ни похвалъ,
А только чувствій изліянье
Внушило ихъ (?) младымъ сердцамъ,
Узнать свой болѣе языкъ
Изъ чтеній славянскихъ книгъ,
Отвергло странное мечтанье,
Что нѣтъ у русскихъ образцовъ,
Что нѣтъ въ нихъ авторскихъ даровъ,
Что грубъ ихъ умъ и вкусъ въ писаньѣ..... (стр. 57—38) и до-
казало бы русскому обществу.

Сколь къ просвѣщенію способенъ нашъ народъ,
Сколь въ немъ къ словесности велико дарованье. (стр. 54).

¹⁾ Портретъ А. А. Палицына въ возрастѣ 64 лѣтъ былъ на выставкѣ XII Археол. Съѣзда и изданъ въ «Альбомѣ выставки», 1903 г., л. 39.

Живое чувство патриотизма, выражающееся в преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ «Посланія». Такъ, на стр. 11:

Несторъ, съ Никономъ, и Игорева пѣснь

Для насъ забавнѣ Гагры и Альзіры.

На стр. 29 Палицынъ говоритъ, что «друзья отечества»,—Румянцевъ, Панины, Орловы, Чернышевы, Потемкинъ, Репнины, Суворовъ, Воронцовы уважали родной языкъ и «съ отечествомъ пеклись его возвысить».

Въ «Посланіи» разбросаны краткіе и почти всегда похвальные отзывы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Херасковѣ, Державинѣ, Феофанѣ Прокоповичѣ, Третьяковскомъ, Поповскомъ (профессорѣ и переводчикѣ Попа), Санковскомъ (переводилъ Виргилія), Костровѣ (переводилъ Гомера и Оссиана), Барковѣ (переводилъ Горация и Федра), фонъ Визинѣ, Богдановичѣ, Княжнинѣ, Крашенинниковѣ, Волчковѣ («много книгъ полезныхъ перевелъ»), Кузминѣ, Лукинѣ, Эминѣ («безъ вкуса, но богатъ былъ мыслями»), Кутузовѣ («оживилъ слогъ»), Олсуфьевѣ* («вкусомъ былъ наполненъ топкимъ, пѣжнымъ для прозы и стиховъ»), Тепловѣ («ученость, умъ и вкусъ сливалъ въ письмѣ»), Поповыхъ (переводили Тасса), Свистуновѣ (разборчивъ въ стихахъ и прозѣ), Аблесимовѣ, Козницкомъ (знаніемъ въ словесности блестялъ), Храповицкомъ, Ададуровѣ (слогъ ясенъ, чистъ и плавленъ), Нартовѣ (переводилъ Плинія), Глѣбовѣ (переводилъ Плутарха), Румовскомъ, Озерецковскомъ, Чертковѣ, Пастуховѣ, Чулковѣ, Леонтьевѣ, Хемницерѣ, Дмитревскомъ, Елагинѣ, Захаровѣ, Болтинѣ, Хвостовѣ, Рубанѣ, Домашневѣ, Дашковой, Ельчаниновѣ, Майковѣ, Капнистѣ, Львовѣ, Веревкинѣ, Воронцовѣ, Ржевскомъ, Потемкинѣ, Пушкинѣ (Вас. Льв.), Козловскомъ, Каринѣ, Барсовѣ, Екатеринѣ II, Шишковѣ, Станевичѣ, Горчаковѣ, Салтыковѣ, Новиковѣ, Нелединскомъ, Глинкѣ (С. Н.), Карабановѣ, Востоковѣ, Пнинѣ, Бобровѣ, Мерзляковѣ и Дмитріевѣ (Ив. Ив.). Въ концѣ «Посланія» упоминаются имена нѣсколькихъ женщинъ писательницъ и, наконецъ, нѣсколько именъ ученыхъ духовнаго званія. Изъ членовъ Поповской академіи въ этомъ бѣгломъ стихотворномъ обзорѣ русскихъ писателей упоминается только Станевичъ, и то безъ фамиліи, а съ однимъ именемъ Евстафія (стр. 35).

Съ наибольшей любовью Палицынъ отзывается о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Капнистѣ, Дмитріевѣ, Шишковѣ, Мерзляковѣ, Потемкинѣ, Львовѣ, Тепловѣ и Ададуровѣ. Нѣкоторые его замѣчанія отличаются вѣрностью и мѣткостью. Такъ, онъ отмѣтилъ въ Третьяковскомъ ученость и трудолюбіе, назвавъ его «примѣръ учености и терпѣнья образецъ», въ Новиковѣ—наклонность къ собиранію древностей и изданію книгъ

въ Мерзляковѣ—способность къ переводу съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ звучать критика и порицаніе, но весьма слабо выражанныя, въ родѣ случайныхъ обмолвокъ; таковы отзывы о Хвостовѣ, Глѣбовѣ, Петровѣ, Рубанѣ, Козловскомъ и Востоковѣ.

Упомянувъ о современныхъ живыхъ писателяхъ, Горчаковѣ, Станевичѣ, Хвостовѣ, Глинкѣ и др., Палицынъ дѣлаетъ оговорку, что его «сѣдые стихи» не могутъ имъ понравиться, и онъ только воздаетъ имъ благодарность за тѣ сладкіе часы, какіе онъ чувствовалъ, читая ихъ творенія.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ автобіографическія черты, разбросанныя въ «Посланіи». Такъ прежде всего, кто такая Привѣта? Съ увѣренностью можно утверждать, что подъ этимъ поэтическимъ именемъ скрывается «чадцо», дочь или воспитанница Палицына, именно въ это время углубившаяся въ чтеніе русскихъ поэтовъ и выступившая съ собственными стихотвореніями¹⁾. Посланіе начинается словами:

Ты любишь свой языкъ, Привѣта, очень нѣжно,
Читаешь все на немъ прилежно.
Я вижу, какъ съ тобой читаемъ вмѣстѣ мы,
Что русскіе тебѣ пріятнѣе умы...

Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что Привѣта почти дословно изучила сочиненіе Шишкова о слогѣ и съ восторгомъ хвалитъ его за «смѣлость благородную» (стр. 33).

Изъ «Посланія» мы узнаемъ, что А. А. Палицынъ своей родиной считалъ Москву:

Прелестна мнѣ Москва съ окрестностями ея,
Тѣмъ болѣ, что люблю языкъ свой страстно я,
Въ ней нѣкогда мои любезны предки жили
И съ пользой своему отечеству служили (стр. 25).

Къ женщинамъ авторъ относится съ уваженіемъ:
Прелестный полъ! моей владѣешь ты душою!
Хотя ужъ пламень чувствъ отъ старости угасъ,
Чувствительность души не умираетъ въ насъ... (стр. 51).

Онъ высказываетъ желаніе, чтобы на стражѣ родного языка стали женщины:

Коснитесь нѣжными руками русскихъ книгъ;
Прелестныя уста пусть русскимъ разговоромъ

¹⁾ Трудно сказать, была ли «чадцо» родная или пріемная дочь. Въ подстрочномъ примѣчаніи въ 41 т. «Вѣсти. Европы» 1808 чадцо, какъ авторъ стих. «Озеро», названа сестрой Алферова.

Восхитять общество; и пашь языкъ тотчасъ
Получать блескъ отъ вашихъ усть и глазъ (стр. 40).

Посланіе къ Привѣтъ» оканчивается прочувствованными строками
о мирной пустынѣ, подь которой несомнѣнно подразумѣвается Поповка:

Пустыня мирная моихъ къ спокойству дней
Убѣжище при старости моей!
Не промѣняю васъ я, храмины убоги,
На пышные сады, огромные чертоги....
Они съ природою меня бы разлучили.
Тамъ птицы бы ко мнѣ на окна не летали,
Иль бѣлки дикія на нихъ бы не играли....
Младая рощица съ цвѣтущею травою,
Подчищенные всѣ моей рукою;
Древа отборныя, гдѣ то-жъ рукою моею
Я имена моихъ вырѣзывалъ друзей,
Иныя посвящалъ великихъ въ честь людей,
Не могли лучшаго имъ сдѣлать приношенья,
И гдѣ я читывалъ ихъ письма и творенья....

Въ одномъ мѣстѣ «Посланія» Палицынъ говоритъ подробно о той
порчѣ его перевода Элоизы, которую позволилъ себѣ издатель Сопиковъ,
на что, какъ намъ извѣстно, уже жаловался Палицынъ въ письмѣ къ
Ярославскому. Оказывается, что издатель.

Бумаги пожалѣвъ нѣсколько листовъ,
Отбросилъ Разговоръ Жанъ-Жаковъ о романахъ,
Онъ посвященіе мое въ ней утаилъ;
Друзей моихъ стихи на переводъ мой скрылъ...
Не бывши грамотенъ гораздо и по-русски
Не только по-французски,
Къ тому жъ и совѣмъ не съ острой головой,
Онъ вздумалъ переводъ однакожъ править мой,
Языка чистаго гнушаясь простой,
Размазалъ онъ мой слогъ несносной пестротой (стр. 26).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г. (ч. 35, № 19, стр. 211) помѣ-
щено нѣсколько замѣчаній издателя «Вѣстника» на «Посланіе къ При-
вѣтъ» Палицына.

*«Игорь, героическая пѣснь, съ древней славенской пѣсни писанной
въ XII в. переложилъ стихами Александръ Палицынъ».*

Въ началѣ книги находится посвященіе перевода слободско-украин-
скому губернатору Ив. Ив. Бахтину: «Старъ, боленъ, небогаты, и не

имѣвъ ничего изъ даровъ, счастья, кромѣ остатковъ малаго таланта иль паче страсти моей къ словесности, осмѣливаюсь я препроводить присемь къ Вашему Превосходительству цѣкоторое слабое въ ней мое произведеніе, посвящая отъ напечатанія онаго прибытокъ въ пользу Земскаго войска». Письмо къ Бахтину помѣчено числомъ 22 февраля 1807 г. За этимъ письмомъ слѣдуетъ стихотворное письмо Хвостова къ переводчику «Слова», въ которомъ Хвостовъ

Поклонъ усердно отправляетъ,
Знакомства близкаго желаетъ
И съ лавромъ поздравляетъ....

Далѣе слѣдуетъ также стихотворный отвѣтъ переводчика Хвостову, начинающійся такимъ образомъ:

Парнасскій именитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель
Другъ пѣжный музъ, Хвостовъ!
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный пинъ кровъ...

Въ выноскѣ подъ строкой приведено объясненіе послѣдняго стиха, важное въ біографическомъ отношеніи: «Восемь мѣсяцевъ какъ сочинитель лишился жены и въ ней тридцатипятилѣтняго друга». Отвѣтъ помѣченъ числомъ 11 іюля 1807 г. Слѣдовательно Авдотья Александровна вышла замужъ за Палицына въ 1771 г., а скончалась въ ноябрѣ 1806 г.

Переводъ «Слова» снабженъ обзоромъ его содержанія и примѣчаніями, взятыми изъ перваго изданія этого памятника въ 1800 г. Палицынскому стихотворному переводу Слова о Полку Игоревѣ предшествовалъ также стихотворный переводъ Сѣрякова въ 1803 г., неизвѣстный Палицыну, и прозаическое переложеніе «Слова», сдѣланное Шишковымъ въ 1805 г. Послѣднее переложеніе подало Палицыну мысль переложить «Слово» стихами. Начало палицынскаго перевода одобрено Шишковымъ. То обстоятельство, что Палицынъ обратилъ вниманіе на Слово о Полку Игоревѣ, вскорѣ послѣ того, какъ оно было издано, указываетъ уже на его чуткость къ истиннымъ красотамъ поэзіи. Художественные образы памятника переведены довольно близко къ подлиннику. Вообще Палицынъ добросовѣстно отнесся къ принятой задачѣ и, очевидно, все свое вниманіе и силы направлялъ къ удачному ея исполненію. Сдѣланный имъ переводъ «Слова», при тогдашнемъ состояніи русской науки и литературы, при внутреннемъ строѣ тогдашняго литературнаго языка, еще не

освободившагося от державинской высокопарности, были выдающимся литературным явленіемъ по простотѣ и ясности.

Переводъ очень понравился Хвостову, который выразилъ Палицыну свое удовольствіе въ цѣломъ стихотворномъ посланіи, на которое Палицынъ написалъ въ стихахъ большой отвѣтъ.

Въ изданіи произведеній Палицына дѣятельное участіе принималъ Харьковскій университетъ, въ знакъ уваженія къ нему, какъ почетному члену и въ знакъ благодарности за его усердіе при сборѣ пожертвованій на открытіе университета въ Харьковѣ ¹⁾.

Число членовъ Поповской академіи измѣнялось, въ зависимости отъ приѣзда въ Поповку просвѣщенныхъ друзей Палицына. Въ хорошіе годы Поповская академія была довольно многочисленна, имѣла болѣе пяти человекъ, а въ плохіе годы, послѣдніе годы жизни «поповскаго пустынника», состояла только изъ Палицына, его жены и дочери. Съ послѣднихъ, какъ ближайшихъ и постоянныхъ его сотрудниковъ, мы и начнемъ нашъ обзоръ личнаго состава Поповской академіи.

Авдотья Александровна, жена Палицына, по словамъ Ярославскаго, была «предобрая старушка... и большая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ» ²⁾ Въ письмѣ отъ 22 августа 1806 года Палицынъ увѣдомлялъ Ярославскаго, между прочимъ, о томъ, что «Авдотья Александровна шьетъ съ Юнесова эстампа въ очкахъ картину». Въ литературныхъ и архитектурныхъ работахъ Палицына Авд. Алекс. не участвовала, если не считать возможное содѣйствіе въ смыслѣ переписки, на положеніи, такъ сказать, домашняго секретаря.

Дочь Палицына раздѣляла всѣ его литературные и архитектурные интересы. Она помогала ему въ работахъ и перепискахъ и представляла самостоятельныя произведенія, Палицынъ именуеъ ее только ласкательнымъ словомъ «чадцо», нигдѣ не указывая ея настоящаго имени. Изъ писемъ Палицына къ Ярославскому легко убѣдиться, что дочь его обладала выдающимся образованіемъ и художественными талантами. «Чтобы сказать тебѣ обо всемъ состояніи осиротѣвшей теперь Поповской академіи, писалъ Палицынъ въ 1804 г., то главнымъ въ архитектурѣ теперь остается чадцо, которое и подлинно хорошо чертитъ и рисуетъ. Оно сдѣлало недавно три церкви, съ иконостасами въ прорѣзахъ, которыя и бу-

¹⁾ Пр. *Бигалъ*, Опытъ ист. Харьк. унив. I 770, 60, 38—40, 246, 250.

²⁾ Харьк. Сборн. I, 37.

дуть строиться, что только и сдѣлано попримѣтнѣе почти во все время, какъ академія тебя лишилась». Въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ: «чадцо мое—послѣдній и единственный членъ и секретарь наукъ и художествъ, сверхъ того что мѣшкотно пишетъ, занято эту весну множествомъ архитектурныхъ рисунковъ». Изъ дальнѣйшихъ писемъ Палицына оказывается, что дочь его срисовывала виды поповской мѣстности. Такъ, лѣтомъ 1808 г. было отдѣлано и вставлено въ рамки два вида, видъ дома и видъ балагана, изъ десяти спятыхъ, при чемъ въ особенности удачны вышли деревья. Въ то же время Палицына попробовала свои силы въ литературѣ и написала нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно, небольшое, «Озеро», было послано въ «Вѣстникъ Европы»¹⁾. Въ 1810 г. она продолжала свои работы по сниманію сельскихъ видовъ и составленію стиховъ, о которыхъ старикъ Палицынъ отзывался съ похвалою. Въ послѣднемъ сохранившемся письмѣ Палицына къ Ярославскому отъ 24 марта 1811 г. говорится: «Послѣдній членъ академіи секретарь чадцо выходитъ замужъ за Мих. Серг. Байкова. Онъ хотя также занимаетъ и впредь хочетъ занимать здѣсь мѣсто члена; однакожъ я думаю, что эти оба члена употребятъ себя больше на опытную физику и повивальное искусство; другое же все бросятъ и забудутъ».

Главнымъ членомъ Поповской академіи былъ *Николай Фодоровичъ Алферовъ*. Въ письмѣ 24 марта 1811 г. Палицынъ называетъ его лучшимъ ея украшеніемъ. Ярославскій называетъ Н. Ф. Алферова—«лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына»²⁾. Имѣющіяся въ нашемъ расположеніи письма Палицына говорятъ объ отсутствующемъ уже «странствующемъ рыцарѣ» Алферовѣ. Самое же ученіе его подъ руководствомъ Палицына и дѣятельность въ Поповской академіи относятся къ 1800 г. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ находятся четыре акварельныхъ архитектурныхъ пейзажа, нарисованныхъ Алферовымъ въ Поповкѣ; на двухъ обозначено время работы—1800 годъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ, изображающій памятникъ на берегу озера въ лѣсной мѣстности при лунномъ освѣщеніи, взятъ изъ проекта Палицына и посвященъ ему. Подъ другимъ рисункомъ, представляющимъ домъ между деревьями, Алферовъ подписалъ: «Видъ моей пустыни». Въ этомъ случаѣ ученикъ очевидно слѣдовалъ примѣру своего наставника, также называвшаго свой хуторъ пустыней, а себя Поповскимъ пустынникомъ³⁾.

¹⁾ «Озеро» было напечатано въ 41 т. «Вѣстн. Евр.» 1808 г., 201—209.

²⁾ «Харьк. Сборн.» I, 45.

³⁾ Оба рисунка изданы въ „Альбомѣ выставки XII Археологическаго Съезда въ г. Харьковѣ“, табл. XXXII, рис. 87—88.

Любовь къ искусству влекла Алферова на югъ, въ благодатныя страны
высокаго вдохновенія, въ Грецію и Италію,

Гдѣ небо блещетъ

Неизъяснимой снѣгой;

Гдѣ море теплою волной

Вокругъ развалинь тихо плещетъ.

Отецъ Алферова не могъ снабдить его средствами, достаточными для путешествія. «При малыхъ деньгахъ, говоритъ Ярославскій, какія Н. Ѳ. Алферовъ могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіей, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился черезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 г.». Въ числѣ друзей, снабдившихъ Алферова деньгами на дорогу, вѣроятно, былъ и Палицынъ. По крайней мѣрѣ, онъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и принималъ близко къ сердцу его художественныя интересы. Сначала Алферовъ жилъ въ Поповкѣ въ 1800 г., годъ или нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; затѣмъ, былъ въ отъѣздѣ—до 1805 г., гдѣ? также невидно изъ писемъ; весной 1804 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «Поповская академія теперь торжествуетъ прибытіе своего почтеннаго сочлена Н. Ѳ. Алферова, который уже былъ многократно въ засѣданіяхъ, показавъ ненарушимыя свои къ ней чувства и предпринялъ многіе труды въ ея пользу». Затѣмъ, Алферовъ уѣзжаетъ за границу, вѣроятно, въ концѣ десятихъ годовъ. Въ письмѣ къ Ярославскому 1-го марта 1810 г. Палицынъ говоритъ: «Теперь скажу вамъ о самой отдаленной, но самой близкой къ сердцу моему новости, которую и вы безъ сомнѣнія, раздѣлите. Это увѣдомленіе любезнаго нашего странника. Онъ освободился уже изъ Корфу, своего, такъ сказать, заточенія. Я получилъ отъ него нѣсколько писемъ: изъ Корфу, передъ его отъѣздомъ, потомъ изъ Неаполя и Рима. Последнее любопытнѣе прочихъ и показываетъ, что онъ не оставилъ нашихъ съ нимъ о художествахъ, особливо о водчествѣ, мнѣній. Я намѣренъ послать это прекрасное письмо напечатать въ «Русскій Вѣстникъ», чего издатель очень проситъ. Не знаю только посмѣеть ли выдать. Тамъ много такихъ смѣлыхъ замѣчаній, хотя и художническихъ, какихъ теперь ни въ чемъ не любятъ. Изъ Рима, гдѣ онъ располагалъ прожить шесть мѣсяцевъ, которые уже прошли намѣренъ онъ возвратиться черезъ Парижъ и Вѣну. И если что-нибудь непредвидимое не остановитъ его, то будущей осенью онъ могъ бы цѣловать отечество». Свою любовь къ Алферову Палицынъ доказалъ наконецъ тѣмъ, что оставилъ ему въ наслѣдство свою деревню Поповку¹⁾. Любовь къ искусству, воспитанная

¹⁾ «Харьк. Сбор.» I, 45.

въ Алферовѣ Палицынымъ, перешла потомъ и къ сыну Н. О. Алферова Аркадію Николаевичу, который составилъ драгоценное собраніе картинъ, акварелей и гравюръ и по завѣщанію при кончинѣ своей въ 1872 г. передалъ всю свою коллекцію въ музей изящныхъ искусствъ харьковскаго университета. Этотъ вещественный памятникъ духовной дѣятельности А. А. Палицына и Н. О. и А. Н. Алферовыхъ можетъ составить украшеніе всякаго музея и всякаго университета, такъ какъ выражается въ 50 картинахъ масляными красками, 421 нумерѣ акварелей и рисунковъ XIX и прошлыхъ столѣтій, 64 названіяхъ различныхъ художественныхъ изданій, 100 названіяхъ книгъ, относящихся къ исторіи живописи и гравюры, и, наконецъ, въ собраніи гравюръ и офортовъ, преимущественно рѣдкихъ, старинныхъ, небольшого числа литографій и проч. числомъ до 3000 нумеровъ. Эта коллекція оцѣнена была въ Боннѣ по наименьшей стоимости въ 14,000 талеровъ ¹⁾.

Василій Ивановичъ Ярославскій былъ послѣ дочери Палицына и Н. О. Алферова наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Поповской академіи. В. И. Ярославскій родился въ Тростянцѣ, ахтырскаго уѣзда, отъ дьячка мѣстной церкви въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Въ 1797 г. онъ окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ казенномъ училищѣ (родъ кадетскаго корпуса) и поступилъ на службу въ харьк. губернское правленіе канцеляристомъ: затѣмъ, считаясь по службѣ при сумской полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьк. губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора и въ это время близко сошелся съ Палицынымъ, о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1806 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а въ 1808 г. въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ званіи совѣтника казенной палаты въ Херсонѣ и Тулѣ, въ 1833 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Сумахъ, вблизи Поповки, о прежнемъ владѣльцѣ которой сохранилъ до смерти лучшія воспоминанія. Первое знакомство Ярославскаго съ Палицынымъ произошло такимъ образомъ: въ 1799 г. Палицынъ узналъ, что Ярославскій пріѣхалъ въ Басы, что онъ племянникъ губернскаго архитектора и охотно занимается архитектурой, и потому просилъ владѣтельницу Басовъ, вдову генерала Штеричева, отпустить къ нему въ Поповку Ярославскаго каждый мѣсяць. Въ первый своей пріѣздъ въ Поповку Ярославскій нашелъ хозяина сильно страдающимъ болью головы отъ гемороя. Слыша тяжкіе его стоны, Ярославскій, человѣкъ очень мягкаго сердца, прослезился, и это слезное участіе его въ болѣзни при-

¹⁾ Чириковъ, «Указатель» II, 244. Біографію А. Н. Алферова и свѣдѣнія о его коллекціяхъ см. у *Е. К. Рюмина*, Музей Изящныхъ Искусствъ и Древностей Императорскаго Харьковского Университета (1805—1905). Харьковъ, 1904, стр. 38—46.

влекло къ нему сразу расположеніе Палицына и его семья. До 1802 г. Ярославскій посѣщаль Поповку временно, съ 1802 г. по 1804 г. онъ почти постоянно жилъ въ ней, затѣмъ до 1806 года опять лишь навѣщаль временно, а съ 1806 по 1811 г. включительно велъ только переписку съ Палицынымъ. Въ качествѣ члена Поповской академіи, Ярославскій въ 1800—1806 годахъ завѣдываль строеніемъ нѣсколькихъ зданій, по планамъ Палицына. Кромѣ того, Ярославскій въ это время предался литературной дѣятельности, при чемъ переводилъ съ французскаго повѣсти подъ руководствомъ болѣе его сильнаго въ этомъ языкѣ Станевича. «Васъ нельзя не любить тому у кого есть сердце. Это ваше право. Это должная вамъ дань»—писаль Ярославскому Палицынъ въ 1804 году и, дѣйствительно, какъ изъ автобіографіи его, такъ и изъ писемъ къ нему Палицына легко убѣдиться, что это былъ въ высшей степени добросердечный, мягкій, образованный и трудолюбивый человѣкъ. Палицынъ уважалъ въ Ярославскомъ въ особенности его «прекрасное сердце», «разумъ страстный къ просвѣщенію», «трудолюбіе» и «привычку въ работѣ находить забаву». Изъ писемъ Палицына видно, что Ярославскій давалъ ему на просмотръ свои переводы съ французскаго, чертилъ для него планы, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ высылалъ иногда ему новыя книги и заботился о надлежащемъ изданіи его литературныхъ трудовъ.

Религіозно-мистическій писатель и стихотворецъ *Евстафій Ивановичъ Станевичъ* также входилъ въ составъ Поповской академіи. Родомъ изъ Нѣжина, Станевичъ получилъ хорошее образованіе и уже въ молодыхъ лѣтахъ выступилъ на литературное поприще. Въ 1802 г. Станевичъ пріѣхаль въ Украину изъ Петербурга и жилъ въ Низахъ. По рекомендаціи Палицына, предводитель дворянства Г. Р. Шидловскій пригласилъ его въ учителя къ своему сыну, проживавшему въ это время въ Поповкѣ, согласно съ желаніемъ отца, для нравственнаго усовершенствованія. Станевичъ познакомился въ Поповкѣ съ Ярославскимъ и написалъ для него сочиненія Томаса. Ярославскій перевелъ нѣсколько французскихъ статей, при чемъ Станевичъ поправлялъ его переводы. Проживая въ Поповкѣ, Станевичъ перевелъ стихами двѣ поэмы «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣдній переводъ онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, который выдалъ ему въ награду за то 1000 руб., сумму, весьма крупную по тому времени. Станевичъ тяготился должностью учителя. Онъ неоднократно признавался Ярославскому, что хочетъ оставить скучную учительскую должность и что пріятели зовуть его въ Петербургъ. Вскорѣ, око-

ло 1804 г., онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашель покровителя въ лицѣ извѣстнаго писателя Шишкова. Проживая въ Петербургѣ, Станевичъ поддерживалъ переписку съ Палицынымъ. Въ 1808 г. онъ снова навѣстиль Палицына въ Поповкѣ, но такъ какъ онъ болѣе времени пробыль у богатыхъ помѣщиковъ Кондратьевыхъ въ Желѣзнякѣ, вблизи Поповки, чѣмъ въ самой Поповкѣ, то Палицынъ сильно обидѣлся на него, что и высказалъ въ письмѣ къ Ярославскому. Дальнѣйшія обстоятельства жизни Станевича, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, не связаны съ Поповскою академіею ¹⁾.

Въ число членовъ Поповской Академіи входили *Павелъ* и *Михаилъ Сергѣевичи Байковы*. Въ исторіи литературы имя Павла Байкова извѣстно, какъ переводчика съ французскаго «Повѣсти о двухъ пустыняхъ», изданной въ Петербургѣ въ 1785 г.

Кромѣ того, въ письмахъ Палицына упоминаются еще слѣдующіе члены Поповской академіи, уже какъ отсутствующіе: *Моисей Григорьевичъ Ушинскій*, *Антонъ Ивановичъ Кардашевскій* и какой-то *Димитрій Петровичъ* (фамилія неизвѣстна). Кардашевскаго Палицынъ называетъ «своимъ любезнымъ ученикомъ» ²⁾, Димитрія Петровича—стариннымъ сочленомъ Академіи, присутствовавшимъ въ Поповкѣ, между прочимъ, въ іюль 1804 г. Объ Ушинскомъ Палицынъ вспоминалъ въ 1806 г. также какъ о старинномъ, отсутствующемъ уже членѣ Академіи, «гдѣ память его навсегда любезна». Этими лицами не ограничивался кругъ знакомыхъ Палицыну мѣстныхъ образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Въ письмѣ отъ 30 марта 1806 г. къ Ярославскому находится слѣдующее любопытное сѣтованіе Палицына: «Все перемѣняется у людей... Не отвѣчай даже и за то, чтобы нѣкоторыя перемѣны не случались и надъ тобою. Силень вихрь обстоятельствъ, случаевъ, происшествій, обычаевъ, мнѣній, предразсудковъ времени и проч. и проч..... Могъ ли я за нѣсколько лѣтъ думать, чтобы когда нибудь *К. П. Ланова*, *Пав. Серг. или братъ его Левъ Серг. Байковы*, чтобы *Ант. Ив. Кардашевскій*, *Моисей Григ. Ушинскій*, или *Вас. Наз. Каразинъ*, *Евг. Ал. Васильевъ* и проч., и проч., безъ всякихъ причинъ, безъ разрыва, можетъ быть еще и любя меня, до днесъ захотѣли остаться со мной въ мертвомъ безмолвіи?..... Однако то, къ сердечному моему прискорбію, случилось».

¹⁾ Подробная статья о Николая Лашенкова о Станевичѣ напеч. въ 9 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1897 г.

²⁾ Ярославскій также называетъ Кардашевскаго ученикомъ Палицына и замѣчаетъ при этомъ, что Кардашевскій служилъ въ Черниговѣ губернскимъ архитекторомъ.

Далѣ Палицынъ имѣлъ литературныя связи съ Сергѣемъ Никол. Глинкой и Вас. Вас. Капнистомъ. С. Н. Глинка имѣлъ случай лично побывать въ Поповкѣ. Въ 1802 г. онъ былъ приглашенъ въ Рясное помѣщикомъ Хрущевымъ для обученія его дѣтей, и, поспорившись съ нимъ, вскорѣ уѣхалъ къ Палицыну. Подробный разсказъ Ярославскаго объ этомъ любопытномъ эпизодѣ напечатанъ въ 1 вып. «Харьк. Сборника», стр. 38. Въ 1807 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «С. Н. Глинку я всегда сердечно любилъ», а немного ранѣе, въ 1804 г., писалъ о Капнистѣ, что какъ его личностью, такъ и его дарованіями «плѣненъ навсегда». Изъ «Воспоминаній», Ярославскаго видно, что Палицынъ посылалъ его къ Капнисту съ рекомендательнымъ письмомъ, что указываетъ на близкое его знакомство съ этимъ крупнымъ писателемъ конца XVIII вѣка.

Бросая общій взглядъ на просвѣтительную дѣятельность А. А. Палицына, мы должны въ заключеніе статьи сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ ея основномъ характерѣ и значеніи въ исторіи развитія въ краѣ культуры. Очевидно, Поповская академія въ свое время была для Харьковского края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ Университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія. Душой ея былъ Палицынъ, соединявшій въ себѣ разностороннее и широкое образованіе съ мягкосердечіемъ, добродушіемъ и съ большой способностью спланивать людей въ интересахъ общественнаго преуспѣянія, умственнаго и нравственнаго. Въ лицѣ Палицына въ харьковскомъ краѣ, въ лучшей, наиболѣе населенной и богатой его части, сумскомъ и ахтыскомъ уѣздахъ, явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы XVIII вѣка. Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи. Ближайшій ихъ преемникъ по общественной и литературной дѣятельности Г. О. Квитка пошелъ далѣе Палицына и далѣе Каразина, внесши въ сознаніе мѣстной интеллигенціи идею о необходимости просвѣщенія не только дворянскаго сословія, довольно уже сильнаго въ культурномъ отношеніи и выставившаго уже такихъ свѣтлыхъ дѣятелей, какъ Палицынъ, Алферовъ, Каразинъ, Квитка, но всей массы народнои, и одновременно внесъ идею о необходимости присмотрѣться къ ней, изучить ея языкъ, быть, нравы, обычаи. Палицынъ, Каразинъ и Квитка своей просвѣтительной дѣятельностью опредѣлили основные пути для успѣшной и цѣлесообразной дѣятельности на пользу харьковского края.

Г. Θ. Квитка, какъ этнографъ.

Имя Г. Θ. Квитки—Основяпенка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Θ. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи инициатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала («Украинскаго Вѣстника»), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія («Листы до любезныхъ земляковъ»). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку¹⁾. Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно приэтомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и даже съ отѣткомъ пренебреженія—на этнографическихъ элементахъ въ сочиненіяхъ Квитки, изъ которыхъ многіе нынѣ имѣютъ лишь археологическое значеніе.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти XIX столѣтія.

¹⁾ *Харьков. Сборн.* 1884 г., стр. 421, 423.

Григорій Федорович Квитка-Основьяненко.
(р. въ 1778 въ Основѣ, † 1843).

Будынокъ де живъ Квитка на Основѣ.

Къ 54 стр.

ДУДУЛИНСКОЕ
УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
ИЗД. 1878

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостного права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школы, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый отбѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей болшею частью лѣнливыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ, Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти «*Добрый панъ*», представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычныя въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выразившіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ «*Преданіяхъ о Гаркушѣ*» выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Гудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ «*Похожденіяхъ Столбикова*» помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію «мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова». Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другого названія, какъ Непасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Непасытинъ въ «*Дворянскихъ выборахъ*» расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ фізіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошекъ, цып-

лять, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ «Похожденіяхъ Столбикова» олекунь Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранныю гостиницу, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другого имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткицскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непременно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всё совершенство находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамоту считаетъ нелѣпностью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы разстраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ: башмаки на босую ногу, юбка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, пахвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ «ваше имѣніе», доказывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всё квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ «Панѣ Халявскомъ» онъ постоянно сопоставляетъ преж-

нихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слово «теперешній» слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халаявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Паничи Халаявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ XIX вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали, — обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаной, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру паничи «подвечерковали», т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигиенѣ, старосвѣтскіе украинскіе паничи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на моголѣ галушки или плавающія въ маслѣ и облитыя сметаной вареники. — Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суетвѣрjami и предразсудками. Въ «Героѣ очаковскихъ временъ» Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурного глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашенстванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали «уроки».

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Паничи Халаявскіе обучались у папа дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ — у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія папа дьяка, паничи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Феодосію. Когда Петрусь Халаявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритые бороды, причемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе

обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго панчи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халяевскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяць разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ; черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ русскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто датыни Галушкинскій приучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго панчи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабуся для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподавалъ имъ правила, какъ они должны держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить мудрое правосудіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголь именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголь дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный, учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ—!—«удивительный», не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халяевскихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: «ну что-жъ»? «Сейчасъ» отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куса выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: «вписать ихъ въ синтаксисъ». Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссима, поднявъ голову, сказалъ: «они могутъ быть въ пѣтикѣ». Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «впрочемъ, вписать ихъ въ риторикѣ».

Стодбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы, воспитатели рус-

скаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются певѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ «Похожденіяхъ Столбикова», m-me Тогшон въ «Украинскихъ дипломатахъ» и m-ле Ламбо въ «Харьковской Ганнусѣ». Филу обманываетъ родителей вѣшнымъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усваиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариѳметикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ бесполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетускѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи, носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца XVIII столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ внослѣдствіи одному полковнику: «въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...», полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: «молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушю»...

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго образованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ XVIII столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть XIX столѣтія, воспитаніе и образованіе состояло въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себя въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ «доброе старое время» дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халаявская впервые надѣла корсетъ и юбку по истеченіи 14 лѣтъ, Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Сте-

пановна, мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. «Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома», заявляетъ Трушко Халаявскій: «если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать». Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, «весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ». Пазинька Шпакъ служить представительницей старинныхъ барышень, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочесть романъ; она умѣетъ надрыпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенія. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая «мужняя» жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. М-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго, общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисѣ Ивановнѣ Халаявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ «Паанна Сотниковна», «Божія дѣти» и «Украинскіе дипломаты» просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлала попытку представить въ литературѣ «развивателя», въ повѣсти «Ложныя понятія». Сынъ казака Омелянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ

дворянство. Онъ имя Омелянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, позналъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурного мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной природы; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки далеко стояло отъ простаго народа, по языку, правамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣ. Въ «Харьковской Ганнусѣ» добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. «Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?». Въ трогательной драмѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галочкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она «неривня». «Не однакови зирочки на небесахъ», поэтически объясняетъ она причину отказа, «не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблунувымъ цвитомъ; не прийме березонька липового листочка, не позбере соловейко иншої пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усему свій законъ, а чоловикови ще найбільшъ того».

Въ то время какъ данная Квиткой обрисовка дворянъ имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерпанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій сохраняютъ въ бѣльшей мѣрѣ живое бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то

въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а въ слѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патреть, Мертвецкій великдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти «Щира любовь», несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсами, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксань, такъ какъ эти мягкіе и пѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями фабричными и желѣзнодорожными. Въ повѣсти „*Пархимово Сиданье*“ есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Настя. Эта Настя все мпожилась, погмощала Марусь и Оксань, и теперь черезъ 60 съ лишнимъ лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгороднихъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова и отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи въ село, женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. «А зубата була! Вже не задайся зъ нею ніхто. Тільки зачепи її, какъ разомъ якъ залящити, затрещити, загомонити, перекоренити батька и матирь и увесь ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладає, що и не додумаєшься, видкиля вона усего набрала. И вже її ни за що не переговоришь».

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ «первія произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить

лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова» ¹⁾.

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: коцарскій, шаповальскій, скринничій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишнее интересное и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. „*Маяка*“ 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Константина Сементовскаго о малоросійскихъ народныхъ праздникахъ съ нѣкими дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малоросійской старины; «многоуважаемый писатель цѣль, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ намъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи». Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малоросійскія повѣсти Квитки.

¹⁾ *Отчетъ* о 29 присуд. наградъ гр. Уварова 97.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ рассказовъ.

Въ статьѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ.) гороздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго ремесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотникова“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашего пана хороша паня,	Сыночки зрослы—у школу пишли.
Богъ ему давъ славу жену въ его	А дочки зрослы—у швачки пишли,
дому!	Сыночки идутъ—кныжечки несуть,
По двору ходыть, якъ місяць сходыть;	А донечки идутъ—хусточки несуть:
По синцяхъ ходыть, зоря сходыть;	Кныжычки на стиль, батеньку до ниль
Садыла сынки въ чотыри рядки,	А дочечки хусточки на пиль, матюнци
Садыла дочки въ три рядочки.	до ниль.

(Чуб., т. III, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и правственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чувствуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяйкѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похвдается уже и

самъ хозяйнѣ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колыдкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ *«Сватанье на Гончаривци»* дивчина Уляна говоритъ: «Хиба паны брешуть? Вони сего не вміють и надъ дивками не будуть гнуцатись. Вони письменни». Въ повѣсти *«Маруся»* старикъ Науумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился, и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти *«Божи диты»* Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти *«Ярмарка»* по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ приѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: «А чья эта шерсть»? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: «Овеча». «Дуракъ!» кричитъ барыня. «Я спрашиваю какого пана». Михаила Петровича. «Да какого»? Нашего. «Гей, цобе, сирый, цобе!» и, хлеснувъ воликовъ батономъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти *«Добре робы»* отмѣчена мимоходомъ такая черта народнаго характера: «Вы паны», говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, «и все хотите попаньски робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси знали, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лишній живемо, и лишню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытись, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своен трудової копійки жалко».

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказы-

ваются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотошська видьма). Въ повѣсти «Божи диты» старики крестьяне обнаруживают жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и проверимъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ „*Ложныхъ понятіяхъ*“ (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ кимнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоневыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Въмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, лыстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевыя очинки, глазетовыя кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безынтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ «залку». Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школы. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампы затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ наверху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняють по субботамъ. Залку украшаютъ картинки

любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ «гостиненку», дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ «кухоньку», а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, «упокій», предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже записаться «мужицкимъ промысломъ», т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ «Ложныхъ понятіяхъ». Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что «ему такъ не почастливилось».

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ «Запискахъ» о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячь до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выролившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно наместами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранился почти

исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славилась малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренныя въ своихъ требованіяхъ, жили бы совершенно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ ключекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46),

Нѣтъ надобности доказывать, что среда алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенка предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стѣвбыря Квитки.

Въ повѣсти «*Малороссійская быль*» Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокоуміе, презрѣніе къ отцу и всему родному. «Житы по-людски» стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ своевременныя ему бытовыя явленія. Т. П. Пассекъ въ своихъ запискахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузь—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ «Віють витры, віють буйны» или «Стоить яворъ

надъ водою». Если слышалось «Сонце низенько», значить Тузь настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ «Удовыцю я люблю».

Вообще дѣйствующая лица квинкинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти «Добре робы». Тихонъ Брусъ — «старъ чоловікъ», уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ «розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нимъ вихачувався». Отличительная его черта — широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. «Объ анахтемьскому барышеви» онъ не помышляетъ. Брусъ — крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздивъ въ курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его бесплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ, «що коли що падунавъ то, хоть споръ, хоть зайся, а вже винъ одъ свого не отступитця. И вже не буде багато говориты та намагатись, а мовчки зробить якъ хотивъ». Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу, и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, «заразъ одъ усякого двора вышло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тихонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклали. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або приславъ ему по новому хлибови. — Се було на самого Прокипня. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и поваливъ народъ до Тихона... Чоловикъ увійде, помолытця, хлибъ святой положе, та Тихонови и прыпаде до нигъ и скрызъ слезы говоритъ: «Прыйми, дядку, хлибець святой, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семьею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастливу годину. Тамъ дытына вбизыть, та тежъ хлибець несе... Тамъ увійде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою»... Другой прекрасный «старъ чоловікъ» — Захарій Скиба (въ повѣсти «Божі диты»). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ

сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купить въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика, Наумъ Дротъ (въ повѣсти «Маруся»), тарановскій сотникъ Мпронъ Петровичъ (въ повѣсти «Панна Сотникова») и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ «Щира любовь»). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день готовятъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Иисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ что нибудь выпить за здоровье поворожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщинъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведмедиха (въ повѣсти „Сердешна Оксана“). Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея оказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни обь чимъ и не думаетъ, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала їй на пичь покладаты и кожухомъ укрываты и водою наповаты». Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый оболститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанскою наложницею; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ

Ведмедихъ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи родного села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашель Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой: теперь онъ увидѣлъ передъ собой что-то худое, прехудое, сухое, блѣдное. Петро подошелъ къ ней, разговорился, и, подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очпокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвиняетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена“.... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немало споткнулась. Что ни рассказывай о капитанѣ, а и ты виновна.... „Ну та дарма, все забую и ни объ чимъ згадувати не буду, мовъ дивкою тебе беру“.

Въ повѣсти „Перекотиполе“ находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работающаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану нема, чи хто тебе знае!“—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та знай багатіють, а ты ось ніякъ не раздобудеся ни на що, щобъ начаты господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато після батька, те потратыла женючи тебе, думала, опісля заробимо, невестка поможе. Невестка жъ ничъ день робыть, а я звалылась собі на лыхо. . . . тутъ пішли дити; хлопчыкови вже шостый годокъ; попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а цсты просяты, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы“. Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду роднаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелець, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. П. Костомаровъ въ «Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ», помѣщенномъ въ «Молодикѣ» 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти «Вотъ Любовь» и въ драмѣ «Щира любовь». Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасенія, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женитьбу на мужичкѣ. Чтобы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіе выходитъ замужъ за от-

повскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не может и потому чахнет и умирает. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что «Галочка всегда идеаль, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здоровомъ состояніи другихъ способностей». Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты; чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно, это была изблюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ, невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти «Козирь—дивка». Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ, посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликамъ, которые господами «судящими» были охотно приняты. Ничего не помогало. Неумолимая Ивга дошла къ губернатору, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная; ее никто не одурить, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся—прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставить свѣчу. На свадьбѣ своей подружки она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василія и полюбила его. Василь не былъ холодепъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его от-

существом, простудилась и умерла. Содержание повести просто, несложно. Однако, повесть «Маруся» при своем появлении произвела сильное впечатление: ею зачитывались, над нею плакали. Квитка раскрыть перед читателем душу чистой девушки, ввел его в таинственный мир женского сердца, бьющего неистощимым родником обильного чувства. «Се не Маруся въ насъ передь очима, говорить Кулишъ, се наша юность, се ти дни святы, приснопамятны, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ сердци... Красень Божій миръ, а ще краща душа чоловіча, и тягне вона насъ до себе непобедимою силою. Велики скорбы своєю благодати розсыпавъ Богъ у своєму красному мырови, а ще більшими скорбами збогативъ чоловічу душу. И не того намъ хочеться жыты, щобъ только на Божій миръ дывитись: більше намъ хочеться душею въ чужі души входыты и благодатны скорбы на скорбы мняты».

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Гануся имѣють сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безответной паломницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безответную рабу; она собралась съ силами и бѣжала отъ негодя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застычивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Гануся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застычива. Она трудолюбивѣ ихъ обѣихъ. «Се сокровище, а не дивка, говорить о ней старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залається, ни засварится. А щобы, когда шла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Только и прогулки, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевь, на Ивана въ Основу».

Въ основаніи многихъ разказовъ Квитки лежать народныя сказки. Содержание разказа „*Перекотыполе*“ просто. Мужикъ Трохимъ шель домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелець Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлю грабежа. Умиравшій Трохимъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему стешнымъ вѣтромъ траву перекотыполе. Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохима перекотыполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработала народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохима и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершения преступления.

Въ уманскомъ уѣздѣ кievской губ. записана весьма сходная сказка о перекатиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокой ярь и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: «прощай перекетыполе; та гляды, будешь мени свидокъ». Убийца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала ¹⁾).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка «Ковыль-трава» слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побори выдала его влѣстямъ ²⁾).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодого поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: «плодъ этого одинокого дерева заговорить и обвинить убійцу». На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король. Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ ³⁾).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійца поэта Ивика уличили журавли, вполне соответствующіе перекатиполу и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Поднеситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій рассказъ „*Иидбрехачъ*“, напечатанный впервые въ «Молодыкѣ» 1843 г., представляетъ передѣлку, народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что «недобре длоу брехаты», фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: «Просывъ Пархимъ

¹⁾ *Рудченко*, Народн. южно-рус. сказки, 1 № 79).

²⁾ *Садозникова*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380.

³⁾ *Владиміровъ*, Защитительныя рѣчи, 450.

Остапа, щобъ шійшовъ за нѣго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный хочъ куды. Остапъ-ничого робыты, каже: «Добре шійду, абы-бъ товариша зиськаты.

Зострився зъ Самійломъ.

«Здилай мылость, Петровичу Самійло», каже Остапъ: «йды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дшл!

«Та воно нетрудно», каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; а безъ брехни вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пидбрехуй на цылый локоть; то й закннчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають!»

— Добре, Остапе, зумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою». Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святыи пидъ плече, палычки у руки, пишы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяйину поклонылыся и почалы газаты законныи речи про порошу, про князя, про куныцю, и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврипы усе слухають; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

«Та у нѣго чымало е чого», каже першыи староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У цѣго усѣго е багацько.

«Е й волюки».

— Та яки волюки? такы настоящи волы.

«Е й овечата», почына першыи староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

«Е й хатына».

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

«И у господарстви недуже дае кому воли».

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямгають, що таке добро достанетця ихъ дочки; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

«Отъ колы знаете, Пархимъ», сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

«Э! се-бъ-то той крывый на ногу?» спытала маты Хиврина.

«Та вишь такъ трошки хрома, па одну ногу» — сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а вишь и обома нездужа ходить! идправивъ идбрехачъ.

— Та вишь щось горилку часто вжива? пытаетця батько.

«Такъ, выше по-трошку, колы-та-колы», каже Останъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не по-трошку, а пье, поки звалытця.

«Та троха чы не косый?» пыта батько Хивринъ.

— Та такъ, косенькый на одно око, каже староста.

«Де-то-вже па одно? и не косенькый овси; вишь и обома ничого не бачыть!»

«Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?» допытуетця батько.

— Яка тамъ биды? Може провчать трошки, сказавъ староста.

«Якь-то можно трошки? Ёго таки гарно кать кнутомъ попобье, та й на Сибирь зошлють», закичавъ идбрехачъ...

Писля такои розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы печестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бешкетъ, що за такого жениха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й новикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идутъ вмѣстѣ брехачъ и подбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ, что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у подбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Подбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ пей заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ ни той гречки¹⁾.

Въ бѣлорусской сказкѣ «Лгала и Палагала» выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и подбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжець, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку — ковригой хлѣба, подбрехачъ — двумя волками, двумя ковригамп. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огород-

1) Kolberg, Pokucie, IV № 52.

шикамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солища невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глухие плотники повѣрили ¹⁾. Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глухыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.) ²⁾.

Содержаніе разсказа «*Мертвецкій Великдень*» состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшисъ дома варениковъ, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъвареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторыя подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Видомостяхъ*» былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: «На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ «запусты», послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или въ рубаху и бережно хранятъ до начала заутренн св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ; какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатериин-

¹⁾ *Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669.

²⁾ См. мое изслѣдованіе «Анекдоты о глухцахъ».

скій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ; у каждой была на головѣ дойница».

Разсказъ «*Конотопска видьма*» построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытового характера. «Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за нѣхъ (т. е. вѣдьмъ) узятись, щобъ вони вернули дощи и щобъ намъ не на-робылы описля якои капости?»—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. «Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея причеплютъ». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: «Посередь ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвѣязано верѣвками, та впять, якъ то хытро та мудро переплутано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а вони не рыбалки, бо въ нѣхъ на човнахъ, не сети и не вьятери, а те жъ верѣвки.... Калавурны стерегли низку видѣмъ и прыдвлялысь пыльно, щобъ котра зъ нѣхъ, перекинувшись або сорокою, або свынею, та не дала бъ дѣру».... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ, передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ паламъ, подвязываютъ ее къ верѣвкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду ¹⁾.

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго небыло дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой ²⁾. Припомнимъ здѣсь, что и въ «*Конотопской вѣдьмѣ*» Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, «хлопци отчесалы терновыми». Въ Угорской Руси во время засухи заставляють женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе ³⁾.

¹⁾ *Квитка*, Малор. пов. I, 197—214.

²⁾ *Чуб*. I, 26.

³⁾ *Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣсн. 25.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топлєніє вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали пакрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была певинной¹⁾. Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г.²⁾ Въ „*Культурныхъ переживаніяхъ*“ подъ № 4 мы подробно останавливались на топлєніи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій «Божій судъ водой»—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топлєнія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы „*На пуцанья якъ завязано*“ и „*Пархимове сніданья*“ написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ „*Знахарь*“ (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти «Маруся» отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—«побигла до знахарки, щобъ вымыла, або злызала; бо се їи мабутъ зъ очей; або нехай переполохъ выльва, або трясцю видшептуете; нехай що зна те и робыть». Отець же Маруси Наумъ «заразъ доставъ іорданської воды та и звеливъ Настю, щобъ нею патерла Марусю бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ підкурювавъ їи херувимськимъ великоднимъ ладаномъ»...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, гильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы начала XIX вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка

¹⁾ Антоновичъ, въ «Трудахъ» Чубинскаго I 347.

²⁾ Аванасьева, Поэт. возр. III 511.

„Украинцы“, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ „*Пидбрелачь*“ (по изд. 1887 г. II 193) и „*Маруся*“ (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ „*Козырь—дивка*“ (II, 87—91) и въ „*Сватань на Гончаривци*“.

Описаніе вечерницъ находится въ повѣсти „*Маруся*“ (I 34) и въ „*Пань Халявскомъ*“.

Похороны дѣвушки изображены въ „*Маруся*“ (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ рассказъ „*Панна Сотниковна*“.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ „*Маруся*“ (I 77, 80) и „*Отъ тоби и скарбъ*“ (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ „*Божія дити*“ и „*Панна Сотниковна*“.

О ярмаркѣ въ „*Солдатскомъ патреть*“, „*Пархимовомъ снідань*“ и отчасти въ „*Ярмаркь*“ (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малоруссовъ (въ «Украинцы» и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ—трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, «не одна обѣщала дванадцать пятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого; не—одна тыхенько видѣ матери по пятинкамъ пряла на свичечку»... («Божія диты» II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 городовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было признано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ го-

дамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служить матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственного, нравственного и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ—сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Настя стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; на примѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повгоряется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

Главные мотивы поэзии Т. Г. Шевченка.

Предисловіе—значеніе и условіе изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостоль правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерданіи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяць, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ. Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, казачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно-нравственные мотивы. Религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байстрюки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймишка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ Чалаго и Конисскаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ—Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ III ч. «Записокъ Товарищества Шевченка» (стр. 36—152), о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзи Шевченка представляетъ фантазмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ; но по внутреннему содержанію—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развѣтѣ, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспомнанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—

вліяніє Мицкевича, Жуковскаго, Пушкіна и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кievскія святини, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшіяся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ миромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачь Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Бояна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне трудно, почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончается малорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка) отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» на Варнака (282, 283), вліяніе «Египетскихъ ночей» (362) и «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова. Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цельность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльных мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были

замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльных мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще предварительно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непечатое поле), т. е. строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п. 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусскаго, великорусскаго и польскаго, съ одной стороны въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой — для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ сопоставленія мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, накопленныхъ Шевченкомъ, и его личныя точки зрѣнія. Последняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему сродству и отчасти комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, развернуть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта *о значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ относящихся сюда мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ—всѣмъ извѣстныя «Орыся, моя ниво», или «Не нарикаю я на Бога», «За думою дума» и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462а 479, 406, 407, 442, 426, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово муза,*

пѣсня, нива) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастіи, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится *о кобзарѣ, о пророкѣ* и *о думкахъ*, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолахъ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. «Неначе праведныхъ дитей», замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, складывается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наследственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямыя источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемая. Такъ, въ «Перебендѣ» Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и

пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополи у края дороги, про руйнованье Сичи, «веснянки», «у гаю» — любопытный репертуаръ пѣсень, должно быть, особенно любимыхъ поэтому и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня «Пугачъ» упоминается, какъ чумацкая, въ «Катерынѣ»; «Петрусь» и «Грыць» въ «Черныцѣ-Марьянѣ»; «Ой не шумы, луже» упоминается дважды,—въ «Перебендѣ» и «До Основьяненка». Въ «Гайдамакахъ» и въ «Невольникѣ» находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсень (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрзныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ «Гайдамакы» (стр. 120, 125). По всему «Кобзарю» разсыяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсень (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды, преданія, сказки и пословицы* сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. «У Бога за дверьми лежала сокира». Изъ преданій взять рассказъ о томъ, что «ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ» (302). Пословица «скачы враже, якъ панъ каже» (7) въ «Перебендѣ». Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ «Катерынѣ» (на 45 стр.). Много народныхъ пословиць и поговорокъ разбросано въ «Гайдамакахъ».

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ «братъ брата на вильцяхъ держе» (513), что «веселка воду позычае» (248). Таковы многіе свадебныя обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычные формы ласки (мытье головы стр. 188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (132), повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Многіе художественныя *образы* взяты изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косою въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступаетъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста «Кобзаря», гдѣ говорится о долѣ—и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 119,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ «Невольникѣ» (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склопеніе явора—горе парубка (181), веселье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символь отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестныя часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадать,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія. *Внѣшняя природа* обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяць* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на «море безкрае» (65) или «выступае съ сестрою зорею». Всѣ эти образы дышать художественно-миоцескимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ. *Туми*, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завпрюха обрисована въ «Катеринѣ» (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Конисскаго «Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка» въ 30 № «По морю и сушѣ» 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взяли
Зъ моеи темной коморы
И въ море нышкомъ однесли,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лига, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато—серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днипръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ «Кобзарѣ» Днѣпръ—символь и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. «Немае другого Днипра», говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеаль счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горами старый Днипро,
Неначе въ молюци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють,
Широкія села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели...

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаеть о козацкомъ горѣ (20); онъ реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточень цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ «старый» (354), потому что Днѣпръ «сивый козакъ» (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похоронень (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ приуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273, и др.). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гав, садовки, широкія стени (209, 246, 249 и др.¹).

Для кого я пышу, для чого,
 За що я Украину люблю,
 Чи вартъ вона огня святого?
 А все таки їн люблю
 Мою Украину широкую... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), липы (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229, и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др.), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. «На вичну память Котляревському» построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Интересно сравнить «Лилею» Шевченка (227—229) съ «Лилеей» Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что сти-

¹) См. еще *Партишко* «Провидни идеи въ пьесахъ Т. Шевченка».

хотвореніе Манжуры обработано вполне оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соответствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны — плачь Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запусѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы казацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе униатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринь, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семень Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы «варшавське смиття» (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется «святой» (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ*. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣ чумачество было убито желѣзными дорогами. Въ «Кобзарѣ» чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благоприятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними «батожками» (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсень, и мѣстами подъ прямымъ ихъ влияніемъ, что можетъ быть наглядно выяснено соответствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панциной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдають паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ «Пусткѣ» (233) и въ «Ну що, здавалося, слова». (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсень, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.).

На чужини не ти люде—

Тяжко зъ ными жыты...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникають весь «Кобзарь»

(см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Известно молитвенное обращение Ш. къ Богу:

Дай житы—серцемъ житы
И Тебе хвалыты,
И Твій свить нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и непарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человекъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кievскихъ святыхъ*, *о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта отъ *пессимизма* и *отчаянія*, лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивающихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горостнаго восклицанія, что «нема раю на цимъ свити, хйба що на неби» (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-правственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мстивы *о богатствѣ и бѣдности*, *о значеніи труда* (42: 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ пмущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люди на свити—
Срйбломъ—злотомъ сяють,
А доли не знаютъ,
Ни доли, ни воли!
Здається, панують,

Отсюда совѣты—«не женися на багатій, бо выжене съ хаты»; въ другомъ стихотвореніи: «Не завьдуй багатому: багатый не мае ни пріязни, ни любви—винь все те паймае...» Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробить,
То той не вмптыме й пожитъ (569).

Наука Шевченка благочестива и человекѣлюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупааетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—«и чужому научайтесь и своего не цурайтесь». Поэту, однако, совсѣмъ была

Принадлежитъ
Кіевской Городской Народ-
ной бесплатной читальнѣ
имени Н. В. Гоголя
и продана быть не можетъ.

чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки въ связи съ моралью и неудачное пронизываніе надъ людьми «письменными и друкованными», которые будто бы солнце «гудять» (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылись такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то залвзете на небо:
«И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема ни Бога, тилько я,
Та куций нимецъ узловатый,
Та бильшь никого...

Поэтъ хотѣлъ «своей мудрости»; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самообразованія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ «Кобзаря», мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ немало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда примыкаетъ стихотвореніе «славянамъ», изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г. Славянофильство было характерной чертой украинскаго народничества. Оно, какъ извѣстно, входило въ программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Наклонность къ славянофильству обусловлена была отчасти исторіей Украины, ея старыми культурными связями съ южными и западными славянами (подроб. см. въ моей ст. въ «Южн. Кр.» 1882 г. № 485).

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301). Что касается основнаго по опредѣленію отношеній къ полякамъ ст. III. «Ляхамъ», то тутъ, очевидно, вліяніе Богдана Залѣскаго и романтизма (см. Франко, въ Литер.-Наук. Вистн. 1904 VI).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263),

«Мени тринадцятыи мышавъ» и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдельныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212), Шафарикѣ (194), Марко-Вовчокѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ-трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья есть настоящая суть всего «Кобзаря», а такъ какъ основу семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка ¹⁾. П. И. Житецкій въ «Мысляхъ о малор. думахъ» (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г. Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполне примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно рисуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было, чтобы «пустыню опановалы веселія села» (464). Есть и «убоги села», и «село неначе погорило»— все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шевченка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большею частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета «бѣлая: «Хатки биленьки—мовъ диты въ бѣлыхъ сорочкахъ» (269, 293, 321, 354), «хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори» (465); въ хатѣ «живе надія» (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата «пусткою гніе» (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. «Хатына» (396). и «Вечиръ» (236) Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (291), хата—могила (486).

Молодость, молодая лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

¹⁾ О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Конисскаго въ 8 № «По морю и сушѣ» 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блідно, случайно и мимоходомъ (напр. па 389); *дівчина* входить во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дівованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкамъ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи «*II станомъ гнучкымъ*» написано подъ вліяніемъ извѣстной «Молитвы» Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленная (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ «Черниця Марьяна» и «Назаръ Стодоля» описаны *вечерницы*, на стр. 413 *своробъ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весиле*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ «Кобзаря» (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помню Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Конискаго въ «Русской Мысли» 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода — «*И золотъ, и дорогонъ*» (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическое значеніе.

Незаконнорожденные дѣти, или *байстрюки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячы,
 Про непогоду людямъ криче:
 Такъ я про слезы, та печаль.
 Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ,
 Хотъ и никому ихъ не жаль,
 Росказую та плачу.
 Мени ихъ жаль!....

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеніи *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—30, 39, 59 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живою дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ «Сотникѣ» (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевчека—*покрытка*. У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. О. Квитка. Въ народной поэзіи *покрытка* встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, породившихъ при крѣпостничествѣ *покрытокъ*, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго, но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О *покрыткахъ* говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы «Катерина» и «Видьма» трактуютъ о *покрыткѣ*. Наибольшая идеализація *покрытки* выразилась въ концѣ «Видьма». Въ другомъ видѣ идеализація *покрытки*, еще болѣе искусственная («ій шкода мужыка да жаль святого сиряка»), проведена въ «Маринѣ». Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли *покрытки*, мѣстами не безъ крупныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности «покрываніе» сходило для дѣвщъ легче, при значительной спиходительности общественнаго мнѣнія. О *покрыткахъ*, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882 III. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймычки*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубки молодьи!
 Для кого въ свити живете?
 Вы въ наймахъ выросли чужии,
 У наймахъ косы побиліють,
 У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено *наймычкѣ* и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много тепла, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ «Наймычки», то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ

малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. «По надъ полемъ иде» и въ «Невольникѣ» въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи со многими старинными произведеніями поэзіи и искусства, какъ южно-русскими, такъ и западно-европейскими. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно украинское (стр. 295, 425).

По гори
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежать соби у холодочку,
Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубови посыхлялись,
Слова дощемъ позалывались....
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае!...
Нехай святыми спочивають
Мои стари..

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное «*cum sanctis*» или даже одно «*sanctis*», въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

„Сонце заходыць“ Т. Г. Шевченка

(въ бытовой и литературной обстановкѣ)

1847 годъ—роковой въ жизни Шевченка. Въ этомъ году онъ былъ сосланъ въ пустынный и глухой Оренбургскій край рядовымъ, съ запрещеніемъ писать и рисовать. Любимая кисть стала сразу недоступной; но слово, летучее, свободное слово не могло быть совсѣмъ связано, и вотъ однимъ изъ первыхъ стихотвореній Шевченка въ ссылкѣ, въ томъ же 1847 г., въ новой суровой обстановкѣ было «Сонце заходыць»:

Сонце заходыць; горы чорніють;
 Пташечка тыхне; поле німіе;
 Радіють люде, що одпочнуть!
 А я дивлюся и сердцемъ лыну
 Въ темный садочекъ на Украину;
 Лыну, я лыну, думу гадаю,
 И нібы серце одпочивае.
 Чорніе поле, и гай, и горы,
 На сыне небо выходыць зоря.
 Ой зоре, зоре!—и слезы кануть—
 Чи ты зійшла вже и на Украйни?
 Чи очи карі тебе шукають
 На неби сынимъ, чи забувають
 Коли забулы—бодай заснулы,
 Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Орская крѣпость, куда впервые попалъ Шевченко, представляла грустное и пустынное захолустье. «Рѣдко, говоритъ Шевченко, можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско... Мѣстоположеніе грустное, однообразное, тощія рѣчки Ураль и Оръ, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь». «Всѣ преж-

нія страданія мѣи, писалъ Шевченко кн. Репниной въ октябрѣ 1847 г., въ сравненіи съ настоящимъ были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! ¹⁾» Биографъ поэта Конисскій, по даннымъ въ посланіи Шевченка къ Козачковскому, говоритъ: «Поэтъ иногда какъ будто оживаетъ, всходитъ на гору, начинаетъ сравнивать природу родного края съ тою, которая окружаетъ его: и тамъ, и здѣсь степи; но какая разница! Такъ (на Украйнѣ) степи зеленныя, голубыя, мережаныя, усѣяныя высокими курганами: здѣсь степь краснорыжая, здѣсь пески, сорныя травы, хоть бы одинъ курганъ, который говорилъ бы о прошломъ» ²⁾...

Обстановка стихотворенія глубоко реальная. Постороннихъ литературныхъ вліяній тутъ нельзя допустить, хотя, какъ далѣе будетъ указано, въ литературѣ существуетъ много произведеній, весьма сходныхъ по мысли и по строенію. Эти сходныя произведенія интересны для опредѣленія цѣнности отдѣльныхъ художественныхъ образовъ и способа сочетанія ихъ подъ различными индивидуальными и національными вліяніями.

Изображеніе сумерокъ въ поэзіи разнообразно. Въ частности въ народной поэзіи существуютъ различныя обрисовки вечернихъ сумерокъ. Чаще всего такія обрисовки встрѣчаются въ обжинковыхъ пѣсняхъ, изрѣдка въ свадебныхъ и еще рѣже въ любовныхъ. Народно-поэтическіе образы, при всей ихъ краткости, отличаются высокою художественностью и тонкимъ чувствомъ природы, напр.:

Уже сонце котяться—

Намъ до дому хочется...

Разгорыся вечерняя зоря передъ раннею стоя.

Ужъ сонце надъ дубами...

Ой вже сонечко надъ рикою ³⁾.

Сонейко низко, вечерейко близко ⁴⁾.

Простота и естественная послѣдовательность въ изображеніи вечера у Шевченка выдѣляются отчетливо, если сравнить стихи Шевченка съ стихотвореніемъ Тютчева «Сумерки», въ своемъ родѣ также прекраснымъ. Здѣсь, наоборотъ, выдвинута вечерняя неопредѣленность въ звукахъ и свѣтовыхъ тонахъ:

Тѣни сизыя смѣсились,

Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;

Жизнь, движенье разрѣшились

¹⁾ *Кіевск. Стар.* 1893, II, 262.

²⁾ *Конисскій, Жизнь Шевченка*, 181.

³⁾ *Чубинскій, Труды этн. стат. экспед.* III, 230, 236, 245.

⁴⁾ *Головацкій, Пѣсни галиц. и угор. Руси* IV, 205.

Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гуль...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ nocturnъ...

Гораздо ближе къ Шевченку стоятъ первыя строки стихотворенія Тютчева:

День вечерѣсть, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь...

У Шевченка картина расширяется постепенно и послѣдовательно въ нѣжныхъ ласкающихъ тонахъ. Въ началѣ главное впечатлѣніе: «Солнце заходить»... Лучезарное свѣтло спускается къ горизонту: на землѣ ложатся ночныя тѣни, и подъ ихъ покровомъ—«горы чорніють»—реальная ви́шняя обстановка наступленія сумерокъ у подножія обнаженныхъ холмовъ Орской крѣпости.

«Пташечка тихне»—обычное явленіе въ мірѣ птицъ при наступленіи сумерокъ. Малочисленныя степныя птички рано затихали, и пѣсни ихъ, должно быть, не были звонкими для украинскаго поэта, тѣмъ болѣе, что Шевченко сначала было заподозрилъ полное отсутствіе голосистаго птичьяго міра въ печальныхъ мѣстахъ Орска. «Страшная пустыня, окружающая крѣпость, показалась ему раскрытою могилой, готовой похоронить его заживо... Подѣвжая къ крѣпости, онъ думалъ: поють-ли здѣсь птицы? И готовъ былъ Богъ знаетъ что прозакладывать, что не поють»¹⁾. Но Орская природа оказалась добрѣе...

«Поле ниміе...

Радіють люде, що одпочинуть»...

Реальная обстановка для послѣдняго стиха могла быть такая, какая дана Шевченкомъ въ письмѣ къ кн. Репниной отъ 24 октября 1847 г. Поэтъ вышелъ за крѣпостной валъ и увидѣлъ, что по степи шель бухарскій караванъ на верблюдахъ. «Поле ниміе»—характерная обрисовка вечерней тишины. Въ малорусскихъ жатвенныхъ пѣсняхъ встрѣчается сходный поэтический образъ:

Ой чіе жъ то поле задримало, стоя? въ значеніи спѣлой колосистой ржи, склонившей къ землѣ колосья въ ожиданіи серпа.

У Шевченка встрѣчаются болѣе подробныя и болѣе эффектныя описанія вечера. Тамъ же, за Каспемъ, немного позднѣе—въ 1849 г.—Шевченко далъ слѣдующее яркое и оригинальное описаніе лѣтняго вечера:

За сонцемъ хмаронька плыве,

Червони полы ростылае,

И сонце спатоньки зове

¹⁾ Кошискій, 272.

У спне море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годиночку,
Малую годину
Нибы сердце одпочыне.
Зъ Богомъ заговорить...

Этотъ стихъ восполняетъ тѣ картины природы, при видѣ которыхъ отдыхало истомленное сердце поэта.

Въ такіе моменты мысль поэта уносила въ Малороссію, на берега Днѣпра, или въ темные украинскіе садочки

...серцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украинну.

Малорусскіе сады часто упоминаются у Шевченка, при чемъ «темные садочки» наряду съ Днѣпромъ составляютъ наиболѣе характерные признаки Украины. Пушкинъ также считалъ сады характерной особенностью Малороссіи. Въ письмѣ въ Малороссію къ младшей сестрѣ А. П. Кернъ онъ приписалъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

И въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются сады, большей частью, какъ мѣсто свиданія или мѣсто пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній.

Въ народной символикѣ, развивающійся садъ означаетъ любовь, цвѣтущій — бракъ.

Не вси то ти сады цвѣтуть,
Що на весни розвиваються,
Не вси то ти вицчаються,
Що вирне кохаються ¹⁾).

Мягкій вечеръ внесъ въ утомленную душу поэта успокоеніе, что выражено въ стихѣ:

Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы сердце одпочивае...

Природа успокоила сердце поэта; мысль понесла его на далекую прекрасную родину; его согрѣли «думы» или, что то же, поэзія. Поэзія даетъ великія утѣшенія своимъ питомцамъ. Объ этомъ говорятъ и мел-

¹⁾ Чубинскій, V, 96.

кіе, и крупныя поэты. Кюхельбекеръ, поэтъ декабристъ, послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія и ссылки въ Сибирь, въ «Дневникѣ» своемъ отмѣтилъ: «имя мое забудется; всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны. Несмотря на то, я никогда не буду жалѣть о томъ, что былъ поэтомъ. Утѣшенія поэзии были очень велики». Баратынскій въ стих. «Риѣма» говоритъ:

Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта
Своею ласкою поэта,
Ты, риѣма, радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему съ родного берега
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миршишь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

И Пушкинъ съ личной точки зрѣнія дорожилъ поэзіей, потому что ея «звучный лепетъ» умиралъ его сердечный трепетъ и усыплялъ печаль.

Шевченко въ другомъ стихотвореніи—«И вновь мени не привезла ничого почта зъ Украины»—оцѣниваетъ поэзію въ духѣ Баратынскаго и Пушкина:

Люде скажуть, люде зраждать,
А вона мене порадыть,
И порадыть, и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

Главная часть въ стихотвореніи Шевченка—воспоминаніе объ Украинѣ и о дорогой женщинѣ съ карыми очами, воспоминаніе, навѣянное вечерней звѣздой. Эти мотивы встрѣчаются у многихъ поэтовъ, причемъ у однихъ поэтовъ звѣзда напоминаетъ о далекой родинѣ, у другихъ—о милой, и лишь у немногихъ оба мотива находятся во взаимномъ сліяніи въ одномъ стихотвореніи, у Шевченка съ пѣкаторымъ перевѣсомъ мотива о карыхъ очахъ.

Замѣчательную литературную параллель къ стихотворенію Шевченка представляетъ элегія Пушкина 1820 года:

Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины;
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;

Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтло
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило.
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ.
И сладостно шумять таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую дѣнь,
Когда на хижины сходила почи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Принимая во вниманіе, что Шевченко любилъ поэзію Пушкина, можно на первый взглядъ принять его «Сонце заходить» за простое подражаніе Пушкину, но такому предположенію противорѣчить глубокая искренность стихотворенія Шевченка и его очевидная обоснованность личными обстоятельствами. Сходство между Шевченкомъ и Пушкинымъ въ данномъ случаѣ обусловлено сходными условіями ихъ поэтического творчества при созданіи этихъ элегій. Пушкинъ въ с. Каменкѣ, кievской губерніи, вспомнилъ о своемъ пріятномъ пребываніи на южномъ берегу Крыма въ семействѣ ласковаго и просвѣщеннаго генерала Раевского, всѣ дочери котораго были, по словамъ Пушкина, прелестны; къ одной изъ нихъ поэтъ питалъ глубокое чувство любви. Шевченко въ Орской крѣпости вспоминаетъ о своей далекой прекрасной родинѣ и о милой дѣвушкѣ, быть можетъ, о княжнѣ Репниной, съ которой онъ въ 1847 г. состоялъ въ дружественной перепискѣ. Краски и образы у Пушкина ярче и сильнѣе, насколько ярче крымскіе мирты и кипарисы сравнительно съ украинскими садочками. Стихотвореніе Шевченка подкупаетъ въ свою пользу глубокой задушевностью. Видно бѣдное, изстрадавшееся сердце. У Пушкина вмѣсто горестнаго чувства просвѣчиваетъ граціозная меланхолія.

Талантливый англійскій поэтъ Вордсвортъ (1770—1850) въ молодости путешествовалъ по Франціи; при вечерней звѣздѣ онъ также вспоминалъ о своей родинѣ и, при сходныхъ вышнихъ условіяхъ, создалъ стихотвореніе, похожее на отмѣченные выше стихи Пушкина и Шевченка.

Сравненіе всѣхъ трехъ стихотвореній—англійскаго, русскаго и малорусскаго—открываетъ замѣчательную психологическую перспективу. Англійскій поэтъ, человекъ свободный, мечтаетъ о родинѣ при видѣ вечерней звѣзды, связываетъ ихъ вмѣстѣ и на обѣихъ призываетъ благословеніе. Второго мотива—о милой—у Вордсворта нѣтъ. Вся мысль

его сосредоточена на его родной странѣ. «Прекрасная вечерняя звѣзда, украшеніе запада, звѣзда моей страны! Ты висишь на горизонтѣ, ты точно спускаешься на грудь Англии... Ты—эмблема моей страны» и проч.— впечатлѣнія живыя и реальныя. Такъ и чувствуется, что поэтъ стоитъ вечеромъ на берегу французскаго Ламанша, съ глазами, устремленными на далекую блестящую звѣзду, мягкій свѣтъ которой одновременно льется на родномъ поэтѣ англійскомъ берегу. Въ стихотвореніи много задушевной мягкости и искренняго патріотизма.

Въ граціозномъ стихотвореніи Пушкина звучитъ потка опальнаго поэта, который располагалъ ограниченной свободой передвиженія лишь благодаря добродушію своего ближайшаго начальника генерала Инзова. Ему пріятно вспомнить дорогіе призраки минувшихъ дней, помечтать о мирной странѣ нѣжныхъ мртвовъ и темныхъ киварисовъ, о сладостномъ шумѣ таврическихъ волнъ.

Наконецъ, у несчастнаго украинскаго поэта, заброшеннаго въ глубину оренбургскихъ степей, лишенаго права не только писать, но даже рисовать, стихотвореніе естественно заканчивается грустной жалобой на «доленьку». Оттого у одного Шевченка проскальзываетъ признаніе о слезахъ.

Ой, зоре, зоре, и слезы кануть...

Подробность чисто автобіографическая. Шевченко плакалъ, вспоминая при вечерней звѣздѣ о своей далекой родинѣ.

У Шевченка заключительный мотивъ «кари очи», у Пушкина— «дѣва юная», у обоихъ поэтовъ на почвѣ ихъ личныхъ знакомствъ и симпатій.

При всемъ томъ, весь мотивъ покоится на широкомъ основаніи, на тайномъ влеченіи души человеческой къ звѣздамъ, въ созваніи какого-то космическаго съ ними родства. Современный поэтъ г. Федоровъ въ 8 кн. «Вѣств. Европы» 1898 г. въ стихотвореніи «Звѣзда» говоритъ:

Среди несмѣтныхъ звѣздъ...

Одна звѣзда влечетъ невольнo грустный взглядъ.

У каждаго звѣзда своя есть, говорятъ.

Быть можетъ, въ эту ночь прозрачно-голубую

Моя душа нашла звѣзду свою родную...

Гораздо ближе къ концепціи Шевченка и Пушкина стоитъ современный нѣмецкій писатель Зудерманъ въ прозаическомъ разсказѣ «Звѣзды, къ которымъ не стремятся» на гетевское выраженіе «Die Sterne, die man nicht begehrt». «Здѣсь внизу сидитъ бѣдный, грѣшный сынъ земли. Онъ смотритъ на васъ, высокія звѣзды. Пусть одна изъ васъ—только одна—

обратить ко мнѣ свое сіяющее лицо и пусть она упадетъ въ мои объятія. Ты мнѣ такъ нужна, прекрасная незнакомая звѣзда. Въ твоёмъ пламенномъ дыханіи я хочу согрѣть мое одинокое сердце; въ твоихъ лучистыхъ глазахъ («карі очи» Шевченка) я хочу прочесть отвѣтъ на вопросъ, любишь ли ты меня». «Другъ мой, такъ заканчиваетъ Зудерманъ свой рассказъ: къ звѣздамъ питають стремленіе, это правда; но стремятся къ нимъ, какъ къ женщинамъ».

Въ народной словесности распространенъ мотивъ о вечерней звѣздѣ и любви. Такъ, въ великорусской свадебной пѣснѣ:

Ты, зоря моя, зоренька,
Ты вечернее солнышко,
Высоко ты восходило,
Далеко свѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тутъ лежала досточка дубовая,
Перекладина сосновая,
Никто по тѣмъ доскамъ не хаживаль,
Никого за собой не важиваль.
Перешель (имя жениха).
Перевель (имя невесты) ¹⁾...

Въ малорусской народной поэзіи звѣзда обычный символъ дѣвicy, напр., въ прекрасной пѣснѣ:

Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя,
Ой выйды, выйды, дивчино моя впрная...
А зиронька зійшла—усе поле освітыла,
А дивчина вышла—козаченька звеселыла ²⁾.

Въ иноплеменныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сходные мотивы, напр., въ одной чувашской хоровой пѣснѣ:

Въ самой вышнѣ семь звѣздъ (Большая Медвѣдица).
Это приноситъ красу міру,
Въ этой игрѣ семьдесятъ дѣвүшекъ
Это приноситъ красу игрѣ ³⁾.

Особенно въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее обращеніе къ вечерней звѣздѣ въ пѣснѣ испанскихъ арабовъ X—XV в. (въ перев. г. Вейнберга):

¹⁾ Воронежск. Юбилейн. Сборникъ, 87.

²⁾ Чубинскій, V, 134.

³⁾ Этногр. Обзор. XIII, 59.

Въ небесахъ я взорами блуждаю
И лицу, лишенный всѣхъ отрадъ,
Не найду ль ту звѣздочку, къ которой
Въ этотъ мигъ и твой прикованъ взглядъ.

Мотивъ, очевидно, Шевченка о карыхъ очахъ. Сравнивая стихотворенія Шевченка и Пушкина о вечерней звѣздѣ съ соответствующими народными пѣснями, мы видимъ, что мысль народныхъ поэтовъ идетъ параллельно съ мыслью поэтовъ интеллигенціи, и въ области собственно словеснаго художественнаго творчества поднимается на большую высоту. Вся разница въ сравнительно большемъ кругу наблюдательности интеллигентнаго поэта и въ большемъ запасѣ словъ. Потому у Пушкина «сладошно шумяція таврическія волны», а у народнаго пѣвца лишь «сине море», у Пушкина кипарисы и мирты, а у Шевченка лишь темные украинскіе садочки.

«Сонце заходить» стоитъ въ тѣсной связи съ другими стихотвореніями Шевченка 1847 и 1848 годовъ, первыми годами его ссылки. Наиболее оригинально въ этомъ стихотвореніи обращеніе къ вечерней звѣздѣ. Всѣ другіе мотивы повторяются въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ; особенно часто повторяются мотивы о горькой долѣ, о слезахъ и о далекой прекрасной родинѣ, воспоминаніе о которой было единственнымъ утѣшеніемъ «геніальнаго горемыки».

Рисунки и картины Т. Г. Шевченка.

«Когда среди ночи неожиданно прорѣжетъ синюю тьму неизвѣстно съ какихъ высотъ сорвавшійся метеоръ и, сверкнувъ мгновенно блескомъ, навсегда исчезнетъ въ хаосъ невозвратнаго прошедшаго, невольная грусть закрадывается въ сердце, и въ головѣ зарождаются величавыя, строгія думы. И жаль этого осколка неизвѣстнаго погибшаго міра, жаль этого безслѣдно исчезнувшаго свѣта...

Человѣкъ также загорается божественнымъ пламенемъ, также сіяетъ мгновеннымъ свѣтомъ и также тухнетъ, исчезаетъ въ непроглядной ночи вѣковъ...

И бѣдное человѣчество борется изъ всѣхъ силъ противъ вѣчно стоящаго предъ нимъ грознаго призрака смерти... Нагромождаются камни на камни, воздвигаются переживающіе тысячелѣтія пирамиды и обелиски съ пышными надписями, создаются великія произведенія искусства, чтобы хоть на время отдалить ужасъ безслѣднаго исчезновенія... Каждая минута, отпята отъ вѣчнаго забвенія, есть уже побѣда надъ страшнымъ безобразнымъ призракомъ...

Воскрешая въ памяти потомковъ факты и дѣянія людей, послужившихъ на пользу или радость человѣчеству или хотя бы своему народу, мы продолжаемъ ихъ духовную жизнь и тѣмъ хоть отчасти отплачиваемъ имъ за то, что они сдѣлали для насъ»...

Эти прочувствованныя строки взяты изъ статьи г. Кузьмина о Шевченкѣ, какъ художникѣ, въ «Иск. и худож. промышл.» 1900 г. и теперь умѣстно повторить ихъ при оцѣнкѣ Шевченка, какъ художника, повторить на томъ основаніи, что, по справедливому замѣчанію г. Кузьмина, «рисунки и офорты Шевченка являются одной и далеко не маловажной стороной его жизни».

Изученіе Шевченка, какъ живописца, представляется труднымъ дѣломъ, по разбросанности и малой доступности его произведеній, лишь

случайно попадавшихъ на выставки и въ очень маломъ числѣ. Большая часть рисунковъ Шевченка хранится въ далекомъ и глухомъ Черниговѣ въ музеѣ Тарновскаго. Издано очень немногое и въ отрывочной формѣ. Изслѣдованій и описаній мало (Шугурова, Русова, Горленка, Кузьмина, Гринченка); изслѣдованія кратки, касаются частныхъ вопросовъ, и недавно еще, въ декабрѣ 1900 года, г. Кузьминъ не безосновательно жаловался, что о Шевченкѣ, какъ художникѣ, «почти ничего не говорилось».

Мнѣнія о Шевченкѣ, какъ рисовальщикѣ, значительно расходятся. Такъ, г. Кузьминъ говоритъ, что «Шевченку по справедливости можетъ быть приписана слава едва ли не перваго русскаго офортиста въ современномъ значеніи этого слова». Еще ранѣе Сошенко усматривалъ въ Шевченкѣ живописца не послѣдней пробы. Иначе смотритъ г. Русовъ (въ Кіев. Стар. 1894 г.). По его мнѣнію, Шевченко въ живописи былъ лишь «фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало, и въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ее не въ состояніи, до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ». И Кузьминъ, и Русовъ призываютъ въ живописи Шевченка несоотвѣтствіе ея поэтическимъ его сюжетамъ, но въ то время, какъ г. Русовъ усматриваетъ въ этомъ недостатокъ, г. Кузьминъ, напротивъ, видитъ достоинство.

Каково же значеніе Шевченка, какъ живописца и гравера? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, нужно оцѣнивать его произведенія въ совокупности и съ разныхъ историческихъ точекъ зрѣнія, не подговяя ихъ подъ то или другое излюбленное требованіе.

Къ художнику, разумѣется, прежде всего нужно примѣнить художественную мѣрку. Шевченко въ этомъ отношеніи заслуживаетъ изученія, какъ извѣстная сила, отразившая на себѣ настроеніе эпохи, какъ ученикъ опредѣленныхъ художественныхъ теченій. Кто пожелаетъ ознакомиться обстоятельно со школой Брюллова и выяснитъ его вліяніе, нѣкоторую долю отвѣта найдетъ въ рисункахъ и картинахъ Шевченка. Кто пожелаетъ изучить вліяніе въ Россіи Рембрандта, также не можетъ обойти Шевченка.

Внутреннее достоинство художественнаго произведенія состоитъ въ отчетливомъ выраженіи настроенія художника подъ вліяніемъ внѣшней природы, народнаго быта или историческихъ традицій, и художественное настроеніе чувствуется во многихъ рисункахъ Шевченка. Несомнѣнно, что онъ къ искусству относился съ глубокой искренностью, и благодар-

ное искусство платило ему за то откровеніемъ своихъ тайнъ и доставляло ему утѣшеніе въ горькія минуты его жизни. Потому Шевченко особенно настойчиво хлопоталъ о разрѣшеніи ему рисовать; онъ стучался съ такой просьбой и къ Жуковскому, и къ Гоголю, умоляя ихъ о ходатайствѣхъ передъ властями.

Рисунки Шевченка имѣють не малое значеніе для его біографіи. Есть рисунки, взятые прямо изъ окружавшей поэта бытовой обстановки, съ хронологическими датами. Распредѣленные по годамъ (что сдѣлано уже отчасти г. Гринчепкомъ въ 2. т. Каталога музея Тарановскаго), рисунки въ совокупности обрисовываютъ художественные вкусы и стремленія Шевченка, и составляютъ важную параллель къ его стихотвореніямъ.

Кстати, по поводу отношенія Шевченка-художника къ Шевченку-поэту; въ печати есть упрекъ по адресу перваго. «При перелистываніи рисунковъ, говоритъ г. Русовъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева, то въ Казань, то на Араль, то въ академію художествъ, изображающихъ то Диѣбрь съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ послалъ, по собственному своему признанію, «неначе цвяшокъ въ сердце вбитый», которыхъ онъ считалъ своими «сынами», своими кровными «дѣтьми», своими «слезами»? Гдѣ же то море, по которому плавать Пидкова и казаки, гдѣ лѣса съ ихъ гайдаками, гдѣ степы, шляхи, могилы, тополи, тѣ Катерины, Наймички, Титаривны, сотники, гетманы, конфедераты, утопленны, черныцы, которыхъ Шевченко такъ образно умѣлъ «вымережаты»?.. Поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ».

Здѣсь прежде всего нужно сдѣлать поправку: у Шевченка есть, хотя и въ небольшомъ числѣ, картины и рисунки, иллюстрирующіе его поэтическія произведенія. Таковы картина «Катерина» въ музеѣ Тарановскаго, рисунки русалокъ, хатъ и нѣкоторые др., но не въ этомъ суть дѣла. Поэтъ и художникъ могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ и часто совмѣщаются (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій, А. Майковъ), но врядъ ли можетъ совмѣщаться въ лицѣ поэта и иллюстраторъ собственныхъ его произведеній. Для такого совмѣщенія нѣтъ достаточнаго психологическаго основанія. Чуткая душа художника или поэта пользуется словомъ и карандашомъ, какъ двумя разными орудіями, для достиженія разныхъ

цѣлей и въ два молота восполняетъ свою жизнь. Воспроизведеііе въ краскахъ впечатлѣнія, пережитаго ранѣе въ словѣ, или обратно, не можетъ интересовать ни художника, ни поэта, потому что такое копированіе или подражаніе представляется по существу лишнимъ. Г. Русовъ, напримѣръ, на частномъ примѣрѣ допытывается, «отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ или даже не имѣлъ побужденія взяться за изображеніе на бумагѣ такой идиллической картины, какая дана въ его «Вечирь», или подобной». Вѣроятно, въ запасахъ слова у него оказалось болѣе средствъ. Пейзажъ вечера туго поддается граверу, а Шевченко былъ болѣе граверъ, чѣмъ живописецъ, къ краскамъ прибѣгалъ рѣдко, и его работы этого рода большими достоинствами не отличаются.

Кромѣ автобіографическаго значенія, рисунки Шевченка имѣютъ значеніе историческое. Одно время поэтъ, по порученію кіевской археографической комиссіи, срисовывалъ малорусскіе памятники старины въ Переяславѣ, Субботовѣ, Густыни, Почаевѣ, Вербкахъ, Полтавѣ. Тутъ находятся рисунки домика Котляревскаго, развалины Густынскаго монастыря до исправленія, мѣста погребенія Курбскаго и др.

Въ настоящее время историческую цѣнность имѣютъ многіе жанровые рисунки—таковъ, напримѣръ, рисунокъ «Въ былое время» изъ собранія С. С. Боткина въ Петербургѣ. На рисунокѣ изображено наказаніе шпицрутенами, печальная въ памяти «зеленая улица». Приговоренный къ наказанію сбросилъ сорочку; у ногъ его валяются снятые тяжелые желѣзные кандалы. Передъ нимъ тянется длинный рядъ его невольныхъ палачей. Вблизи ведро, должно быть, съ водой. Вдали на горѣ очертаніе крѣпости. Это—правдивая страница изъ исторіи русскаго быта. Вспоминая, однажды, солдатчину, въ концѣ своей жизни, Шевченко досталъ изъ альбома этотъ рисунокъ и далъ ему такое поясненіе своему ученику Суханову, что послѣдній тронуть былъ до слезъ, и Шевченко успѣшилъ утѣшить его, сказавши, что этому звѣрскому истязанію наступилъ конецъ. Нынѣ историческое значеніе имѣетъ, также, въ свое время лишь бытовой рисунокъ «Товарищи», изображающій тюремную камеру съ двумя скованными арестантами впереди, причемъ желѣзная цѣпь идетъ отъ руки одного арестанта къ ногѣ другого—превосходящая иллюстрація къ статьѣ А. Θ. Кони о докторѣ Гаазѣ. Характерно обрисована вся тюремная обстановка.

Есть еще одна сторона въ рисункахъ Шевченка, на которую не обращено вниманія, сторона, однако, весьма любопытная—этнографическая. Если разобрать многочисленные рисунки Шевченка съ фольклорными цѣлями, то въ итогѣ получится цѣнная этнографическая коллекція.

Такъ, для ознакомленія съ постройками могутъ пригодиться рисунки: старинное зданіе въ украинскомъ селѣ, комора въ Потоцкѣ, батьковская хата; для ознакомленія съ костюмами рисунки— ярмарка, дѣвушка, разсматривающая рушникъ, женщина въ намиткѣ выходитъ изъ хаты, «коло каша» (четыре крестьянина ѣдятъ подъ вербой кашу изъ казанка), «знахарь» въ костюмѣ, характерномъ для крестьянъ кіевской губ., «старосты» въ интересный моментъ подачи невѣстой рушниковъ и мн. др. Для малорусскаго жанра стараго времени интересны рисунки чумаковъ въ дорогѣ среди кургановъ, бандуриста, дѣда у царшны, пасѣчника— «батько на пасици вулыки довбае, а диточки несуть ему обидать»,—волостного суда—«судня рада» съ подписью: «отаманъ собира на село громаду, колы що трапытця незвычайне, на раду и судъ. Громада, порадывши и посудывши добре, расходится, пьючи по чарци позвовай» и др. Въ этихъ рисункахъ Шевченко является достойнымъ современникомъ Федотова.

Ограниченное мѣстное значеніе имѣютъ многочисленные рисунки среднеазиатской природы, той пустынной, степной обстановки, среди которой Шевченко вынужденъ былъ влечить свою жизнь. Бѣдная природа, песчаные бурханы, скалистые берега рѣкъ, рѣдкіе кустарники, группы солдатъ и татаръ съ верблюдами, магометанскія кладбища, рисунки этого рода, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ и большей частью прекрасно исполненные, могутъ послужить хорошей иллюстраціей къ нѣкоторымъ горестнымъ стихотвореніямъ Шевченка изъ первыхъ тягостныхъ лѣтъ его ссылки.

Тутъ не мѣсто входить въ описаніе и оцѣнку отдѣльныхъ рисунковъ и картинъ Шевченка. Достаточно здѣсь подробно остановиться лишь на двухъ картинахъ Шевченка, написанныхъ масляными красками находящихся нынѣ въ Харьковѣ. Заслуживаетъ уже вниманія, что картины эти написаны масляными красками, а Шевченко лишь изрѣдка прибѣгалъ къ дисти. Судя по обстоятельному каталогу г. Гринченка, въ богатомъ собраніи Тарновскаго въ Черниговѣ (свыше 300 №№) находится всего лишь четыре картины масляными красками—«Катерина», «Голова молодого челоуѣка», «Портретъ кн. Репниной» и «Кочубей». Г. Горленко въ «Кіев. Стар.» 1888 г. указываетъ еще на три картины Шевченка масляными красками—пасѣчникъ, портретъ Маевской и собственный портретъ.

Уже по малочисленности картинъ Шевченка масляными красками двѣ харьковскихъ его картины представляются интересными, а если принять во вниманіе, что картины эти бросаютъ свѣтъ и на пройденную Шевченко художественную школу, указываютъ на главныхъ его учителей

и вдохновителей, Рембрандта и Брюллова, то за ними нужно признать и некоторое историческое значеніе, быть можетъ, не совсѣмъ малое въ глазахъ любителей исторіи распространенія въ Россіи художественнаго образованія.

Въ Харьковѣ есть частный музей, небольшой по числу картинъ, но составленный съ большимъ художественнымъ вкусомъ, съ крупными затратами—имѣемъ въ виду художественную коллекцію Б. Г. Филонова. Есть въ этой коллекціи такіе шедевры, какъ «Узникъ» В. Е. Маковского, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника; «Пушкинъ, читающій нянѣ свои сказки» Ге—картина, нѣкогда украшавшая кабинетъ Некрасова; «Крестьяне за столомъ» Мясоедова—одно изъ лучшихъ его произведеній въ излюбленномъ имъ родѣ жанра; большая картина Айвазовскаго, замѣчательная тѣмъ, что на ней нѣтъ моря; картина изображаетъ малорусскій пейзажъ—закатъ солнца въ степи; далѣе замѣчательны «Бобыль» Прянишникова, «Лѣсная тропа» Шишкина, «Березы» Волкова—небольшая, но прелестная картинка, «Степь» Васильковскаго, «Лѣсъ» бар. Кюдта, портретъ неизвѣстнаго (Алфераки?), по предположенію кисти Брюллова, и др.

На видномъ мѣстѣ виситъ большая картина Шевченка «Спаситель», вышиной аршина два и шириной полтора, въ большой золоченой рамѣ, въ верхней своей части закрывшей надпись І. Н. Ц. І.—обычную въ запрестольныхъ образахъ. По преданію картина эта была нарисована Шевченкомъ, по заказу крестьянъ, въ одну сельскую церковь, какъ запрестольный образъ; но затѣмъ сельское общество прислало другихъ своихъ представителей, которые вызвали чѣмъ-то неудовольствіе художника, и картина была имъ подарена петербургской школѣ рисованія и живописи. Долгое время она здѣсь служила для учениковъ источникомъ копированія, была выставлена на Морской для продажи по оцѣнкѣ въ 1700 руб. и куплена Б. Г. Филоновымъ съ уступкой за 1350 руб. Работа чистая; краски свѣжія, отлично сохранившіяся; но стиль чисто академическій. Христосъ изображенъ по поясъ въ профиль со взоромъ, обращеннымъ на небеса. Ликъ, какъ и должно быть въ запрестольномъ образѣ, исполненъ величаваго достоинства и носить печать сердечной доброты. Въ картинѣ замѣтно вліяніе Брюллова, и самый ликъ Христа напоминаетъ отчасти ликъ Спасителя въ картинахъ и эскизахъ Брюллова, изображающихъ «Положеніе Христа во гробъ». Если вѣрно предположеніе о принадлежности этой картины Шевченку, а сомнѣваться въ томъ нѣтъ достаточнаго основанія, то «Христосъ» Шевченка представляется одной изъ лучшихъ картинъ школы Брюллова.

Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета находится небольшая картина Шевченка, написанная на холстѣ масляными красками съ надписью бѣлой краской: «Та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Высота картины 6¹/₄ вершк., ширина 5¹/₂ вершк. Картина эта поступила въ университетъ въ даръ въ 1879 г. отъ проф. Н. Д. Борисяка. На картинѣ находится поясное изображеніе пожилого малоросса, съ небольшими усами, безъ бороды и безъ бакенбардъ. Улыбка на лицѣ не отвѣчаетъ надписи. Бурлакъ лѣвой рукой подпираетъ щеку, а въ правой держитъ маленькую трубочку-люльку. Фонъ картины почти совсѣмъ черный. Коричневый пиджакъ освѣщенъ слабо; ярко освѣщено лишь лицо, руки и трубочка. Вблизи изъ чернаго фона у стола выдѣляется неясно какой-то предметъ за деревянной перегородочкой; тоны и композиція рембрандтовскіе; вообще вся эта небольшая картинка, хотя и не отличается высокимъ художественнымъ достоинствомъ, замѣчательна, какъ лучшій образецъ рембрандтовскаго вліянія на Шевченко ¹⁾.

Если ужъ говорить объ учителяхъ Шевченка, какъ офортиста, то истиннымъ руководителемъ Шевченка былъ не столько проф. Юрданъ, который былъ граверомъ иглою или рѣзцомъ, а не офортистомъ, сколько Рембрандтъ, какъ геніальный образецъ. Съ Рембрандтомъ Шевченка связывало какъ сходство вкусовъ, такъ и склонность къ свѣтотѣни. Шевченко рано полюбилъ и сталъ изучать Рембрандта. По словамъ В. В. Тарновскаго, Шевченка въ академіи называли русскимъ Рембрандтомъ, по существовавшему тогда обыкновенію давать наиболѣе даровитымъ ученикамъ названія излюбленныхъ художниковъ-образцовъ, съ манерой которыхъ работы этихъ учениковъ имѣли наиболѣе сходства. Въ офортахъ Шевченка обнаруживаются характерныя черты работъ великаго голландца: тѣ же неправильныя, пересѣкающіеся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ штрихи, длинныя, частыя для фоновъ и затемненныхъ мѣстъ, мелкіе, почти обрывающіеся въ точки въ мѣстахъ свѣтлыхъ, причемъ каждая точка, каждый мельчайшій завитокъ, являются органически необходимыми, то какъ характерная деталь изображаемаго предмета, то для усиленія чисто свѣтового эффекта. Для изученія картинъ Рембрандта, Шевченко имѣлъ богатый источникъ въ знаменитой рембрандтовской залѣ Императорскаго Эрмитажа, и что изученіе это простиралось на картины Рембрандта—доказательствомъ служить харьковскій «бурлак».

Въ 1893 г. въ Харьковѣ гостила интересная коллекція рисунковъ Шевченка—собраніе Каховскаго въ количествѣ 281 №. За коллекцію просили 3000 руб.; мѣстный художникъ С. И. Васильковскій опредѣ-

¹⁾ Снимокъ данъ въ «Альбомѣ выставки XII Археол. Съезда» 1903 г., л. 48.

диль стоимость рисунковъ въ 300 руб. Б. Г. Филоновъ предлагалъ 1000 руб.; но соглашеніе не состоялось, и коллекція была возвращена по принадлежности. Краткое описаніе этой коллекціи далъ въ «Кіевск. Стар.» г. Русовъ, видѣвшій ее въ Харьковѣ. Такъ какъ во 2-мъ т. каталога музея В. В. Тарновскаго 1900 г. встрѣчаются многіе рисунки, поименованные въ статьѣ г. Русова, то можно думать, что коллекція эта вошла въ составъ этого музея; но отсутствіе въ каталогѣ г. Гринченка названій нѣкоторыхъ рисунковъ украинскаго содержанія, упомянутыхъ въ статьѣ г. Русова, вызываетъ предположеніе, что собраніе Каховскаго вошло не въ полномъ своемъ составѣ, и, если предположеніе это вѣрно, то приходится только пожалѣть о томъ, такъ какъ музей Тарновскаго обратился въ общественное учрежденіе.

Въ послѣднее время рисунки Шевченка случайно попали на выставку гоголевско-жуковскую въ Москвѣ въ 1902 году и на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г.; но здѣсь они терялись въ массѣ другихъ предметовъ. Въ Харьковѣ были выставлены двѣ гравюры Шевченка 1844 года—«Судня рада» и «Дары въ Чигиринѣ»—обѣ изъ коллекцій проф. М. М. Ковалевскаго въ Двурѣчномъ Кутѣ харьковскаго уѣзда, и приписываемый Шевченку рисунокъ «Сельскій праздникъ»¹⁾.

Въ заключеніе настоящей статьи не могу не повторить уже высказанное пожеланіе (напримѣръ, г. Горленкомъ въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г.), чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы въ формѣ совмѣстнаго собранія, что весьма пригодилося бы и для исторіи русскаго искусства, и для біографіи Шевченка.

¹⁾ Снимокъ данъ тамъ же, л. 31.

И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ.

Въ маѣ 1893 года въ екатеринославской земской больницѣ скончался даровитый этнографъ и поэтъ Ив. Ив. Манжура, человекъ глубоко несчастный. И. И. Манжура страдалъ наследственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его приѣзда въ Харьковъ въ 1885 году, когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человекъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ, крупное поэтическое дарованіе и живой интересъ къ народопознанию.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6-го іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; расскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто вродѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слышали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревишкѣ, скоро попалъ въ часть, въ тогдашнюю яму, въ общество всякаго отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какаго-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцомъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцомъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои

шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе; но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ; другого я не зналъ. Буду рассказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ: обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ, въ шинкѣ прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой-то боромлянки. Отправляясь въ лавку, я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и рассказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрасиваній, она согласилась, даже показала и сказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ: бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ-то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая-то рѣка ¹⁾. Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чумаки меня приняли, и, благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокальвалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро, видно, раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой-то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему-то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, распросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему шлель), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отравить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сомнелся съ партіей какихъ-то, очевидно,

¹⁾ Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поведивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего-то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: «Ваня, Вапя», или что-то вродѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросивши, что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія. Не правда ли, просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего патера не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ».

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 году, учился въ харьковской второй гимназіи, гдѣ былъ моимъ товарищемъ до 5 класса, когда вышелъ изъ гимназіи. Это былъ нѣсколько сумрачный и некрасивый лицомъ юноша, способный, но какой-то угловатый. Одно время онъ учился въ ветеринарномъ институтѣ, но курса въ немъ не кончилъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ поселился у одного екатеринославскаго помѣщика, своего товарища по гимназіи, и съ этого времени начались его этнографическія изученія. Манжура входилъ въ глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ, на пасѣкахъ, и такимъ путемъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній о бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ малорусскаго народа, превосходно усвоилъ его живую и литературную рѣчь. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ проживалъ большей частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ Манжура не прерывалъ до самой кончины.

Въ 1889 году, при содѣйствіи проф. А. А. Потебни, вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры «Степови думы та спивы».

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготавлиаемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсень. Такъ какъ сборникъ написанъ «кулишевкой», то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: «все свои позорящія качества я отри-

нулъ и исправился»; но это «исправленіе» было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: «Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.); можно было бы приодѣться и устроиться, а то я—яко благъ, яко нагъ, перебиваюся по пригороднымъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку».

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгошествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки «Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ», а въ 1886 г. передѣлку другой сказки «Лыха година». Приславъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: «Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелькививъ, я замѣтилъ, что симпатичные рассказы, напр., Мордовцева «Дзвонарь» и «Салдатка», а также оповидання Марка Вовчка и другіе подобные паводять на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ рассказы Стороженка и Квитки одушевляють слушателей, заставляють смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей».

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: «Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту».

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ этнографическиххъ записей; я ихъ не бросаю. Не знаю писалъ ли Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ московскому обществу любителей антропологии и этнографіи ¹⁾, №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю. Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

¹⁾ Манжура состоялъ членомъ этого общества.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ «у въ одно око». Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ «у въ одно око», сандали, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и перешлю для Общества, можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ «Декамерона» и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ».— Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: «Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улевныхъ* цѣсень въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общецѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ».

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задуманности выдается «Велькдень».

На зразокъ зъ Я. Полонскаго.

Я свитло погасывъ, дримаю въ самотыни.

Ажъ чую въ хату ось поналиталы

Сумни, таемни-жъ, марнишни тини

И въ головахъ у мене поставалы.

И чуты жъ воны таемно шепотилы:

— Хай засне винъ, душею хай скротытся...

— А чи давно его мы счастье радилы?..

Нехай же добрый сонъ ему прыснётся.

— Бидахъ вже заснувъ, глядитъ якъ винъ кохае...

— То мыла любо думку его буде...

— А завтра винъ цего ничего не згадае,

— А то й зъ проклѣпомъ згадувати буде.

— Погляньте якъ пры насъ ви снѣ винъ молодіе,

Якъ може винъ ще вириты й любыты,

—А завтра бидный гиршь випь знову постаріе

—И пиде якъ допрежъ цего терпнты.

—А мы?.. Мы ранкомъ подамось укрити снамы

—Та мріямы людськими всего свиту,

—И счастья мрія те жь полыне зь намы,—

Завьялый квить колышного розцвиту.

Стихотвореніе Полонскаго безъ особаго заглавія было напечатано въ 12 № «Нивы» 1891 г. Изъ этого видно, что передѣлка Манжурь сдѣлана имъ въ концѣ жизни:

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпою ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
И увидѣлъ ихъ тьму вокругъ моей постели.
Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ уснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно ль мы страстнымъ сномъ счастливица любовались,
Авось, веселый сонъ несчастному приснится.
Вотъ онъ заснулъ... бѣднякъ! Глядите, какъ онъ любить,
Подруги свѣтлыхъ дней онъ свѣтлый образъ видитъ...
Все это на яву онъ завтра же забудеть—
И, все, что хуже сна, душой возненавидитъ...
Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ.
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить
А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ.
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...
И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ
Раскроетъ бездну золь, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача, измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьеть, изъ-за копѣйки споря...
А мы умчимся въ ночь, обвѣяныя снами
И грѣзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній,
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами.
— Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»,
Полуночныхъ тѣней уловенныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели,
Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,
И къ окнамъ хлынули, и на порогѣ стали—
Я видѣлъ при огнѣ ихъ чуть замѣтный трепеть;

Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
И я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

Сравненіе стихотвореній показываетъ, что Манжура сократилъ переводъ въ серединѣ на 4 строки и въ концѣ на 7 строкъ.

На Купала.

На купала—дивча мало	Сполохнулось сердечко
Виночка зяззаты,	Дивоче, якъ пташка;
Та не знало одыноке—	—Ось для кого мій виночокъ,
Кому его даты.	—Колы ёго ласка.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ	Та пройихавъ козакъ поузь
Жупанъ голубенькій,	И окомъ не глянувь...
Лычко биле—якъ у пана,	А дивча винокъ порвало—
И самъ молоденькій.	Щобъ марно й не вянувь.

Велындень.

Христось воскресъ, Христось воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любують янгольскія очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебесноц пмлы
На землю зори мовъ зійшли...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
И святой—якъ зиркамы
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зирки, а свичечкы,
Що люде добри посвитылы
По-надъ паскамы и освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до ридной осели,
Де жде мала ихъ дитвора...
Весела, радистна пора!
Та сердце шось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь—
Якъ крадькома хочъ позирнешь.
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

Б у р л а н а.

Та вже весна, та вже красна,
 Изъ стрихъ вода капле,
 Молодому козакови
 Мандривочка пахне.

—
 Та теперъ вже молоденькій
 Коня не сидлае,
 А цапни постолы винь
 На ноги взувае,

—
 Замисть спыса бере косу,
 За шаблю-—мантачку;

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаеъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Кое-что исключено было цензурой; кое-что устраниено изъ того, что уже было ранѣе въ печати. Такъ, въ «Степовыя думы» не вошла «Веснянка», напеч. Манжурой подъ псевдонимомъ Иванъ Каличка въ 12 № «Степи» 1886 г.

Весняпочка—паняпочка,
 Чомъ на тоби пусто?
 Чомъ не мае челядопкы,
 Якъ бывало густо.
 На вулыци била челядь,
 Весну такъ гукае
 Самисенька... Парубацтво
 Десь її блукае
 У далекихъ заробиткахъ
 По чужихъ краинахъ,—

За кырею жъ олягае
 Свытыну бурлацкы
 Не пытае у дивчины
 Теперъ винь дорогы—
 Куды у Крымъ, куды на Динь,
 Куды за порогы,

—
 А пытае въ молодой
 Нимецькой хаты,
 Дебъ то статы—заробиты
 Собн хочъ на латы.

Що зъ осены розыгнала
 Тяжкая годына
 Усыхъ зъ дому—кого куды
 Хлиба заробляты...
 Тильки въ сели и зосталысь
 Хвори та дивчата.
 Не весела вулыченька,
 Сумни її спивы...
 Ой, зиглянься на ихъ долю,
 Боже мылостывый!

Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическія стихотворенія—«Маты», въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, «Весна», «Споминь», «По весни», NN (Самъ не знаю), «Мышуле», «Переспивъ» (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости, первое вступительное стихотвореніе «Не треба мини», въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и

Принадлежитъ
 Киевской Городской Народ-
 ной бесплатной читальнѣ
 имени Ю. В. Гоголя
 и продана быть не можетъ.

опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи («любовь къ ждыни»), и въ особенности «До товарища», «Писня» «Босяцька писня», «Старый музыка», «Бурлака», «Бурлакова могыла» и «Незвычайный». Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и «До товарища».

Нема сылы, нема воли,	Якъ зальешъ — мовъ позабудешъ,
Нема и небуде,	Пишовъ шкандыбаты;
Бо ще змалку повиылы	Заразь люде и пидзорять
Все чужій люде.	Та й ну дорикаты.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,	«Хвылозопію» пидпустять,
Якъ ридный той батько;	«Нравственность» якусь то...
Нехай ему Богъ прощае,	А бодай имъ божевильнымъ
Мени жъ — а ни гадкы.	Симъ разъ на день пусто!
Тилько инколы въ куточку	Воны певно, бачъ, обашни!
Пожурышся стыха,	Имъ про те байдуже,
Та гирькою (не слёзою...)	Що тутъ сердце въ грудяхъ плаче
Зальешъ свое лихо.	Зпивечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно «шкандыбалъ».

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ	И теперъ ось даремное
Життя наше процвило;	Життя наше никчемное
Лыхе горе та бидонька	Соби марно досклива —
Мовъ гирька та лобидонька	Мовъ огонькъ въ дороженьци
Его змалку проросло.	На попасномъ обложенци
.	Де забытый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполне народными, частью лично-субъективными, вполне оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи «попасный облогъ», т. е. побросія спорышемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей «забытый огонькъ». Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи «власть земли» — земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ «хлиборобскихъ» стихотвореніяхъ на первый планъ выступа-

ють заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостатъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картины живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: «Дума», «На стѣну и въ хати», «Зъ заробитковъ», «На добрій ниви», «Грядь», «Сонъ», «Роскишь-доля». Здѣсь выступаютъ все «темни сиріи люде», для которыхъ хлѣбъ—«святый», которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ «гарнее житце, помножь его Боже». Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ «радіе», когда дождь ороситъ истомленную засухой ниву; съ нимъ «турбуется», когда нива лежитъ «стомлена, спечена, пыломъ прибыта»; этимъ доброжелательствомъ впушены два молитвенныхъ стихотворенія «Зъ охрестамы» и «Страсты». Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія «На пасици» и «Бджолы». Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всею обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе—баллада «Репегать», затѣмъ «Нечеспа», «Веснянка», «Нехай», «Переспивъ». (Зиронька ясна), «Въ ранци»—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и «Дыліи». А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малозвѣстной поэзіи П. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
 Роскошны лыліи цвилы;
 Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
 На втыху соби завезлы.
 Любують ихъ очи весели дивочи,
 А часомъ и хмурый магнать,
 На нихъ якъ погляне, нудьга уразъ тане,
 И пругъ на чоли вже не знать.
 Оттакъ воны пышни, усякому втишни
 Мыръ въ сердце людське подають,
 А люде не знають и гадкы не мають,
 Якъ слезы въ почи воны льють.
 Чого жъ то имъ шкода? Аджержъ и урода,
 И роскишь, и шана имъ е...
 Нелюба имъ шана у гордого пана,
 Имъ краще убоге свое.
 Имъ кращи у бидній краини ихъ ридній

За панську ту ласку здались
И спека пекуча, и вихорь летючий,
Що ихъ опалялы колысь...

Далѣ слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтического образа къ дѣвушкамъ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекаго краю,
Непаче лыліи мой;
Сдається й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясенькій, твій смихъ веселенькій
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ витають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (пехай бо ни в року)!
Та й скажешъ: «життя тобі рай»,
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и пѣть надобности доказывать, что въ «Лиліяхъ» Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно— и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнаваемыхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О «байкахъ» не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Какъ поэтъ, Манжура обладалъ превосходнымъ знаніемъ малорусскаго языка и большой чуткостью къ художественнымъ красотамъ народной словестности.

Въ краткомъ отзывѣ о «Степовыхъ спивахъ» Манжуры въ сент. кн. Кіевск. Стар. 1889 г. В. П. Горленко отмѣчаетъ знаніе сельскаго народа и языка, имъ созданаго. «Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, по словамъ критика, сообщило стихамъ Манжуры характеръ реальности». Къ лучшимъ стихотвореніямъ причислены «Зъ охрестамы», «На пасици», «Бурлака», «Бджолы». Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣченъ «сухой разсудочный характеръ». Далѣ критикъ говоритъ, что у Манжуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета по агрономіи или изъ

доклада статистическаго бюро, встрѣчаются странныя, какъ бы выдуман-ныя слова, мѣстамъ неуклюжія выраженія.

Въ болѣе суровомъ отзывѣ въ галицкой «Зорѣ» Манжурѣ поставлено было въ вину незнаніе малорусскаго языка, человекъ, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ харьковскую и екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ «Зорѣ» упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокой лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именпо за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ. И. И. Манжура при тяжелой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая, онъ могъ сказать словами Мармеладова въ «Преступленіи и Наказаніи» Достоевскаго: «пожалѣть насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Придетъ въ тотъ день...и всѣхъ разсудить и простить».

* * *

Заслуги Манжуры, какъ этнографа, велики. Записи его многочисленны, разнообразны, точны. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ было имъ собрано въ екатеринославской губерніи и сообщено П. В. Шеину. Въ «Русской Старинѣ» Манжура издалъ три великорусскія историческія пѣсни—«Осада Смоленска», «Взятіе Хотина» (Кистрина?) и «Новороссія». Громадное большинство записей малорусскія. Часть ихъ поступила въ Кіевъ въ Юго-западный отдѣлъ Географическаго общества и была издана М. П. Драгомановымъ въ «Малорос. народ. преданіяхъ» и въ «Полит. писняхъ украинскаго народа»; часть поступила въ Харьковское историко-филологическое общество и была издана во 2 и 6 томахъ его Сборника. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны Манжурой въ «Кіевской Старинѣ», «Этнографич. Обзорѣни», «Живой Старинѣ», «Степи» и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ». Въ общей сложности матеріалы, собранныя Манжурой, составляютъ весьма цѣнный

вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній Манжуры «Степовы спивы та думы». А. А. Потебня высоко ставилъ Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ «Сборника Харьк. историко-филол. общества» и издалъ «Степови думы». Въ 1891 г. Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при Московскомъ университетѣ избрало Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О наиболѣе крупномъ трудѣ Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ «Этнограф. Обзорѣніи», «Wisla» и «Revue des traditions populaires».

Этнографическіе матеріалы Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ «Малор. нар. преданія и разказы» (1876 г.), послужившій драгоценнымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, включаетъ много записей Манжуры. По признанію редактора этого сборника *Драгоманова*, отъ Манжуры поступило «особенно много и все превосходнаго качества». Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ «Рус. Стар.» 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ «Древ. и Нов. Россіи» 1877 г. Манжурой сообщены апокрифическіе разказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андрея Первозванномъ), разказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насекомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разказовъ о чертяхъ, вѣдмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разказы изъ записей Манжуры разбросаны въ «Кіев. Стар.», «Степи», «Этногр. Об.» и «Жив. Стар.». Отмѣчаемъ здѣсь ихъ краткіе, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсень.

Въ «Кіев. Стар.» 1888, VIII, 50—53, въ Екатеринослав. Губ. Вѣд. 1888, № 67 и въ «Живой Стар». 1892, I, 80 напечатаны Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ «Кіев. Стар.» Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе рыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ «Кіев. Стар.» 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда о *Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментариемъ Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаіемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены мной въ 1 вып. «Соврем. малор. этногр.» при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой «юги» (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя, и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, «якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупаляи». Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ «Кіев. Стар.» 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка Манжуры къ вопросу о *кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемые народомъ (кумы клыканые, стричаные и одкупные).

Въ «Кіевск. Стар.» 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосуцѣмъ корову*; въ «Кіев. Ст.» 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ*; въ «Живой Старинѣ» 1892, II, 78—79 три разсказа объ *уныряхъ*—варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ «Степи» (1885—1886) и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ» (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ Манжуры, напр. въ 51 № «Степи» 1886 статейка *о купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ Манжуры «*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ*» напечатанъ въ II т. Сборника Харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника нахо-

дится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, «Довгомудыкъ» и «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ».

Сказка «Довгомудыкъ» (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакъ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, унавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка «Баринъ, пѣтухъ и жорновы» записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подѣ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подѣ печью, ракъ въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ его ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (*Zavilinski, Z powieesci i piesni* № 5).

Во французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ

Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцовъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однихъ сказкахъ разгоняють демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ «Fraschmeuseler» Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin, Contes popul.* II, п. 45). Очень любопытный японскій вариантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ «*День*» 1891, № 1270 и въ «*Москов. Вѣдом.*» 1891 № 332.

Сказка «Якъ пивныкъ до моря воды ходивъ» имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьего рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листь и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ вариантѣ этой сказки мышка разбила золотое япчко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того какъ баранъ сбиль себѣ роги, баранъ—рѣчку, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расщину, и, наконецъ, попадя сказала пону, послѣ того какъ онъ обрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка «O swince rydce»: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакамъ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку—крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelehowski, Powiesci i opowiadania*, I, п. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ «*Wisła*» 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской— муравей, въ сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей курочки здѣсь утѣляетъ мышка, которую они пмѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ. Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева, и, узнавъ о несчастіи воробья, сбиль свои рога. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль: далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: «жена воробья умерла, дерево потеряю отъ того листья, буйволъ рога» и проч. Таковы были похороны жены воробья (*Ib.*, I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки «Павукъ та соплякъ» и «Блоха та муха», въ которыхъ городъ противопоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня «Блоха и муха» записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы мифическими, именно: Чабанецъ, Черный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, о Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сученкѣ, солдатскихъ сыповьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Киріакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ея богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказочные мотивы этого рода принадлежать къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія

же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себилю, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), грековъ и албанцевъ (Легрантъ, Ганъ), русскихъ (Аопаевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчтантра). Сходство доходить до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Кириакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Пвана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ, Jean de l'Ours—французскихъ, Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Jean de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы итальянской сказки. Коварные друзья Кириака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ мифическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстные особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку находится краткое описаніе свадьбы: «зійшлись бабуси, липлять шишки, каравай, все шо тамъ треба». Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червонные черевички.

Болѣе мѣстно—пароднаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка «Двѣ доли» имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскія сказки, «Дидь та ракъ»—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія, «Божа тростка»—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующие литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонь). «Отъ йиде, а ослигъ и миша ему снаты: э, каже, чортивъ ослигъ! я на двоухъ ногахъ та и то бѣ до дому дѣйшовъ, а ты на чотырѣхъ та не дойдешь?—та взявъ и скинувъ его зъ воза» (Манж. 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной

въ Лотариніи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: «ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можешь прійти домой, если захочешь; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ», и пошелъ другою дорогою (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько разказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ незакрытыхъ и неперекрещенныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, спимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія грища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка «Вѣдьма прячетъ зори» представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ «Кіев. Стар.» 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью «Сказанія о займѣ дней» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1891, № 3.

Въ сборникѣ Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка «Якъ вовкы въ хати завелысь» ранѣе была уже извѣстна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kolberg'a* («Рокисіе», IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка «Якъ чоловікъ у коробку стукавъ»: Чумака предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: «Мни здається, якъ бы ты взявъ коробку, ходивъ коло хаты та стукавъ у пейп, то бь може полегшало». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумака пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ спрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индійской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ циновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: «Давай бросать апельсины въ циновку. Посмотримъ, чья рука вѣрнѣе»

бросить». Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣсть. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. «Чего ты такой веселый сегодня?» спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозревать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣрье, что круглый перещъ призошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ вариантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнiю народа, «дорога», т. е. млечный путь, ведетъ въ Иерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: «якъ бигалы видѣ панивъ, то по ній и шли» (148). Не лишенымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй представляется народное повѣрье: «якъ смалыты ракову шкаралуну, то гадуки позлазятся до вогню» (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указанiй, чтобы въ южной Россiи существовало гаданiе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщенiе по этому поводу: «якъ колють къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мякша» (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій «юга—це Петро вивци жене» (157) разъяснено Манжурой въ сентябр. кн. «Кіевској Старинѣ» 1889 г. на основанiи народнаго же объясненiя. Желательно было бы получить разъясненiе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказанiе календарнаго характера: «Спшненко (февраль) казавъ: «якъ бы мени батькови лита, то я бѣ быкови третяковы ригъ ссадывъ, а дивци семплитци коромысель до плечей приморозывъ» (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнiю, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанiя на тему, почему одинъ мѣсяць, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящiй. Въ «Romania» 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованiе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ «Сны и ихъ значенiе». Всего 71 толкованiе. Материалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографiи обра-

щено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ «Этногр. Обзор.» 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидному, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голуби—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь, горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орель— свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣртіями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуетъ 400 приказокъ и присловіи съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про «нюхаривъ», бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрѣзная, а отвѣтъ всегда певинный, напр., «хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы» (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобить, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): «Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu» (глаза), или «J'accroupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme» (треножникъ и костюля) и мн. др. т. п. (Крѣпкѣвичъ, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари бѣдны въ количественномъ отношеніи и неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментариемъ, именно, слова: «кумъ», «дубъ», «клеино», «гуркало», «пашена яма», «прытьмо» и «пужаръ». При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растений: волюкъ, дженчыкъ,

келепъ, музыка, певстаха, носаль, пичкуръ, полежанъ, попова свынка, турыца. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарь приведено много чабапскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ) изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оговирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ «Полит. пѣсни» Драгоманова—малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что въ большинствѣ могли быть изданными и въ Россіи. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей Манжуры: варианты къ напечатаннымъ въ 1 т. «Истор. пѣс. малор. нар.» Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тунѣ), 16 (о боярскомъ сватанѣ), начало пѣсни «Павлечко коника сидлае», пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня «Та ще не свить», относимая или къ 1776 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ «Кіев. Стар.» 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о пѣльнѣ гайдамаки «Стоить яворъ надъ водою» и пр. (Относятся ко времени аleshковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня («Зажурилась Украина» и пр.) представляетъ вариантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей Манжуры пѣсню про Морозенка («Та литае воронъ»), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ «Кіев. Стар.» 1882, III, 612, пѣсню про панцину на гетманщини, пѣсню про дивчину, пригласившую казака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, пригласившую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго приуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣ-

чается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щеголева «Орелъ».

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ «Кіев. Стар.» (1883 г., I) напечатана пѣсня «*про украинскую гетеру*»; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ «Объясненіяхъ», II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь типъ свободной украинки», какъ та «Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна» (въ думѣ про Хвеська Андрибера).

Въ V кн. «Кіев. Стар.» 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку о *тюхарахъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный рассказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.» 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великорусовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у малороссовъ цѣлой литературы о табакѣ. Извѣстно много народныхъ рассказовъ и пѣсень о пристрастіи къ табаку малороссіянъ, въ особенности запорожцевъ¹⁾.

Уже по смерти Манжуры, въ VI т. Сборника Харьк. истор. филол. общества 1894 г. были напечатаны записанныя имъ въ екатеринослав. губ. малорусскія сказки, преданія, пословицы и поговорки, съ приложеніемъ моихъ библиографическихъ указаній. Этотъ сборничекъ въ 37 стр. заключаетъ въ себѣ много характерныхъ анекдотовъ, присказокъ и приговоровъ. Всѣхъ присловій 233, и во многихъ изъ нихъ ярко отражается украинскій бытъ, украинская народная психологія.

Въ екатеринославскихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно значительное число маленькихъ, но любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ. Такъ, въ Екатеринославск. Губ. Вѣд. 1888 г. № 67 напечатана Манжурой статья «О богатыряхъ», въ «Степи» 1886 г., № 7 ст. «Государыня широкая масляница», тамъ же въ № 6 некрологъ малорусскаго писателя Петра Раевского; попадались мнѣ еще въ какомъ-то екатерино-

¹⁾ См. *Эварницкаго*, Запорожье II, 14; *Его же*, въ «Екатеринославск. Губ. Вѣд.» 1889 № 63. *Я. Новицкаго* въ «Кіевск. Стар.» 1888, II, 20, *Катрухина* такъ же 1900, VIII.

славскомъ изданіи небольшія, но весьма интересныя замѣтки о названіяхъ рыболовныхъ статей, о бублейницахъ г. Новомосковска. Вездѣ видно живое, любовное отношеніе къ народной жизни: вездѣ обнаруживается умѣнье подмѣтить характерныя черты народнаго быта. Вездѣ есть нѣчто новое, впервые вынесенное наблюдательнымъ авторомъ изъ глубины народной.

Въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества находится еще въ рукописи сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсень, записанныхъ Манжурой въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ. Всѣхъ пѣсень—1135 №№—колыбельныхъ, свадебныхъ, историческихъ, колядокъ и др. Въ настоящее время сборникъ этотъ готовится для печати.

Вообще Манжурѣ принадлежитъ огромное число этнографическихъ записей высокаго научнаго достоинства, и нельзя не видѣть въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ фольклористовъ XIX столѣтія, а въ его сборникахъ чрезвычайно большого ископаемаго этнографическаго богатства.

Суботы св. Дмытра.

30-го мая 1898 года въ Харьковѣ стоялъ ясный, теплый день. Екатеринославская улица, накануне омытая и освѣженная обильнымъ весеннимъ дождемъ, выглядывала весело и чисто. Солнечные лучи заливали дома, экипажи, прохожихъ. Тѣмъ печальнѣе выдавалась на этомъ фонѣ мрачная похоронная процессія: къ мѣсту вѣчнаго успокоенія несли харьковского старожила, талантливаго малорусскаго поэта Якова Ивановича Щоголева.

По случайному совпаденію, въ этотъ же самый день на окнахъ книжнаго магазина «Новаго Времени» появилась изящная книжечка въ весенней свѣтлозеленой обложкѣ, съ заголовкомъ: «Я. Щоголевъ. Слободжанщина. Лирна поэзія», въ 145 страницъ, съ 103 стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, съ элиграфомъ «теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ».

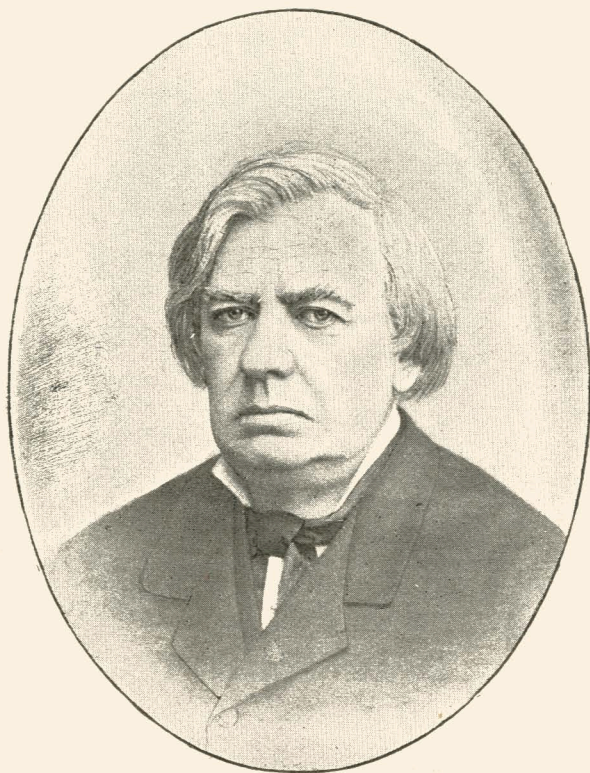
Вышла эта книжечка на улицу проводить почившаго поэта, и своимъ внѣшнимъ видомъ какъ бы говорила, что «есть бо древу надежда, аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ и лѣторосль его не оскудѣетъ»...

Такъ провожала своего поэта старая слободжанщина, сама постепенно вымирающая среди новыхъ условій жизни, новыхъ теченій, новыхъ потребностей, стирающихъ все старое, слободско-украинское.

«Въ Слободжанщинѣ» есть слабыя стихотворенія, написанныя очевидно человѣкомъ старымъ и больнымъ, напримѣръ, «На чужыни», «Рута», «Родына», «До чарывныци», «Крамарь», «Три дороги».

Но въ той же «Слободжанщинѣ» встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, по красотѣ языка и художественной законченности, напримѣръ, «Зимній ранокъ», «Хортыця», «Травень», «Барвинова Стинка», «Ничт.», «Въ диброви», «Зимній шляхъ», «Бабусина казка», «Клыментовы млыны».

Прекрасно, напримѣръ, послѣднее, «Клыментовы млыны», большое стихотвореніе, гдѣ народное повѣрье о появленіи огненнаго пѣтушка

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ.
(† 1898 г.).

Къ 139 стр.

на мѣстѣ заклятаго клада изложено въ правдивой бытовой обстановкѣ, съ сохраненіемъ мѣстнаго колорита. Изъ 41 куплета лучшіе первые одиннадцать, гдѣ описанъ сосновый боръ подъ Ахтыркой, по дорогѣ въ Тростянецъ, и помолъ на водяныхъ мельницахъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Здѣсь сказался въ лицѣ автора мѣстный ахтырскій уроженецъ, живо сохранившій до конца дней своихъ вынесенные изъ дѣтства дорогіе образы родного края.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ обоихъ сборникахъ стихотвореній Я. И. Щоголева, окрещенныхъ имъ мѣстными названіями «Ворскло» и «Слобожанщина», найдется немало сильныхъ и выразительныхъ стихотвореній, настолько сильныхъ, что любая европейская литература отвела-бы имъ почетное мѣсто.

Въ общемъ, подъ свѣтлой обложкой «Слобожанщины» скрывается мрачная поэзія. Грозный призракъ смерти витаетъ надъ стихотвореніями Щоголева. Стихи написаны поэтомъ въ старости и въ болѣзняхъ, послѣ тяжелыхъ семейныхъ потерь, послѣ смерти дочери невѣсты и юноши сына, милыхъ и добрыхъ, отличавшихся большими музыкальными дарованіями. Оттого въ поэзіи Щоголева много грустнаго и тяжелаго. Одно изъ самыхъ мрачныхъ и наиболѣе характерныхъ для его міросозерцанія стихотвореній «Суботы св. Дмытра».

Дмитріевской субботой, какъ извѣстно, называется суббота передъ днемъ св. Димитрія Солунскаго 26 октября. День этотъ поминальный. Простой народъ изстари чтитъ этотъ печальный день; мѣстами народный обычай придаетъ поминальное значеніе и другимъ ближайшимъ къ 26 октября субботамъ.

Октябрь—время года мрачное и грустное, когда въ самой природѣ все замираетъ. Дни пасмурные. Сѣрое небо угрюмо. Деревья стоятъ, какъ обнаженные скелеты. Опалый листь покрываетъ землю. Въ воздухѣ виситъ сырой туманъ. Часто льютъ безпросвѣтные, тоску наводящіе дожди, и монотонно журчація дождевыя струи напоминаютъ слезы.

Стихотвореніе Щоголева начинается съ мрачной и унылой картины осени.

Бувъ деньъ осинній. Спра мла
Габою ¹⁾ землю одягла,
И сіявъ дощъ. Ишла пора
Передъ суботами Дмытра.

Народъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, чтитъ эти мрачные дни, какъ дни поминальные:

¹⁾ Габа—грубое сукно, старое слово турецкаго происхожденія.

А й доси нашъ веселый край
Шануе шyro той звычай,
Зъ котерымъ ще прадида жылы
И нацадкамъ въ ридь передалы,
Щобъ въ ти суботы помынатъ
Кого намъ пріязно згадать.

Обычай старинный, особенно излюбленный въ средней Россіи, гдѣ сохранилось много поминальныхъ синодиковъ. Поэтъ создаетъ такой синодикъ въ своихъ мысляхъ,

Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ;

Передъ нимъ вырастаетъ величественная и мрачная картина шествія умершихъ, картина въ духѣ Виктора Гюго и Леконта де Лилля.

Якъ въ темну пичь въ таемнымъ снѣ,
Тодѣ побачылось мени,
Що зъ щирокоханыхъ могилъ
Встають ряды безсмертныхъ сыль,
И безборонно ти ряды
Идутъ—невидомо куды...

Первыми идутъ старики, усталые, похилые, безъ силъ, безъ надеждъ:

Онъ ветхи деньми. Въ очахъ йихъ,
Колысь блескучихъ и живыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буриння слиды.
Надій въ йихъ серци не живе,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче йихъ назадъ,—
Недбало йде оджившихъ рядъ...

Мрачную и тяжелую сцену старческой немощи и горя поэтъ заканчиваетъ поминальнымъ обращеніемъ къ милосердію Божию, какъ единственному и высшему утѣшенію:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!

Далѣе идутъ молодые люди, безвременно сошедшіе въ могилу. Самая смерть не могла вырвать изъ ихъ груди юной отваги и свѣтлыхъ надеждъ:

Дывлюсь: въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день весняный первоцвѣтъ,
На зоряхъ шастья, зоряхъ сыль

Встають юнаки изъ могылъ;
Въ ихъ чыстыхъ душахъ теплынь мрій;
Въ ихъ очахъ свите блискъ надій;
Воны мыпулымъ не жывуть
Воны чогось видъ доли ждуть;
На те й уваги йимъ нема,
Що йимъ дорогу перейма
Нещадно смерти гризна тинь
И жде въ земли холодна тлинь...

Далѣе тотъ же величественный помпальный аккордъ, для всѣхъ одинаково могучій въ борьбѣ съ смертю:

О, помьяны, мій Боже, ихъ
У житлахъ праведныхъ Твоихъ!

Но вотъ еще открываются печальные ряды загробныхъ тѣней, это идутъ молодая женщины и дѣвушки, оставившія свѣтъ во цвѣтѣ лѣтъ.

...О не тамъ,
Царицы свита, жыты бѣ вамъ!
Чаривни, постатью гинки,
На чолахъ мраморныхъ винки...
Я бачу искры ихъ очей,
Я чую голосъ ихъ ричей...

Что замѣнить имъ красоту и радость жизни? Ничто, кромѣ высшей надежды на Божіе милосердіе, и поэтъ молить о немъ

О, звеселы, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ.

Въ заключеніе повторяется тотъ же помпальный мотивъ, въ самомъ широкомъ обобщеніи, охватывающемъ всѣхъ—

И тихъ, хто тутъ безъ смуты жывъ,
И тихъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришний, хто святой,—
Ихъ діи мылостью покрый!

Очевидно, Я. П. Щоголевъ среди умершихъ «юнаковъ» вспомнилъ своего сына, среди умершихъ «чаривныхъ ладъ» свою дочь; горечь семейныхъ утратъ вылилась въ страстномъ молитвенномъ обращеніи къ милосердію Божію за всѣхъ, за грѣшныхъ и святыхъ.

Мицкевичъ на эклонѣ своей жизни, въ пылу религіознаго воодушевленія, находилъ, что для поэта одна только дорога—вдохновеніе и Богъ:

Wiedzcie, że dla poety jedna tylko droga

W sercu szukać natchnienia i dazyc do Boga!

И для Щоголева въ концѣ жизни замерли и заглохли почти все интересы и наклонности. Опорой осталось исключительно религіозное настроеніе, какъ единственное утѣшеніе поэта, котораго, судя по стихотвореніямъ въ «Слобожанщинѣ», постоянно преслѣдовала мысль о смерти.

Въ этомъ настроеніи, въ твердой неизблемой вѣрѣ, Я. И. Щоголевъ почерпнулъ силы и средства для созданія стихотворенія «Суботы св. Дмитра»

Всему свой чередъ; пришла очередь для поминанія самого Я. И. Щоголева, и, памятуя «Суботы св. Дмитра», уместно помянуть почившаго поэта его собственными словами, чтобы Богъ «звеселилъ» его «у житлахъ праведныхъ своихъ».

Терентій Маркович Пархоменко.

Пархоменко, одинъ изъ лучшихъ современныхъ бандуристовъ, род. въ 1872 г.—въ Сосницк. уездѣ Черниг. губ., учился въ школь, ослѣпъ на 11 году, бывалъ въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, гдѣ пользовался указаніями Н. В. Лисенка. Репертуаръ большой—54 пѣсни, въ томъ числѣ 10 думъ и 28 духовныхъ стиховъ. Подроб. см. въ V т. Сборн. Истор. Филол. Общ. при Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко, въ монографіи проф. М. Н. Сперанскаго.

Принадлежит
Кіевской Городской Народ-
ной бесплатной читальнѣ
имени Н. В. ГОГОЛЯ
и продана быть не можетъ.

10.

Современное изученіе кобзарства.

Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съездомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза, большая, и, несмотря на значительное число журнальных отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харьковъ, въ особенности харьковскому университету, археологическій съездъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, преимущественно, въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологій. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣсотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея—археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать на положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ; досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, многіе годы когда ихъ совсѣмъ не было—имѣемъ въ виду, на примѣръ, кафедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантною около тридцати лѣтъ, имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ специалистовъ по русской исторіи, археологій и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣскольکو лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и какъ это ни странно, въ

приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчокъ изученію репертуара и быта кобзарей и лирниковъ и, повидимому, послужить исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ соціального и профессиональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и результаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лирниковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серьезныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія, заговорили объ устройствѣ для нихъ спеціальной музыкальной школы, которая съ одной стороны должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирическаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кievскаго Общества Нестора лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирикахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самого съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирикахъ, и, благодаря усердію г. Хоткевича, устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лиричскій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирикамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено; интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участию въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ порядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южно-русскія ученыя Общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соответствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служить полученная мной обстоятельная работа кievскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кievской губерніи въ 1903 году, составленная по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьёй, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кievскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что по моему мнѣнію, ученыя Общества не располагаютъ соответствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ районѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собраніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собранія соответствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ

историко-филологических Обществах найдется достаточно ученых сил. На дѣль такъ и вышло; большой матеріалъ по кievской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кievскими учеными. Въ изданіи кievскаго статистическаго комитета есть одинъ большой пробѣлъ—полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ программу, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой программѣ, и людьми со спеціальной ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской программы, рассчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на все губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кievскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распределенія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кievскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кievской губерніи въ 4221 человекъ, занимающихся игрой на лирѣ показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всеми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кievской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кievская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человекъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни пародной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе, составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, вродѣ кievскаго. Такъ, въ харьковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и пѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсемъ неожиданныя цифры. Если кievскую мѣрку приложить ко всемъ

губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполне умѣстно дальнѣйшее пастойчивое изученіе ихъ положенія, и вполне были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе бесплатной профессиональной школы для усвоенія кобзарства и лиричества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими приѣмами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной оплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграмотнаго простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой гуманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ специально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ въ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго.

Николай Флавицкій, харьковскій писатель начала XIX ст., какъ личность, совсѣмъ неизвѣстенъ. По сохранившимся его рукописямъ видно только, что онъ проживалъ въ селѣ Федоровкѣ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ богатымъ помѣщикомъ волчанскаго у. А. Я. Донцомъ-Захаржевскимъ. Весьма начитанный въ Священномъ Писаніи, Флавицкій недурно владѣлъ словомъ и съ большимъ усердіемъ писалъ религіозно-нравственныя сочиненія, которыя посвящалъ Донцу-Захаржевскому. Изъ сочиненій Флавицкаго не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ духовному сословію; но произведенія его носятъ вполне духовный характеръ. Въ Харьковское Историко-Филологическое Общество поступило двѣ тетрадки его произведеній, въ разное время, одна въ 1893 году въ собственность, другая въ 1905 г. во временное пользованіе.

Въ 1893 г. покойный харьковскій старожилъ Ив. Ив. Колтуновскій передалъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Общества небольшой сборникъ духовныхъ стихотвореній Николая Флавицкаго 1827 г., посвященный А. Я. Донцу-Захаржевскому. Такъ какъ Колтуновскій лично бывалъ у послѣдняго представителя этого рода, убитаго въ 1871 году, то можно думать, что и сборникъ этотъ полученъ былъ имъ отъ Донца-Захаржевскаго. Рукопись и бумага того времени. На бумагѣ водяной знакъ У. Ф. Л. Н. 1826.

Сборникъ безъ заглавія. Состоитъ онъ изъ 16 незанумерованныхъ страницъ писчей бумаги. На 1 стр., «Андрею Яковлевичу Донецъ-Захаржевскому усереднѣйшее приношеніе», на 2 слѣд. обращеніе: «Благодетель! Если сердца Вашего безъ сомнѣнія пріяли въ себя Слово безначальное, Духа Свободы, Сына Бога живаго, иже и плоть бысть. Поздравляя васъ съ торжественнымъ воспоминаніемъ явленія Искупителя на землѣ нашей, душевно желаю, чтобы вы, непереставая оуществлять вѣру свою добрыми дѣлами во славу Божію, достигли наконецъ въ мѣру

возраста и исполненія Христова!» «25 декабря 1827. Сл. Б.-Бурлукъ Николай Флавицкій».

На первомъ мѣстѣ стоитъ переводъ въ стихахъ первыхъ четырехъ главъ изъ соборнаго посланія св. ап. Іакова къ 12 племенамъ разсѣяннымъ. Какъ извѣстно, посланіе это маленькое, состоитъ всего изъ 5 главъ, и, странно, что Флавицкій оставилъ безъ перевода небольшую пятую главу, заключающую въ себѣ много прекрасныхъ мыслей. Можно думать, что онъ постерегся повторить богатому помѣщику слова апостола: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ. Богатство ваше тлѣнно, и одежды ваши извѣдены молью».

Какъ образчикъ перевода возьмемъ первые стихи первой главы:

Возлюбленные! къ вамъ я слово обращаю
И таинство Креста Христова возвѣщаю,
Когда прельщеніямъ судьба подвергнетъ васъ,
Не сокрушайтесь, но радуйтесь въ тотъ часъ
И знайте: ежели приходятъ искушенья
Для испытанія и вѣры, и терпѣнья,
И чтобы васъ плѣнить тщетою благъ земныхъ:
То это для того—чтобъ побѣдить вамъ ихъ;
Чтобъ міра прелесть, исчадія Геенны,
Презрѣли дѣломъ вы и были совершенны!
Но если мудрости не достаетъ кому,
Да просить у Творца ее—и дать ему;
Онъ просто всѣмъ даетъ, за даръ неупрекая;
Но только съ вѣрою да просить, отвергая
Сомнѣнія ума, которыя морскимъ
Подобятся волнамъ, что вѣтры воздымають
И въ то жъ мгновеніе на части разбивають!
Двоакій человѣкъ рабъ суетамъ мірскимъ.
Коль сердце и Творцу и міру раздѣлится:
Какая вѣра въ немъ тогда укоренится?
Не можно быть слугою и міру и Творцу!
Чего желаетъ Сей, другой то отвергаетъ;
Кто міру рабствуетъ, тотъ Бога забываетъ
И не радить служить пѣжнѣйшему Отцу.
Да хвалится же братъ убогій высокою
Души, вознесшейся надъ всею суетою;
Богатый же всегда въ смиренѣ да живеть
И помнитъ какъ трава онъ въ мірѣ отцвѣтетъ.

Взойдетъ свѣтло дня, настанетъ зной полдневный,
Засохнетъ на травѣ цвѣтъ, солнцемъ опаленный,
Исчезнетъ красота и съ нею жизнь ея.
Такъ въ предпріятіяхъ богатый увядаетъ,
Когда въ сокровищахъ надежду полагаетъ.
Когда не ищетъ онъ по смерти бытія...

По внѣшней формѣ переводъ довольно хорошъ; слогъ плавный; по мѣстамъ переводъ не отличается близостью къ тексту и представляетъ свободную передачу.

Слѣдующія за тѣмъ три небольшихъ оригинальныхъ стихотворенія: «Въ день архистратига Михаила»¹⁾, сонетъ «Обращеніе Савла» и «Вѣчная истина глаголетъ» («Не собирайте на земли богатства...») не выходятъ изъ обычнаго шаблона старинныхъ духовныхъ стиховъ семинарскаго издѣлія.

Вторая рукопись, найденная Е. М. Ивановымъ въ архивѣ Задонскихъ, болѣе позднихъ владѣльцевъ Б.-Бурлука, состоитъ изъ 62 перенумерованныхъ страницъ такого же формата и того же почерка, съ хронологической помѣткой—ноября 30 дня 1830 г., съ такимъ предисловіемъ: «Благотворитель! Благотворить—добродѣтель, свойственная душамъ христіанскимъ; быть благодарнымъ—священнѣйшій долгъ облагодѣтеннаго. Пріймите умственную лепту сію! Посвящая оную вамъ, надѣюсь, что по возможности плачу вамъ долгъ свой. Ахъ нѣтъ! никогда не будетъ въ состояніи заплатить вамъ долга своего облагодѣренный вами Николай Флавицкій».

Рукопись носитъ общее заглавіе: «Утреннія и вечернія размышленія грѣшника кающагося»; но такъ какъ эта рукопись начинается съ 4 утра, то нужно думать, что ранѣе были уже «размышленія» на первые три дня. Содержаніе этой рукописи слѣдующее.

<i>Утро четвертое</i> —О Молитвѣ Господней	стр. 3
<i>Вечеръ четвертый</i> —«Яко овца на закланіе ведеса»	» 19
<i>Утро пятое</i> —«Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ»	» 30
<i>Вечеръ пятый</i> —«Боязнь смерти нападе на мя»	» 39
<i>Утро шестое</i> —«Призови мя въ день скорби»	» 48
<i>Вечеръ шестой</i> —«На мѣстѣ идѣже полизаша свини и пси кровь его»	» 55

Всѣ произведенія прозаическія; послѣ каждаго отмѣчены с. Федоровка, время составленія «размышленія» напр. послѣ «утра пятаго»—«соч. 8 ноября 1830 г. отъ 10 до 12 час. утра, переписывалъ послѣ обѣда»,

¹⁾ Храмъ въ Бурлукѣ во имя Архистратига Михаила.

и послѣ каждого отмѣчена погода, напр., послѣ «5 утра» — «при восходѣ солнце показалось на минуту; цѣлый же день пасмурно». Всѣ «размышленія» духовны до крайности, безъ малѣйшаго отраженія народнаго быта, личныхъ отношеній или вѣшной природы, одни разглагольствованія, скучныя и сухія, мѣстами аскетически суровыя. Авторъ обличаетъ грѣшниковъ вообще и щедро разсыпаетъ угрозы смерти и ада.

Не прибѣгая къ изданію «размышленій» Флавицкаго, отмѣтимъ для общаго знакомства съ ихъ стилемъ и характеромъ два — три мѣста. Достаточно сказать, что первое и главное «размышленіе» о Молитвѣ Господней начинается такой тирадой: «Богъ, Творецъ безчисленныхъ міровъ, въ солнцѣ полагаяй селенія своя, создавый небо и основавый землю, Владыка видимыхъ и невидимыхъ, маніемъ вращающій вселенную, Тотъ, въ десницѣ Коего ключи ада и смерти, Безначальный, Безконечный, Премудрый, Всемогущій, Правосудный, Милосердный Богъ, Отецъ Сына возлюбленнаго, Спасителя нашего, прежде всѣхъ вѣкъ отъ него рожденнаго, по непостижимому челоуѣколюбію своему, благоволилъ повелѣть и намъ, червямъ пресмыкающимся, праху и пеплу, преступникамъ Закона Любви, грѣшникамъ, недостойнымъ помилованія его, именовать себя Отцомъ. Со страхомъ и трепетомъ, яко рабъ неключимый, во прахѣ, яко сынъ праха, поверженный едва смѣю возвести очи мои на небо и отверзти скверная и нечистая уста мои для воззванія къ Тебѣ: «Отче нашъ!»...

Такое крѣпостнически-холопское отношеніе къ Божеству проходитъ черезъ всѣ размышленія Флавицкаго. «Воля челоуѣческая есть источникъ зла»... «Челоуѣкъ съ перваго мгновенія бытія своего презирается Богомъ»... Во многихъ мѣстахъ обнаруживается осужденіе богачей, но въ самыхъ общихъ формахъ, что не мѣшало искать «благодѣтелей» и пользоваться подачками современныхъ помѣщиковъ. «Роскошныя Сардапалы» охотно принимали именинныя и праздничныя литературныя приношенія. Любопытно, какъ подгонялись эти приношенія. Относительно А. Я. Донца-Захаржевскаго, напримѣръ, извѣстно, что онъ торжественно справлялъ дни Пасхи, Рождества Христова и день своего ангела — 30 ноября, и посвященія Флавицкаго относятся — одно къ 25 декабря, другое къ 30 ноября. Относительно личности А. Я. Донца-Захаржевскаго найдутся весьма интересныя сообщенія въ IV т. «Истор. стат. опис. Харьк. епархіи Филарета» (309—314). Особенности его личнаго характера въ значительной степеніи объясняютъ появленіе «размышленій» Флавицкаго.

«Въ числѣ прихожанъ, говоритъ арх. Филаретъ, весьма замѣчательнымъ лицомъ и притомъ въ христіанскомъ отношеніи былъ создатель

храма (въ честь арх. Михаила) Андрей Яковлевичъ Захаржевскій... Въ дѣтствѣ лишенъ матери, Андрей Яковлевичъ воспитывался въ домѣ родственниковъ. Еще въ дѣтствѣ Андрей Яковлевичъ отличался особенной добротою, кроткимъ и чувствительнымъ сердцемъ. Слабый здоровьемъ, онъ не обнаруживалъ въ себѣ блистательныхъ дарованій, не отличался и ловкостью въ обращеніяхъ, такъ высоко цѣнимой въ свѣтскомъ быту. При слабомъ здоровьи онъ недолго служилъ въ военной службѣ, и оставилъ ее въ чинѣ ротмистра. Кромѣ нездоровья заставила его выйти въ отставку преимущественно болѣзнь отца, который отъ паралича лишился употребленія языка, рукъ и ногъ... Но сколько сынъ былъ нѣженъ къ больному отцу, столько отецъ не оказывалъ ласки сыну... Онъ заставлялъ его довольствоваться тѣмъ, что давалъ ему на содержаніе управляющій, изъ крестьянъ, человекъ жестокій»... По смерти отца въ 1801 г., Андрей Яковлевичъ взялъ управленіе въ свои руки. Онъ женился, но черезъ 11 лѣтъ овдовѣлъ, вскорѣ потерялъ любимаго брата Владиміра. «Потеря доброй супруги сильно подѣйствовала на кроткую душу Андрея Яковлевича; онъ сталъ болѣе прежняго усерденъ къ храму Божіему, и суетность всего земного еще живѣе стала представляться душѣ. А смерть любимаго брата и друга Владиміра († 1824 г.) произвела еще болѣе рѣшительную перемену въ душѣ его. Съ этого времени онъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ. Въ это время онъ рѣшилъ построить храмъ Богу и построить храмъ, достойный Его имени. Ни съ кѣмъ изъ мастеровыхъ онъ не дѣлалъ торга; я строю храмъ для Бога; бери, чего стоитъ трудъ твой, только дѣлай дѣло по совѣсти для того же Бога. Когда храмъ былъ конченъ, многіе спрашивали о его стоимости. Онъ отвѣчалъ: съ Господомъ не вель я счета, а желалъ только одного, чтобы ему была пріятна моя жертва. Андрей Яковлевичъ веселился иногда съ другими. Особенно дни Рождества Христова, Пасхи и день своего ангела онъ проводилъ весело: званный и незванный тогда были его гостями». Въ эти дни Донецъ-Захаржевскій оказывалъ разныя благотворенія, помогалъ должникамъ, бѣднымъ и т. д. Арх. Филаретъ приводитъ нѣсколько случаевъ его щедрой благотворительности. Андрей Яковлевичъ Донецъ-Захаржевскій скончался въ 1841 году.

Сочиненія Флавицкаго, стало быть, приходится ко времени наибольшаго развитія въ Донецъ-Захаржевскомъ его религіознаго настроенія, по смерти жены и брата.

Бесѣды неизвѣстнаго южнорусскаго сельскаго священника 1823 г.

Въ 1885 г. въ харьковское историко-филологическое Общество для временнаго пользованія была доставлена Л. С. Мацѣвичемъ рукопись «Бесѣды» малорусскаго священника 1823 г. Въ свое время эта рукопись не была использована и возвращена была Л. С. Мацѣвичу по принадлежности. Всѣхъ бесѣдъ 17; изъ нихъ 7 было мной переписано, и эти 7 словъ положены въ основу настоящей статьи. Очень скромныя на первый взглядъ эти бесѣды оказываются весьма интересными при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Передъ нами явленіе въ высокой степени симпатичное: простой сельскій священникъ обращается съ простыми словами поученія и любви къ своимъ прихожанамъ на родномъ ихъ украинскомъ языкѣ, и что еще болѣе симпатично, этотъ скромный, неизвѣстный даже по имени служитель алтаря выступаетъ откровеннымъ и прямымъ сторонникомъ свободы совѣсти, другомъ просвѣщенія и проповѣдникомъ добра.

Въ ясной, общедоступной формѣ, живо, задумешно и убѣжденно добрый пастырь объясняетъ въ бесѣдахъ символъ вѣры, таинства и заповѣди Моисея; бесѣды въ произношеніи занимаютъ каждая около полчаса времени. Религіозные мотивы въ «Бесѣдахъ» тѣсно переплетаются съ мотивами бытовыми, при чемъ въ вопросахъ религіозныхъ авторъ обнаруживаетъ большую независимость и свободу сужденія. Характерно, напримѣръ, то мѣсто въ 14-ый бесѣдѣ, гдѣ авторъ, объясняя первую заповѣдь—«да не будутъ тебѣ иные бози», проводитъ различіе въ почитаніи Бога, пр. Богородицы и святыхъ. «Первая заповѣдь Божія требуетъ, чтобы человекъ возлюбилъ Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ. Эта заповѣдь научае и приказуе намъ на единого Господа Бога Творца и Создателя нашего всю надію въ житіи своемъ покладати, его единого бояться и его единого якъ тилько можно наибильше поважати, чтити и

шанувати, ему одному молитися и отъ милосердія и отъ щедрости его всякою ласки и всякаго добра просити, надѣяться и чекати. Но вы христіане православные! запитайте мене, коли одному Господу Богу нашему Ісусу Христу треба тилько молитися, то нащо мы молимся до пресвятой и пречистой дѣвы Маріи и до святыхъ? На що ихъ шануемъ и праздники поважаемъ? отповѣдаю такъ вамъ на сіе запитанье: Пресвятая пречистая Дѣва Марія есть такая Дѣва, которая своимъ смиреніемъ, своею чистотою, своею святостію и всѣми добродѣтелями своими, такъ далеко перевисла всѣхъ людей, що Господь Богъ назначилъ ей родити Единороднаго Сына Его, Спасителя всему міру Ісуса Христа, котораго она родивши стала Матерію Божією непрестанно молить сына своего и Бога нашего Господа Ісуса Христа о насъ грѣшныхъ и святыми молитвами заступається и покрываєть насъ отъ всякихъ на свѣтѣ бѣдъ и несчастій и готовитъ намъ легчайшій доступъ до царствія небеснаго: то потому-то мы пресвятую пречистую Дѣву Марію, яко Матерь Божію, яко Премилостивую Заступницу и Покровительницу нашу и повинни чтити и поважати, и таковыми выше всѣхъ святыхъ и до ней молитися еднаково, не такъ якъ до самага Бога, бо Господь Богъ самъ въ тимъ першимъ приказаніи своемъ говорить: да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене, немай иншихъ боговъ опрочъ мене; повинни мы и до святыхъ молитися, ихъ шанувати, праздники чтити, праздновати и поважати, но трохи менше, якъ молимся, якъ шануемъ и поважаемъ Господа Бога нашего Ісуса Христа ради того, що святіи не суть Богъ, а тилько добріи слуги Божіи, слуги такіе, которые святымъ добродѣтельнымъ и щастливымъ житіемъ на землѣ догодили Господу Богу такъ, что Господь Богъ, принявши ихъ съ великою радостію до царствія небеснаго, допустилъ ихъ дуже близко до небеснаго своего трону и даровалъ имъ ласку свою, щобъ вони завше смѣло молилися до него и просили его о тихъ жившихъ на землѣ людяхъ, которые шануючи ихъ дни и поважаючи праздники ихъ будутъ съ своими молитвами удаватися и черезъ нихъ шукати и просити у Господа Бога ласки и спасенія душамъ нашимъ. Для того грѣшать противъ першей заповѣди Божіей тѣ люди, которые думаютъ, що святыхъ Божіихъ такъ треба шанувати, поважати и такъ треба бояться, якъ самага Господа Бога, що ихъ праздники такъ шановне праздновати треба, якъ и праздники Господа Бога нашего Ісуса Христа, що имъ равно треба кланятися и молитися, якъ и самому Господу Богу. Но се грѣхъ противъ первой заповѣди Божіей не стільки еще важный и великій, уважайте лишь дальій кто-то грѣшитъ? Якіи люди! якъ сильно и страшно грѣшать противъ першой заповѣди Божіей,

гдѣ Господь Самъ о себѣ говоритъ: Азъ есть Господь Богъ твой и мощно приказуе, да не будутъ тебе бози иніи развѣ мене; кто-же и якіи люди грѣшатъ противъ сей заповѣди Господней? Грѣшатъ противъ первой заповѣди Божіей перше тыи люди, которые Господа Бога не знаютъ и знати Его не хотятъ, которые во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли не вѣруютъ, и вѣрить не хотятъ, коротко сказать, грѣшатъ противъ сей заповѣди святой Божіей всѣ невѣрніи и безбожіи люди, друге грѣшатъ также, якъ безбожники и невѣрніи, або еще гирше грѣшатъ волшебники, колдуны, шепотники, заславщики, ворожбыти, знахари, грѣшатъ страшно тыи всѣ, що шепчуть и будто отшепчуютъ яки хороби, и замовляютъ кровь, що дивлятся на мисяць, на звѣзды, на руки и будто угадають чіе нибудь счастье, або несчастье, що ворожатъ чимъ небудь, що закручуютъ во пашнямъ закрутки, будто на чію голову, и на чіесь зло. Всѣ волшебства, всѣ колдувства, всѣ шепти, замовки, ворожбы, знахурства выдуманы въ пеклѣ. Сатана велѣлъ своимъ пекельнымъ слугамъ діаволамъ вынести ихъ изъ пекла, рознести по землі и научити ихъ дьявольскимъ шептамъ, ворожбамъ, знахурствамъ тѣхъ людей, которые отстануть отъ Господа Бога и Творца своего и пристануть до нихъ, ихъ слушаютъ и пріймуютъ ихъ пекельную науку. Для того то всѣ волшебники, колдуны, знахари, замовщики, ворожбыти и шептуны и грѣшатъ противъ сей заповѣди Божіей предъ Господомъ Богомъ».

Развивая въ 15 «Бесѣдѣ» мысль о грѣховности колдовства и знахарства, авторъ касается важнаго пункта — общественной полезности знахарей и рѣшаетъ его такъ: «Знайте, православные христіане, що якъ грѣшатъ волшебники, колдуны, чародѣи, ворожки, шептухи, знахари и замовщики, такъ равно грѣшатъ и тыи, що вдаются до нихъ. Знаю, що вы мене можете сказать, що удаваться до ворожокъ, до знахаривъ, до шептухъ заставляе челоуѣка иногда великая бѣда и остатная нужда. Скажите мене до кого бѣдному челоуѣковѣ на семь, коли захоруетъ, або самъ, або жинка, або дитинка, вдатися, якъ не до бабы, котора умѣетъ шептать добре, и замовляти и разными способами людямъ помогати? кого спитати, коли трафится яка пропажа? або яке буде счастье, якъ не ворожки? хто може на полѣ въ пашнѣ выкрутить закрутку, або въ други, яки при господарствѣ бѣдѣ порадити и зацѣлѣти злomu, якъ не знахуръ? а я вамъ скажу, чимъ більшая бѣда и несчастье трафится челоуѣковѣ, тѣмъ скорѣе винъ повиненъ удаватися и прибѣгати до Господа Бога, чи трафится тебѣ, або женѣ твоей и дѣтитѣ захоровати прибѣгай на самой передъ и якъ можно скорѣйше, до того, кто

болѣзни творить и пакы возставляеть. Прибѣгай и вдавайся до Господа Бога всемогущаго, або другія яке несчастіе или бѣда приключится тебѣ прибѣгай заразъ до его-же Милосердія, до Его-же Пресвятой Ласки».

Далѣе авторъ дѣлаеть замѣчательную попытку противопоставленія научной медицины суевѣрному знахарству и, какъ бы въ предчувствіи будущей земской работы, относится къ медицинѣ съ большой похвалой: «Если грѣхъ удаватися въ болѣзняхъ и хворобахъ до бабъ знахурокъ, то може грѣхъ удаватися и до докторовъ? ни до докторовъ не тилько не грѣхъ удаватися, но и самъ Господь Богъ приказуе до нихъ удаватися, послушайте що слово Божее повѣдае о докторахъ: почитайте врача противу потребъ честію его, ибо Господь созда его, отъ вышняго бо есть исцѣленіе. Господь созда отъ земли врачеваніе, то есть шануй доктора, бо его Господь Богъ создалъ и докторомъ Господь Богъ выкуруе тебе отъ болѣзни. Такъ бачите чего не грѣхъ въ болѣзняхъ удаватися до докторовъ, для того Господь Богъ и докторивъ создавъ и повелѣвъ землѣ родити такія травы и зелія, съ которыхъ доктора лѣкарства роблять и хорихъ ними лѣчатъ и курують».

«Еще вы можете мене сказати, що хоть и грѣхъ до бабъ и знахуривъ удаватися, але треба ихъ боятися, боятися треба для того, що вони знаются съ сатаною и съ его бѣсами, то можуть шкодити людамъ. Я вамъ отповѣдаю, що ныже мало нетреба бабъ и знахуривъ боятися, хоть то було и правда, що вони съ бисами знаются. Нетреба говорю боятися, для того що сатана со всѣми своими такъ лютой, що радъ бы за однимъ разомъ весь народъ крещеный пожерти, однако винъ не може ни одному христіаниновѣ ни на волосъ ни якого зла зробити, да не тилько христіаниновѣ, або каждому челоуѣковѣ, но каждой скотинѣ не можетъ зробити зла... Правда що сатана и бѣсы могутъ людамъ зло робити, але тогда, коли Господь Богъ дозволить и допуститъ. Коли же Господь Богъ дозволяе и допускае? тогда коли люди не тилько перестаютъ Господа Бога шановать, и любить, и боятися, но и забувають Его, тогда коли хоть молятся, хоть говорятъ Отче нашъ иже еси на небесехъ и Вѣрую во единого Бога отца вседержителя, но не щире молятся и неправду говорятъ, бо вони боятся и вѣрують въ колдуны бильше, ворожекъ, шептухъ, знахуривъ, видьмамъ, упиривъ, волкуловъ, якъ во единого Бога Отца вседержителя. Тогда Господь Богъ позволяе и допускае, щобъ бѣсы зло и пакости робили людамъ».

Въ 16 «Бесѣдѣ» осуждаются народныя повѣрья о дурныхъ встрѣчахъ: «послушайте приччу. Есть люди, которые и думаютъ и вѣрятъ, що коли вони якую нибудь вещь, то есть, або яку траву, або зелье яке, або

камишикъ якій, або другій якій крутець, або кусочекъ дерева будуть завше коло себе носити, то съ ними ниякого зла, ниякого несчастія не може трафится. Есть люди що уважають, чи кто зъ повнымъ ведромъ, чи съ порожнимъ ведромъ переходитъ имъ дорогу, чи пинь, чи жидь ихъ встрѣчае и коли имъ кто переходитъ дорогу съ повнымъ, або жидь ихъ встрѣчае на дорогѣ, то пріймають се за знакъ добрый и вѣрятъ що имъ дорога будетъ счастлива, а коли имъ кто перейде дорогу съ порожнимъ и встрѣне на дорогѣ священника, то мають сее за злый знакъ и вѣрятъ, що уже счастья и удачи nebude и потому иногда вертаются назадъ и откладываютъ дорогу и дѣло до другого часу. Есть люди, которые разбирають дни и вѣрятъ, що такий-то день счастливый, а такий-то несчастливый, въ такий день можно яке нибудь дѣло зачинати, або въ дорогу выѣзжати, а въ такий не можно. Есть люди, которые спамъ своимъ такъ вѣрятъ, якъ Божьему Ангеловѣ. Все сие и подобное до сего повымышливъ сатана, и люди, котори такихъ сатанинскихъ вымысливъ причисляются, ихъ обсервуютъ и имъ вѣрятъ называются суевѣрами. А суевѣръ и безбожникъ все одно, безбожникъ ниже малѣйше не вѣрятъ у Господа Бога, а суевѣръ хотя вѣритъ, но пустая, никчемная, або лучше сказать мертва его вѣра. Для того що винь пріймаючи и вѣруючи, якобы до него не допустить, ни якого зла и несчастія якого, якая нибудь пустая и ничего невартая вещь, не вѣритъ уже и не пріймае премудраго Божьяго промысла, то есть пресвятой и премилосердной опеки Божьей надъ всѣмъ міромъ, а наибильше опеки о человекѣхъ христианиновѣ и бильше вѣритъ въ никчемную вещь, ніжъ въ всемогущаго Бога, и потому и вѣра его никчемна, мертва вѣра такая, которая ничего ему до спасенія не поможе и съ такою вѣрою человекъ передъ Господомъ Богомъ все равно, якъ безбожный и невѣрный. Мы знаемъ, якъ христiane, що Господь Богъ Творецъ Спаситель и благодѣтель нашъ повсюди сходится и завше съ нами есть».

Лучшимъ украшеніемъ «Бесѣдъ» является широкая вѣротерпимость автора. Въ 16 «Бесѣдѣ» онъ говоритъ: «Итакъ повинни мы всякаго человека любить, не разбираючи чи такой винь вѣры якъ мы, чи ыншой. Чи мае винь яку вѣру, чи не мае жадной, бо нашъ Господь Богъ приказавъ любити ближняго своего, а не разбирати якій кто вѣры? но схоче кто? Якъ менѣ любити такого человека, который не одной со мною вѣры, зо мною не молится и зо мною не ходитъ разомъ въ церковь? А такому отповѣдаю, що не разбирай, кто какой вѣры, а люби подобнаго тебѣ человека. Не твое дѣло думати о вѣрѣ того человека, котораго ты повиненъ любить, а дѣло Господне. Господь Богъ одинъ разбираетъ вѣру

каждаго челоуѣка найлѣпше, и коли еретики и раскольники въ вѣрѣ своей грѣшати, то грѣшати не передъ людьми, а передъ Господомъ Богомъ и который ихъ може и що захоче съ ними робити, а ты коли бачишь и знаешь, що вони грѣшати, повинень Господу Богу молитися, щобъ Господь Богъ показавъ имъ правдивый свѣтъ Святаго Евангелія Своего и настановивъ ихъ на правую дорогу въ вѣрѣ. Такъ святая православная церковь наша приказуе намъ, чадамъ своимъ, молитися и сами молимся, яко чуете завше коли священникъ говорить: о мрѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся, що значитъ: помилуй Господи, дай Господи міровѣ твоему, тишину и спокойствіе, утверди Господи святыя твои церкви и всѣ церкви соедини, щобъ вони пресвятое имя твое величали, славили и хвалили во единомысліи, любви и согласіи, такъ якъ подобае. Грѣшати дуже тѣ люди предъ Богомъ, которые видячи челоуѣка другой, якъ вони вѣры, цураются его, гнѣваються, ненавидяць и кривдять его, да еще думаютъ, що вони цимъ роблять Господу Богу не малую прислугу: правда, що прислуга велика, але сатанѣ, а не Господу Богу, бо Господь Богъ приказуе любити и ворогивъ своихъ, а сатана и брата на брата вооружае. Колибъ Господь Богъ не схотивъ, щобъ другихъ вѣрѣ не було, якъ тилько одна, то однимъ своимъ словомъ мигъ въ одинъ мигъ всѣ вѣры истребити, а оставить одну, якъ-бы ему подобалось, а коли Господь Богъ разныя вѣры пріймае на земли, то людямъ що до того? Хиба вони хотять бути мудрѣйшими отъ Бога».

Чтобы ознакомиться съ практическимъ гуманизмомъ автора, трезвостью его взглядовъ и доступностью языка приведемъ въ цѣлости одну его «Бесѣду», именно 12-ю о бракѣ: «Сказавши вамъ уже, православные христіане, якъ мнѣ Господь Богъ допомогъ сказати, о пятомъ сокраментѣ, о крещеніи, о миропомазаніи, о причастіи, о сповѣди, о священствѣ, хочу сказати и о шестомъ сокраментѣ о бракѣ, или прошу-же васъ возлюбленные! Слушайте и уважайте, що вы якъ люди христіане повинны знати о малженствѣ, повинны знати то, що сей сокраментъ малженство самъ Господь Богъ установилъ. Колижъ его установивъ? тогда якъ только создавъ першихъ на свѣтѣ двоихъ людей Адама и Еву и поблагословивши ихъ сказавъ имъ: плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю, якъ и Святое Боже Писмо оповѣдае намъ, и сотвори Богъ челоуѣка пообразу Божію, сотвори его, мужа и жену, сотвори ихъ и благослови ихъ Богъ глагола, раститися и множитися и наполняйте землю. Сими словами установилъ Господь Богъ сокраментъ малженство. А для чего сокраментъ сей установивъ, то мы можемъ познати сее изъ тѣхъ Господа Бога словъ,

що винь сказавъ раститесь и множитесь, и наполняйте землю, то есть Господь Богъ маленство установивъ для размноженія рода людскаго и не просто для размноженія, но щобъ люди размножуючись славили, хвалили, и благодарили Господа Бога Творца своего за те, що винь ихъ создавъ, подаривъ ихъ всякими благодѣтельницами и ласками своими, то слушайте якими благодѣтельницами одаривъ Господь Богъ людей своихъ создавши ихъ.

Найпершее и наибольшее благодѣтельство для людей есть то, що Господь Богъ сотворивъ ихъ на образъ и подобіе свое, то есть тѣло Адамово зробивши изъ земли, а Евине изъ ребра Адамоваго, даровавъ имъ душу безсмертную, святую, чистую, праведную и безгрѣшную и давъ имъ разумъ, волю и память. А другое благодѣтельство то, що якъ сказавъ Господь Богъ раститесь и множитесь и наполняйте землю, то прибавивъ еще то и господствуйте ею и обладайте рыбами морскими и звѣрями, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающими на землѣ. И рече Господь: се дахъ вамъ всяку траву сѣменную, сѣющую сѣмя еже есть верху земли всея; и всякое дерево еже имать въ себе плодъ сѣмянне сѣяннаго вамъ будетъ въ снѣдъ, то есть сказавъ Господь Богъ раститесь и множитесь и наполняйте землю и будете господами и панами надъ всѣми рыбами водными, надъ звѣрями, надъ птицами небесными, надъ скотами, надъ всѣми гадами земными, словомъ будете господами и панами насъ всею землею, и даю вамъ всякій плодъ земной и древесный и все що родить земля въ покормъ. За такіи милости и благодѣтельства чи не повинны люди Господа Бога и Творца своего славити, хвалити и благодарити и размножатися на землѣ, а бильше всего памятуючи, на то несповѣданное благодѣтельство, которое Господь Богъ правовѣрнымъ и добродѣтельнымъ христіанамъ даруетъ по смерти въ царствіи Своемъ небесномъ. А щобъ размножающіеся люди одни по другихъ Господа Бога и Творца своего добре знали и Его за все славили, хвалили и благодарили, то мужъ и жена, яко родители, повинны дѣтей своихъ научати, чтобы вони знали Господа Бога и Творца Своего, щобъ его наибильше шановали, щобъ отъ всего сердца своего любили и боялись Его, щобъ Законъ Божій, Десятеро Боже приказане знали и жаловали. Повинни родители дѣтей своихъ научати Господу Богу молитися, повинни ихъ изъ малешня водить въ церковь Божию и наказывати, щобъ вони въ церквѣ стояли, со страхомъ Божиимъ, щобъ съ набожностію слухали служби Божіи и той науки, котору священникъ каже для збудування и пожитку душъ, коротко сказать повинностью родительскою есть пильнее наше стараніе, щобъ дѣти були якъ вырастуть людьми

добрыми, честными, счастливыми, богобоязливими, набожными, словомъ щобъ были правдивыми христіанами, то будутъ по смерти въ царствіи небесномъ вѣчно счастливыми.

Для сего то, православные христіане, Господь Богъ установилъ сокраментъ малженство. Но що вамъ треба знати при малженствѣ уважайте. *Перше* тѣмъ що забираются малженства молодець повинень мати отъ роду не менше пятнадцати лѣтъ, а дѣвчина не менше тринадцати, хотябы менше сихъ лѣтъ мавъ того святая церковь не дозволяетъ вѣнчати, а коли святая церковь не дозволяетъ, то значить, що не позволивъ сего глава церкви Господь и Богъ нашъ Исусъ Христось, также святая церковь и такою шлюбу давати, гдѣ дѣвчина значне старше лѣтами отъ молодца не дозволяе. *Друге* тыи особы, що забираются до малженства, повинны умѣти Богу молитися, повинни умѣти Отче нашъ, Богородице Дѣво, Вѣрую во единого Бога и другія христіанскія молитвы, также неотмѣнно повинни знати Десятеро Божіе приказаніе, бо коли вони хотять вступити въ малженство, для чого щобъ бути родителями, то повинни знати родительскія повинности, которыя потребують отъ нихъ, щобъ вони дѣтей, якихъ Господь Богъ имъ дастъ, могли учинити добрыми людьми и праведными христіанами, а также стыдъ имъ будетъ передъ людьми и грѣхъ великій передъ Богомъ. *Третье* той особы, що забираются до малженства, повинни забираться до него добровольно безъ жаднаго примуса: грѣхъ великій тому, кто пехотящаго примушае до малженства. Церковь святая того шлюбу, до котораго, хотя одна особа приступае не подоброй воли, а спримусу, не дозволяе давати и благословити, а приказуе, щобъ священникъ, якъ тилько молодые, прійдутъ до шлюбу, спитався ихъ напередъ, чи вони доброю своею волей и безъ жаднаго примуса хотять брати шлюбу. Для того-то священникъ заразъ, якъ стануть до винца и говоритъ до молодого: имали ли^о благое и непринужденное произволеніе и крѣпкую мысль пояти себе въ жену сію еже здѣсь предъ собою видиши и необѣщался ли еси иной невѣстѣ, то есть маешь-ли ты добрую и власную безъ жаднаго примуса волю и мощную мысль взяти себѣ за жену свою, що передъ собою бачишь? Чи не дававъ слова другѣ? Сими словами пытается и молодой, а коли священникъ дае шлюбу такимъ особамъ, що не по своей доброй воли пришли до шлюбу, або хоть одна особа не по доброй воли пришла до шлюбу, а съ примусомъ, то дуже гришитъ передъ Богомъ. *Четвертое*. Якъ до малженства забираются люди взрослые то повинни розумѣти силу сего сокрамента и важность, котора потребуетъ того, щобъ молодые приходили до шлюбу въ трезвости, ничего неѣвши и не пивши

и съ набожною слухалы, якъ слуга Божій священникъ просить и молить объ нихъ Господа Бога, щобъ даровавъ имъ Господь Богъ доброе здорově и довгій вѣкъ, щобъ благословивъ ихъ любовію, согласіемъ, миромъ, чадородіемъ и всѣмъ добромъ, и сами тутже повинни молитися со слезами Господу Богу мѣлосердному. *Пятое.* Добрыя дѣти забираются до малженства, съ воли и согласія своихъ родителей, бо зналибъ, кто вступаая малженство безъ воли родителей, то Господь Богъ такого малженства пресвятою ласкою своею неблагословяе и такое малженство частѣйше буває несчастнымъ и недолговѣчно, для того-то дѣти повинни за все до малженства собираются съ воли своихъ родителей, а родители въ добрѣ волѣ дѣтей не повинни никакой перешкоды имиты, хибабъ мали до того дуже яку важную причину. Также повинни якъ дѣти, которыя забираются до малженства, такъ и родители ихъ добре уважати и подумати, чи нема какой перешкоды по кровенству, або по кумовству и коли знайдуть якае близке покровинство, або кумовство, то повинни уклониться отъ такого малженства, да и церковь святая не позволяе въ покровинствѣ, або кумовствѣ вѣнчати, хотъ бы особы хотѣли и просили. *Шесте.* Коли уже благословивъ Господь Богъ черезъ своего слугу священника шлюбомъ, то повинни мужъ жену, а жена мужа любить, ажъ до самой смерти жити согласно и тихомирно, одно другому въ трудахъ и работахъ помогати, одно другого жалѣти, межъ собою не гнѣваться и не злится, одно другого непокидати, бо въ малженствѣ наибольшее передъ Богомъ есть грѣхъ, коли одно другого покидаеъ и безъ вести иде. Грѣхъ тому кто, що другаго кидаетъ, такой ламае и нарушае данный въ церкви, передъ лицемъ Бога всемогущаго, обѣтъ и слово особѣ, съ котораго взялъ шлюбъ, и тѣмъ протівъ воли Божіей незаконнымъ способомъ разрывае самъ собою и въ нивичъ ставитъ шлюбъ Богомъ благословенный, та и особу, которую кидаетъ кривдитъ и якъ тая особа, що утекаетъ, грѣшитъ, такъ дае поводъ до грѣха, и той особѣ, которую покидае, а щожъ уже говорить о томъ, коли мужъ покинувши жену, та женится на другій, а жена покинувши мужа та выходитъ за другого, чи можно такой шлюбъ сняти за шлюбъ? нѣ се не шлюбъ, се нанавистный Богу грѣхъ, се мерзкое прелюбодѣйство, за которое Господь Богъ по смерти прелюбодѣвѣвъ укоряе вѣчными пекельными муками. Но скаже мужъ, якъ не покинути жени, коли вона зла, коли вона недобра, коли вона ледащо, коли изъ нею не можно жаднымъ способомъ ужити, я отвѣдаю такому мужу, що якабъ жена небула, повиненъ знею жити, повиненъ все терпѣти, а не кидати, треба знати, що мужу жена, а женѣ мужъ отъ Бога назначается и дается. Годенъ въ Бога той мужъ

и счастливый, коли ему Господь Богъ даетъ жену добрую, смирную, трудолюбивую, вѣрную, цнотливую, также и жена счастлива, коли має такого мужа, за сее якъ наибольшую въ свѣтѣ ласку, повинешъ якъ мужъ, такъ и жена Господа Бога славить, хвалить и благодарить, чили дякувати, но колижъ Господь Богъ дае мужу жену злую, або женѣ мужа злого, то повинны знати, що такою женою, або такимъ мужемъ Господь за щось карае ихъ на симъ свѣтѣ и коли съ благодареніемъ Господу Богу перетерпѣть все мужъ, або жена, то Господь Богъ на тимъ свѣтѣ по смерти мужа, або жены, даруетъ въ царствіи небесномъ животь вѣчный. Напослѣдокъ знайте христіане православные, що святая православная церковь позволяеть тилько благословити шлюбу першій, другій, а когда и третій, но четвертаго жаднымъ способомъ не позволяе давати и благославляти; четвертаго шлюбу въ православной церкви уже нема, а потому ежели-бъ кому по воли Господней три жены, або женѣ три мужа умерши, то четвертаго шлюба имѣти грѣхъ. Боже премилосердный, храни насъ отъ сего такъ и ото всѣхъ грѣховъ. Аминь».

Авторъ входитъ въ нужды своихъ слушателей, стремится посвятить ихъ въ церковныя правила о бракѣ, укрѣпить въ общественномъ сознаніи связанныя съ бракомъ нравственныя обязанности.

Духъ живой и творческой христіанской добродѣтели проникаетъ всѣ «Бесѣды», и въ концѣ 16-ой «Бесѣды» авторъ прямо говорить, что Богу угодно не только знаніе людьми Его заповѣдей, а исполненіе ихъ въ жизни. «Не тыи люди праведны передъ Богомъ, що чуютъ и знаютъ Законъ Божій; но Господь Богъ тыхъ и оправдае и спасе, котори роблять такъ, якъ Святый Законъ приказуе»...

Если сравнить неизвѣстнаго автора «Бесѣдъ» съ Флавицкимъ; а по времени «Размышленія» послѣдняго близко стоятъ къ «Бесѣдамъ», то на сторонѣ неизвѣстнаго автора окажутся многія преимущества—отзывчивость на потребности общества, гуманное отношеніе къ людямъ, подкупающая искренность и простота. Тутъ не было близости знатнаго и богатаго «благодѣателя», цѣтъ и тѣни угодливости, тутъ одно открытое, доброе сердце, отзывчивое, чуткое, правдивое.

Проф. Н. О. Сумцовъ.

Принадлежитъ
Кіевской Городской Библиотеке
имени Н. В. Гоголя
и продана быть не можетъ.

0-30

~~Принадлежит
Киевской городской Народ-
ной бесплатной читальни
имени Н. В. Гоголя
и продана быть не может.~~

17 ✓
1408

7/15

Б 175593